

ДЕСЯТЬ СТРЕЛ ДЛЯ ОДНОЙ

р о м а н

Новые приключения
самой знаменитой пары:
журналиста Димы
Полуянова и его верной
подруги Нади
Митрофановой!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Annotation

На скромную библиотекаршу Надю Митрофанову свалилось неожиданное наследство: дом с прекрасным садом в ближайшем Подмосковье. Правда, соседи там довольно неприятные: зловещая слепоглухая ясновидящая, стареющая красотка-психопатка, пьющая куриную кровь, и подозрительный, всюду сующий свой нос пенсионер. А над дачным поселком возвышается темный недостроенный замок, на развалинах которого произошло уже не одно убийство. И с того дня, когда Надя и ее возлюбленный, журналист Дмитрий Полуянов, переступили порог своего дома, с ними начали происходить странные пугающие события, которые совсем не вяжутся с безмятежным дачным отдыхом...

- [Анна и Сергей Литвиновы](#)

-

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

Анна и Сергей Литвиновы

Десять стрел для одной

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Все герои вымышлены, все события придуманы.

В реальности ничего подобного никогда не происходило.

По пятницам она всегда ездила в офис на метро. Коллегам говорила: глупо тащиться на машине в самый пробочный день. Да и бокал вина приятно выпить на излете рабочей недели.

Сослуживцы (наивное стадо!) понимающе кивали. Они были уверены: начальница – безбожно скучна. По будням – строит карьеру, по выходным – грустит перед телевизором. Никому в голову прийти не могло, что вся ее жизнь – сплошной миф. Что истинное ее имя – Апата. Богиня лжи и обмана.

И что счастлива она только в этой своей ипостаси.

Когда рабочая неделя заканчивалась, Апата спешила к метро. Поначалу еще мелькали знакомые лица: вечная бабуса из ларька с проездными, грустный парень-сэндвич («глушители и жестяные работы»), пьяненький афроамериканец с листовками танцевальной школы. Но чем глубже в подземку, тем дальше от банального вечера пятницы.

Богини лжи и обмана проводят выходные по собственному регламенту. Апата никогда в жизни не видела «Поле чудес» и ни разу не покупала себе пенную бомбу для ванны. Она не посещала спа-салоны и не мечтала улучшить внешность. Привлекать к себе внимание любит никчемная птица павлин. А ей куда больше нравилось быть мимолетной тенью. Размытым отражением. Отзвуком.

На работе (что поделаешь) требовалось носить маску.

Клиенты – в большинстве мужчины. Им скучно вести дела с девушкой

в бесформенных джинсах. Приходилось одеваться на потребу самцам: каблуки, юбка выше колен. Блузка или водолазка в обтяжку. К концу недели ненавистная шкурка натирала отчаянно. Апата минуты считала, когда сбросит наносное и обратится в себя истинную.

Уйти с работы одной никогда не получалось. Коллеги не оставляли в покое, тянулись за ней, терзали скучными разговорами про киношки, кафешки, премьеры и чем заняться в выходные. Апата виртуозно выдумывала собственные планы: фитнес, гольф, теннис, конный спорт. Поезд метро неся вперед. Сослуживцы постепенно выходили, отсеивались. Она покидала состав на «Комсомольской». Якобы шла на пересадку – все знали, что у нее квартира в Сокольниках. Попутчиков на красную ветку, по счастью, не было. Апата медленно шла по платформе. Доставала пудреницу, на ходу пробегалась по лицу пуховкой. На самом деле не пудрилась – смотрела в зеркальце, убеждалась: за ней никто не следует. И ни на какую пересадку не шла. Направлялась к вокзалам. На Ярославском, в камере хранения, брала сумку. Дальше перебежала на Ленинградский, в платный душ. Заходила в раздевалку. Запихивала офисную униформу в пакет. Надевала шлепки. Шла в помывочную. Становилась под горячие струи. Смывала с себя косметику и фальшь рабочего дня. Потом вытиралась. Натягивала мягкие черные брюки. Влезала в любимую водолазку, или толстовку, или куртку – тоже обязательно черные. Со стоном восторга натягивала удобные мокасины. Стирала с ногтей красный лак, собирала волосы в хвост. Доставала очки с дымчатыми стеклами.

Душевую всегда сторожила одна и та же одышливая, но сноровистая старуха. Она цепко вылавливала из потока наркоманок и пьяных, горласто орала на редких смелых, кто проскакивал, не заплатив. Иногда сверялась с плакатом «Внимание, розыск!», что висел у нее за спиной. Но метаморфоза, которая каждую пятницу происходила с Апатой, ее не интересовала. Взгляд всегда равнодушный: «Без сдачи есть? Спасибо. Проходите».

«А может, давно заметила? И сообщила куда следует?»

Но, видно, не было такого закона, что девушке по пятницам нельзя менять имидж. И представители власти ни разу к ней не подходили. А подошли бы – ничего страшного. Паспорт, гражданство, прописка – все в полной норме.

Апате в принципе ничто не мешало ездить после работы домой и переодеваться там, без всяких посторонних глаз. Но жаль было терять полтора часа времени. Плюс вокзальный антураж (камера хранения, белый

казенный кафель, мельтешение лиц) вдохновлял. Хорошо настраивал – на риск и грядущее беззаконие.

Апата вежливо кивала старухе, сторожившей душ. Закидывала в камеру хранения сумку с офисной одеждой и мокрым полотенцем. Она поменяет ее на другую как-нибудь вечером, на неделе.

Потом снова прыгала в метро. Теперь путь лежал на Рижский. Или на Курский. Там электричка – до станции Павшино. Дальше автобус или маршрутка. Хотя пригород совсем ближний, народ здесь гораздо любопытнее, чем в столице. И новых лиц мало. Таксисты косятся, тетки-торговки, прохожие. Любопытно им, куда это она собралась. Молодая. Не местная. Одна. В пятницу вечером. В черном.

Можно было переодеваться. Экспериментировать с гримом. Но Апата предпочитала не внешность менять, а постоянно выискивать новые маршруты.

Пока их было наработано семнадцать. Недавно придумала восемнадцатый: от Тушинской, оказывается, прямо до Павшино можно докатить на маршрутке. А дальше – юркнуть в Железнодорожный переулок, попетлять, убедиться, что никто за тобой не следует, – и в лес, на тропинку, с фонариком.

Ночной природы Апата боялась куда меньше, чем людских, просвечивающих до донышка глаз. Что плохого ей может сделать лось или филин? А от бродячих собак она носила с собой перцовый баллончик.

Любимый иногда встречал ее на полпути. Но чаще ждал дома. Она, в ночи, сама вся черная, будто грозовое небо, проскальзывала в калитку. Скреблась в дверь. И бросалась в его объятия.

Каждый раз, едва ныряла с разгону в тину его изумительных зеленых глаз, замечала: морщина меж бровей буравится все глубже. И взгляд-безнадега обволакивает, тащит за собой в топь. Он старел с каждой неделей. Семь дней. Ничтожный срок для включенного в столичную жизнь. И вечность – для отверженного.

– Я люблю тебя, – прижималась она к нему.

Когда-то он сразу истоиво, сладко впивался в ее губы. Теперь поцелуи с каждой неделей становятся холоднее. И пальцы – равнодушные, без тепла. А губы беззвучно шептали:

– Не могу больше. Не могу. Не могу.

Как его было утешить? Выхода Апата не видела.

Чтобы заново родиться, им обоим нужно исчезнуть. Но как это сделать? Пластическая операция? Купить новые документы? Нелегально перейти границу? Простите. Мы не шпионы. И не дети шпионов. Мы

обязательно попадемся.

К тому же Апата не верила, что для них обоих возможна *нормальная* семья. Что они когда-нибудь станут рука об руку ходить в кафе, раскланиваясь с соседями. Да и не нужно ей это. Она не признавалась любимому, но получала удовольствие от той жизни, что вела сейчас. Пусть рабочая неделя бесконечно длинна и скучна. Пусть узкие туфли на каблуках безжалостно натирают. Переговоры тошнотворны, клиенты докучливы. Бесконечный кофе скоро, кажется, закапает из ушей. Зато с каждым днем все ближе становились заветные выходные. А в ночь с пятницы на субботу – никем не замеченная, вольная, дикая – Апата наконец нырнула в метро и улетала в настоящее счастье.

Зачем ей что-то иное?

* * *

Еще в полусне Лана Сумцова провела языком по деснам. Открыла глаза, бросила взгляд на тумбочку. Увидела. Скривилась. Зубы. Ее зубы. На салфетке. Какая мерзость! Она объездила всю Москву и несколько стран Европы. Консультировалась с маститыми профессорами. Убеждала, умоляла. Тем, кто внушаем, пыталась угрожать. Но ставить импланты все равно никто не согласился. А своих зубов, чтоб прицепить мост, не осталось.

Верно говорят: здоровье и молодость никакими деньгами не купишь.

Лана отвернулась от зеркала – не дай бог увидеть в нем собственный щербатый рот! На ощупь всунула протез. Лишь потом на себя взглянула – и сердито отвернулась от стекляшки. Специально выбирала, чтобы стекло мутноватое. Орех, резьба, Ренессанс, антиквариат. А все равно лицо по утрам – хоть топись. Глаза заплывшие, синяки под ними черные. И вообще вторая подтяжка не удалась. Щеки лубочные, как у матрешки, кожа натянута – кажется, сейчас лопнет. В разрезе глаз проглядывают японские нотки. И нос, если смотреть внимательно, теперь чуть набок. Хирург (тот, что резал) клянется: все со временем встанет на место. Но опытные врач-косметологи в один голос твердят: подтяжку можно было только один раз делать. А она не удержалась. Пошла еще на одну.

Лана резко, зло встала с кровати. В поясницу стрельнуло. На подушке остались волоски. Неужели все, старость?!

Нет, депрессия, не позволю! Все у меня хорошо. Денег – куры не клюют. Дом в замечательном месте, новенький «Мерседес». Молодой

любовник. Ночевать его она, правда, никогда не оставляет. Боится, что храпеть начнет. Или что изо рта у нее будет пахнуть.

Лана бросилась в ванную, под горячий душ. Потом долго стояла перед зеркалом. Один крем, второй, третий. Тональник, пудра, подводка. В волосах замаскировать шиньон, зубы тщательно зафиксировать специальным клеем. Утягивающее белье. Платье в обlipку.

На первый взгляд – тридцать.

А чувствуешь себя – на все сто.

Под окном – детский смех. Школа кончилась. Молодежь резвится, носится на самокатах. Лица розовые, носики прямые. Чтоб вы все сдохли!

Лана искренне ненавидела тех, кто моложе.

Сосед – когда в очередной раз поругались – назвал ее злобной мумией.

Ее ровесником, кстати, был. А выглядел как моложаво! Стихи писал. От инфаркта бегал.

«И где ты теперь? – Лана злорадно взглянула на пустой дом. – Из рая на меня смотришь? Да ладно – рай. В земле лежишь, червей кормишь».

Вышла из ванной, покосилась в зеркало: если не приглядываться, почти двадцатилетка. Вы все, завистники, подавитесь!

«А закончу дело – поеду в Швейцарию. Горный воздух, лучшие в мире врачи. Подкорректирую лицо. Если получится, проклятые зубы исправлю».

Пусть юность не продается. Но выглядеть моложе большие деньги позволяют.

* * *

Ольга Васильевна Черемисова стояла на открытой террасе и ловила солнечную энергию. Глаза закрыты, но под веками не черно – пляшут желтые пятна. Кончики пальцев уставлены в небо, по ним стекает тепло. Не слышно птичьего щебета и как ругаются на улице узбеки. Мир для нее онемел, остановился, умер.

Дочь всегда смеялась над ее беседами с солнцем: «Мам, ты бы лучше с инопланетянами на связь выходила».

И соседка, Ланка Сумцова, осуждала: «Дура. Пигментными пятнами пойдешь».

И прохожие косились, крутили пальцами у виска.

Но Ольга Васильевна все свои сорок девять лет оттоптала без оглядки на постороннее мнение. Хотя ее с детства пытались переломить, согнуть, перестроить. К врачам – неврологам и психиатрам – таскали с рождения.

Девочка Оля с первого дня на этой планете вела себя странно. Очень мало спала, плохо ела, закатывалась в истерики. Говорила, что слышит странные звуки. Что умеет разговаривать с птицами.

Неврологи ее лечили лет до пяти. Пока Оля не сообразила, что таблетки можно запихивать за щеку, а потом выплевывать в унитаз.

Когда ей было двенадцать, она сидела на кухне вместе с подружками старшей сестры. Взрослые девочки (десятиклассницы!) гадали на кофейной гуще, Олечка крутилась за их спинами. С любопытством поглядывала на дно чашечек, жадно разглядывала орнаменты на коричневой жиже, слушала толкования, но решительно ни у кого не видела – ни принца, ни богатства, ни тем более студенческого билета.

Только у собственной сестры разглядела картинку: младенец комфортно устроился в утробе, ручки-ножки поджаты.

– Ты с мужчиной познакомишься. Темноволосый, немолодой. Богатый. Замуж позовет, – трещала между тем главная гадалка.

Да где тут замужество? А малыш есть. Палец сосет. Пуповина видна. И писюн изрядный.

Олечка и бухнула:

– Вранье про богатого.

Аудитория мгновенно умолкла.

Ольга выдержала паузу и важно заявила:

– А вот ребенок у тебя родится. Через пять месяцев.

– Что?! – побледнела сестра.

И потянулась врезать подзатыльник.

Оля увернулась, отбежала к порогу. Картинки перед глазами больше не было, но она продолжала говорить – губами словно кто-то посторонний управлял:

– Мальчик. Вес будет четыре килограмма. И глаза синие – как у твоего Юрика.

Сестрица вскочила, бросилась к ней:

– Замолчи, дура!

А одна из старших девчонок лукаво спросила:

– Ты чего это побледнела? Правда, что ли, с Юркой спишь?!

Дальше Оля не слушала – смылась во двор.

Со старшей сестрой встретились только вечером. Та загнала младшую в кладовку, придавила локтем горло, другой рукой зажала рот с носом, прошипела:

– Будешь про Юрку трепаться – по стенке размажу.

Оля заранее глубоко вдохнула и теперь молча терпела, выпускала

воздух по граммулечке. А когда сестра ее отпустила, спокойно произнесла:

– Аборт не делай. Иначе больше не родишь никогда.

– Да что ты вообще несешь! Мы с Юриком только... – начала сестра и осеклась.

– Ребенок у тебя точно есть, – уверенно сказала Оля. – Месяца четыре ему. Ручки, ножки уже видны.

Сестра взглянула жалостливо. Приговорила:

– Все-таки психическая ты, Олька.

Младшая спорить не стала.

Когда у сестры – прямо к выпускным экзаменам – родился сын, весом четыре килограмма и синеглазый, клеймо сумасшедшей с Олечки торжественно сняли. Теперь с ней носились, будто с божеством. И постоянно лезли с вопросами. «У нас на работе сокращения. Не уволят?» – приставала мать. «А я когда замуж выйду?» – бесконечно ныла сестрица.

Оля (если была в духе) заваривала кофе. Просила перевернуть чашечку левой рукой от сердца. Всматривалась в бессмысленное нагромождение крупинок. И не видела ничего. Но – чтоб не лишиться привилегий *Высшего существа* – говорила матери, что не уволят. Только зарплату срежут. А сестре – чтобы наверняка! – обещала мужа лишь к тридцати годам.

Что удивительно, даже взятые с потолка предсказания очень часто сбывались. Если внимательно за человеком наблюдать, слушать его телефонные разговоры, можно и без всяких голосов извне делать прогнозы.

Но часто видела нечто потустороннее. И до сих пор видит.

Соседу – бодрому дядечке по фамилии Рыбаков – за неделю сказала: у тебя сейчас тяжелые дни. Будь осторожен. Больше отдыхай. Измеряй давление. Иначе погибнешь.

Тот отмахнулся.

Она наблюдала за его *последним днем*. Видела его контур. Как он – бледный, уставший, вялый – вышел в свой чахлый садик. Схватился за сердце. Прислонился к дереву. Постоял. Но потом все равно упорно склонился над грядкой.

И Ольга почувствовала, как посреди яркого солнечного дня на небе вдруг ослепительно вспыхнула звездочка.

Обернулась на соседский участок – Рыбаков недвижимо лежал, уткнувшись лицом в цветок.

Она не сомневалась: сосед умер. Но поднимать панику не стала. Зачем? Все равно поздно.

С Рыбаковым они почти враждовали. Но сейчас, когда докучливый

сосед наконец отправился к праотцам, радости не было. Наоборот, давило четкое ощущение, что дальше будет лишь хуже.

* * *

Надя Митрофанова всегда нравилась старичкам. Бежит ей в парке навстречу дряхлый спортсмен в трениках советских времен и разбитых кедах – обязательно вытаращится, улыбнется, потом пару раз оглянется. Особо резвые и телефончик пытались просить. Димочка Полуянов однажды даже спасти ее выбежал. Тогда сосед, синеносый генерал в отставке, поймал девушку во дворе и разлился соловьем. О юности бравой, подвигах военных. Дышал алкогольными парами, намекал, что и сейчас ого-го. Надя пыталась сбежать – не отпускал, хватал за руку, вроде как по-отечески. Димке – когда тот спустился во двор – стреляться предлагал.

– Беда с тобой, Надюшка, – беззлобно хохотал Полуянов.

А Надя злилась: до чего природа несправедлива!

Вот Димочка – ее даже старше. И у него при этом полно юных, безупречно красивых поклонниц. А она – будто комическая героиня – отбивается лишь от дряхлых сатиров.

Причем везде.

Надя работала в историко-архивной библиотеке, и ее популярность у старшего поколения здесь эксплуатировали нещадно. Задремлет ли в читальном зале вздорный, очень пожилой академик, или в буфете орденоносному старцу привидится, что его обсчитали, конфликт улаживать всегда Митрофанову зовут.

Спасибо, читающая публика хотя бы не пьет.

Историческая библиотека для иных мастодонтов милее дома родного. Есть экземпляры, кто по двенадцать часов здесь просиживает. Сотрудницы для них «доченьки», которым подробно рассказывают о хворях, жалуются на хамство врачей и низкую пенсию.

Митрофанова выслушивала дребезжащие, повторяющиеся изо дня в день истории терпеливее всех. И начальница предрекала: «Вот влюбится в тебя какой-нибудь членкор Академии наук! Бросит к твоим ногам – руку, сердце, квартиру на Ленинском!»

«Ух, я Диме тогда потреплю нервы!» – мечтала Надя.

Но пока никаких меркантильных предложений ей лично не поступало.

Зато в честь праздника Первого мая (которое выпало в этом году на Пасху) профессор Юрлов, постоянный посетитель их зала, решил подарить

историко-архивной библиотеке семейную реликвию – Библию XVII века. И поставил непереносимое условие: за книгой к нему домой должна явиться непременно Митрофанова.

Надя перепугалась, бросилась к начальнице:

– Не поеду ни за что!

Та возмутилась:

– Это еще почему?!

– Вдруг украдут, потеряю? Миллион двести мне потом из своего кармана платить?

Шефиня снисходительно усмехнулась:

– Кто тебе про миллион двести сказал?

– Юрлов. Говорит, что второе издание – 1756 года – недавно на аукционе за восемьсот тысяч ушло. А у него 1751 год, минимум в полтора раза дороже!

– Чушь, – отрезала начальница. – Видела я эту его Библию. Состояние ужасное, первой страницы нет. В таком сохране – пятьдесят тысяч максимум.

– Но все равно антикварная, дорогая книга. Как я ее повезу – на метро? Машину мне выделяйте.

– Какую? – нахмурилась шефиня. – «Волгу» нашу разъездную? Она второй месяц в ремонте. А ты водить умеешь. И автомобиль в семье есть. Сложно, что ли, съездить? Помочь родной библиотеке? – Скорбно закатила глаза, добавила: – Или хочешь, чтобы мы тебе бензин из наших жалких фондов оплатили?

– Да при чем здесь бензин? Моя работа – библиотекарь. А не шофер. И не курьер.

– Надежда, не капризничай, – строгим голосом потребовала начальница. И со вздохом добавила: – Раз ты такая корыстная, дам тебе отгул.

Надя молчала.

– Даже почти два. Ехать к профессору можешь завтра прямо с утра. А потом на работу не возвращаться.

– А раритет куда девать? Домой везти?!

– У Юрлова она – в коммуналке! – пятьдесят лет валялась. И никто не покусился, – парировала шефиня. – А у тебя – в элитном доме! – вдруг пропадет?

Надя как можно более простодушно произнесла:

– Я лучше сразу сюда отвезу. Мне так спокойнее.

– Нет, – торопливо отказалась начальница. – В этом нет никакой

необходимости. – И добавила вкрадчиво: – Лучше Диме своему ее покажи. Ты говорила, он старые книги обожает. Может, и сейчас заинтересуется...

И вдруг нахально взглянула Наде в глаза и закончила:

– ...черкнет хоть десяток строк.

– Есть такая пословица, – буркнула Надя, – не очень политкорректная. Дай негру палец – он оторвет всю руку.

Ждала, что шефиня взорвется, но та лишь руками всплеснула:

– А что делать, Наденька, что делать?! Публикации про библиотеку с меня требуют. А «Молодежные вести» про нас последний раз год назад писали. Когда выставка дневников Булгаковых была.

В итоге Митрофановой пришлось соглашаться на все. Перевозить Библию, подсовывать ее Полуянову.

«Как всегда, – грустно думала Надя по дороге домой. – Делаю только то, что хотят другие».

Но следующим утром мужественно проснулась в шесть тридцать – на час раньше, чем обычно.

Полуянов открыл один глаз, взглянул на часы, изумился:

– Бегать, что ли, опять решила?

Митрофанова машинально втянула живот. Взглянула на себя в зеркало. Загадочно молвила:

– Нет. Я еду к *мужчине*. И беру машину. Ты не против?

– Машину-то зачем? – возмутился Димка.

А про мужчину – ни слова.

Пришлось рассказывать о подарке профессора.

Полуянов проснулся окончательно. Сел на кровати. Спросил недоверчиво:

– Неужели правда первое издание?

И сам – легкая добыча! – попросил:

– А домой можешь притащить? Я почитать хочу.

– Бесплатно – нет.

– Мыть посуду? – закатил глаза он.

– Хуже. Шефиня требует заметку в «Молвестях».

– Ф-фу, делов-то! – облегченно выдохнул журналист. – И напишу. Мне не сложно. Повод информационный – позитивный. Большая редкость в наши дни.

Снова улегся в постель – поперек. Подтянул к себе Надину подушку, обнял ее. Сонным голосом изрек:

– Ключи в моей ветровке, документы в борсетке. Резко не тормози. На переднее сиденье Библию не клади. И запишись обязательно.

Сладко зевнул – и засопел.

Надя сбегала в душ, позавтракала, тихонько оделась.

Небо то улыбалось синим, то хмурилось, поэтому девушка накинула плащ – свой любимый. Синий, с белыми ромашками по подолу. Из прошлогодней коллекции, куплен на распродаже – но все равно выглядит (о, великие итальянские дизайнеры!) остромодной новинкой.

Митрофанова приняла (перед зеркалом) уверенный вид, произнесла мантру: «Я прекрасный водитель!» И спустилась в подземный гараж. (Имелось в их новой квартире такое удобство.)

Проживал Юрлов ровно на другом конце Москвы – на *профессорском* Юго-Западе. Навигатор предложил унылое Третье транспортное, но Надя решила ехать через центр. Только весной, казалось Митрофановой, Москва из жесткого мегаполиса превращается в романтический, дворянский, мило старорежимный город. Детишки с мольбертами сидят вокруг памятника Высоцкому, старушки выгуливают немыслимые, почти английские шляпки. Все увереннее зеленеют березы и тополя. В Диминой «Мазде» – шестнадцать колонок, кондиционер. Первый концерт Рахманинова, комфорт, прохлада, Большой театр, «Метрополь», Кремль. И народ на дорогах – сплошные джентльмены. В прошлую поездку (в марте, тогда еще случился сильный снегопад) Наде постоянно сигналили. И пару раз не ленились открывать окна, выкрикивали что-то обидное. Но сегодня даже прирожденных хамов, похоже, смягчило радостное, почему-то пахнущее арбузами весеннее утро.

Митрофанова без устали нажимала на «аварийку» – благодарила, что ее пропускают. Настроение с самого утра несерьезное, абсолютно ей не свойственное. Вдруг фантазия разыгралась: будто она – спецгент. Выполняет особую миссию. Доставляет из точки А в точку В ценнейший груз. Понимала, что совсем глупость в голову лезет, но продолжала фантазировать дальше. Вот охотники за Библией организовали погоню, она разгоняет «Мазду» до двухсот сорока (максимум на спидометре), лавирует в потоке машин, враги все ближе, и тут – ну, конечно, любимый Димочка. Перестрелял врагов? Нет, просто остановил погоню. Сел в «Мазду» на пассажирское сиденье. Обнял. Поцеловал в губы.

Тут сзади все-таки загудели – давно зеленый сияет, а она вся в мечтах.

Надя дала машине газку – какое счастье, что коробка-автомат, не заглохнешь позорно от того, что резко отпустила сцепление!

И заметила краем глаза: в соседнем ряду, метрах в трех позади и наискосок от нее, тоже *только что* тронулся автомобиль. Надя бы и внимания не обратила на серый, очень скучный «Рено» – мало ли

«чайников» тупят в жестком московском трафике? Да случайно заметила в зеркале заднего вида: в машине двое парней. Оба коротко стрижены. Кожаные куртки, темные очки. Очень характерные образы.

Следят за ней?!

Фу, Надя, хватит фантазий! До спецагента тебе пока далеко. Чрезвычайно.

Но – затягивает играть в шпионов – на следующем светофоре притворилась, что притормаживает на желтый. А в момент, когда свет сменился на красный, – с ревом пролетела перекресток.

За ней никто не последовал, серый «Рено» затерялся в потоке.

«Потеряли», – хмыкнула Надя.

Но во дворе профессора Юрлова парковалась нарочито медленно, по-дамски. Она у цели. Нужно удостовериться, что хвост сброшен.

Впрочем, кроме двух бабушек на скамейке и сердитого малыша в песочнице она не увидела никого.

Юрлов встретил гостью громогласно.

Завопил прямо на пороге коммунального коридора:

– Какая красивая девушка ко мне пришла!

Пара дверей, конечно, сразу приотворились. Из-за одной выглянул острый старушечий носик, вторым зрителем оказался мохнатый – настоящий питекантроп! – мужик.

– Завидуй, Степаныч! – обернулся к нему профессор.

Бабка хлопнула дверью, скрылась. Обросший черной шерстью дядька, наоборот, выполз в коридор. Перехватил Надин взгляд – уставленный в его голое, отвисшее пузо. Спросил неожиданно тоненько:

– Это ты ей, что ли, свою книгу драгоценную отдаешь?

– Не лезь в чужие дела, Степаныч, – надменно бросил Юрлов.

Отвернулся от соседа, захлопотал:

– Пойдемте, Надя, в мою комнату. Там чаек, пирожки, конфетки.

И не отпускал часа два. Митрофанова покорно слушала о сыне в Америке. Покойнице-жене. Вздорных соседях. Бывших коллегах, которые совсем забыли старика.

Елизаветинская Библия красовалась на почетном месте – на школьном пюпитре, в центре письменного стола.

Надя дождалась, пока чайник опустеет, а рассказы Юрлова пойдут по второму кругу, и вытащила из сумочки папку:

– Вот акт дарения. Директор библиотеки его уже подписал.

Профессор читать текст не стал. Увенчал документ размашистой закорючкой. Вздохнул:

– От сердца отрываю. Но куда еще девать? Сын получился агностик, ему Библия ни к чему, а тут, в коммуналке, того и гляди, стянут, на ящик водки сменяют.

Взял книгу, погладил кожаный переплет. Молвил задумчиво:

– Хотя Степаныч – ты не гляди, что неандерталец. Он понимает, что к чему. Давно перекупить пытается. Сто тысяч мне предлагал.

– Ну и отдали бы. – Надя уже изрядно устала – от чужой жизни, терпких запахов коммуналки и своей (ха-ха) «секретной миссии».

Юрлов взглянул обиженно:

– Да вы что, Надя, такое говорите? Чтоб я какому-то спекулянту на книжном раритете наживаться дал?! Нет. Пусть лучше народу достанется.

Хотя народ – Митрофанова по опыту знала – старые Библии редко берет читать. Да и не пустят профессорский подарок в открытый доступ. Будут в отделе редкой книги держать и выдавать только избранным.

Она сочувственно взглянула на профессора. Под глазами мешки, руки дрожат. Совсем старичок.

«Лучше бы ты продал свое сокровище и в хороший санаторий поехал. Сердце подлечил».

Но понимала: Юрлов – из упрямого, послевоенного поколения. Принципиальный. И меркантильного совета все равно не послушает.

Никаких указаний по поводу особо бережных методов транспортировки ей не давали. Но Надя – по собственной инициативе – сначала бережно обернула раритет в крафтовую бумагу. Далее последовала мягкая ткань, потом – аккуратная картонная коробка.

Профессор с удовольствием наблюдал за ее действиями. Бормотал растроганно:

– Вот в чьи ручки – добрые, бережные! – и отдать не жалко. Степаныч – тот бы в целлофановом пакете поволок.

Надя знала, Юрлов наблюдает за ней из окна. Поэтому и в машине разместила Библию в самое безопасное место – в бардачке, откуда загодя вынула три пары Димкиных темных очков, сервисную книжку, расплавленную шоколадку и грудку чеков с заправок.

Когда садилась за руль, подняла глаза. Юрлов отворил фоточку и бешено махал ей рукой. У соседнего окна виднелся заросший шерстью Степаныч. В руках телефон, физиономия, Наде показалось, хитрющая.

А только выехала со двора – за ней из соседнего переулка выскочила «десятка».

И снова в машине двое. Опять в черных куртках.

«У меня началась мания преследования», – весело подумала

Митрофанова.

Она не спеша катилась к светофору. Зеленый замигал. Девушка еще больше сбросила скорость. Красный «Мини-купер», что ехал сразу за ней, сердито взвизгнул покрышками, объехал справа, умчался на четкий желтый. Ну а Надя долю секунды подумала и рванула вперед, на конкретный красный.

Мания, не мания – а проверить не мешает.

Перекресток она проскочила быстро – встречный поток даже тронуться не успел. «Десятка» явно не ожидала от «Мазды» подобной прыти. Но ринулась повторять маневр. На дороге завязалась небольшая свалочка, народ бибикал, вопил в открытое окно ругательства.

Но таранить нахала никто не стал. «Жигули» догнали Митрофанову и снова поехали за ней.

Надя перепугалась.

Одно дело фантазировать, что ты спецгент. Но сейчас-то имелся самый настоящий хвост.

Что делать? Звонить Димке?

Нажала на «единичку» – Полуянов у нее везде первый: и в жизни, и в телефонной книжке.

Но абонент оказался недоступен. Одиннадцать утра. Планерка. Или отписывается, на звонки отвлекаться не хочет.

А «десятка» продолжает ее преследовать – уже не стесняется, висит почти на бампере.

Надя вцепилась в руль. Попробовать оторваться? Но даже каскадеры – ей Димка рассказывал – иногда на съемках разбивают по паре машин за эпизод. А тут она – очень средненький водитель. Очень будет жаль Димочкину любимую «Мазду» расколотить. Да и вдруг парни просто познакомиться с ней хотят?

Она еще раз – безуспешно – набрала Димку.

И вдруг поняла, что делать. Не домой тащиться – через всю Москву, в пустынный, по рабочему времени, двор. А поехать к Полуянову в редакцию! Там самый центр, охрана, курьеры, стажеры снуют. На пороге вечно толкутся курильщики. Даже если нападут на нее, найдется кому вступить. А если тревога ложная, она с Димочкой просто пообедаст. И – отличная мысль! – отдаст ему машину вместе с Библией. Пусть Полуянов теперь нервничает и за раритет отвечает. А Надя спокойненько отправится домой на метро.

Вот как раз и поворот с Ленинского проспекта на Садовое.

Смиренно встать в очередь? Или поехать хамски, из второго ряда?

Моргалку Митрофанова пока не включала, но скорость сбросила. Семьдесят, шестьдесят... сорок. И тут вдруг «десятка» отчаянно взвизгнула покрышками. Резко вывернула в крайний левый. И умчалась дальше – в сторону Кремля. Причем парни (что водитель, что пассажир) в Надину сторону даже не взглянули.

Митрофанова нервно хихикнула.

Все причудилось, получается?

Хорошо, что она не успела к редакции свернуть.

Надя снова разогналась до восьмидесяти. Миновала съезд на Садовое, поехала дальше, к дому. В зеркало заднего вида поглядывала беспрерывно, но никаких подозрительных авто больше не наблюдалось.

* * *

Дима не сводил взгляда с монитора. С экрана ему улыбалось *большеглазое солнце*. Костя Лопатин. Шестилетний безнадежно больной ребенок.

Костя родился и жил в Заполярье. В декабре прошлого года катался на лыжах, промерз, заболел. Сначала ему лечили грипп, потом менингит. Температура не спадала, ребенок таял на глазах. Родители схватили в охапку, повезли в Москву. В столице сделали томограмму: опухоль мозга. Злокачественная. Обширная. Запущенная. Терапия бесполезна. Оперировать бессмысленно. Болезнь прогрессировала. Костю ждали детский хоспис и быстрая смерть.

Пока за него не взялся фонд «Дарим детям добро».

Снимок ребенка появился в Интернете в начале марта.

Мальчика сфотографировали на широком подоконнике больницы. Сидит по-турецки, сгорбился, худенькие ручки на коленках сложил. За спиной – предвкушающий весну парк. Синяя акварель неба. А в глазах ребенка – огромная, стариковская усталость. И никакого дела ему до скорого лета, велосипедов, скейтов, воздушных змеев, моря, самолета на юг.

«Костю можно спасти! – гласил пост под фото. – Российские врачи от него отказались, но в Германии берутся его оперировать!»

Дима только взглянул в бесконечно несчастные глаза мальчика – и сразу перевел на счет благотворителей пятьсот рублей.

А вечером задумался: если его – журналиста, тертого калача! – проняло, то сколько же обычных, более простодушных людей поддались

минутному порыву?

Нет ли здесь профессиональной, подлой и хитрой разводки?

У «Молодежных вестей» в любой области знаний свои консультанты. Имелся среди них и известный детский нейрохирург. Дима немедленно ему позвонил.

Обычно врач охотно давал Полуянову комментарии, но едва прозвучала фамилия Лопатин, отрезал:

– Не буду про него говорить.

– Почему?

– Ой, Дима. Сбавь свой сыскной тон, – попросил доктор. Добавил досадливо: – Что б я ни сказал, все равно мы гады и сволочи. Я мальчика смотрел. Шанс на успешный исход операции – десять процентов. Десять! И все равно он проживет полгода максимум. Ты понимаешь? А немцы – те двадцать процентов дают. И те же шесть месяцев жизни. Только за триста тысяч евро. И еще надо довести его сначала до той Германии.

Полуянов молчал. Переваривал.

Доктор вздохнул:

– Думаешь, мне не жалко – когда я в глазищи его огромные смотрю? Но мозг поражен необратимо. Сейчас он хотя бы говорит. Маме улыбается. Книжки читает. А операция его убьет. Или в растение превратит. Все, Дима. Можешь написать, что я от комментариев отказался.

Полуянов положил трубку.

Ребенок, увы, оказался настоящим. Очень жалко.

Но все равно что-то царапало, беспокоило. Что еще за фонд – «Дарим детям добро»? Дима никогда о нем не слышал.

Полуянов проверил по реестру юридических лиц: все чин чинном, уставной капитал, офис, опыт только небольшой – всего два года работают.

Телефоны городские, сидят в центре. Он позвонил секретарю, сказал, что журналист, интересуется Костей Лопатиным. Его мгновенно соединили с координатором.

Тот только услышал, что звонят из самих «Молодежных вестей», сразу засуетился, обрадовался:

– История болезни, выписки, заключения, приглашение из немецкой клиники – все есть. Может, напишите про парня? Счет на дни идет!

– Дайте мне телефон его родителей, – попросил Полуянов.

– Конечно. Безусловно. – Сотрудник продиктовал номер.

Костина мама мужественно глотала слезы. Шептала в трубку:

– Я его под нож тоже не хочу отдавать. Чего мучить ребенка? Он и так настрадался. Но отец говорит – надо. Даже если только один процент на

успех – все равно надо.

И тогда Полуянов лично попросил сотрудниц из «Отдела добрых дел» написать про мальчика вне очереди.

Материал в газете вышел в конце марта и собрал больше тысячи комментариев. Разошелся в Интернете сотнями перепостов.

Маленькому Косте собрали триста тысяч евро за рекордные две недели. Деревья не успели зазелениться листвой – ребенок уже был в Германии.

Полет прошел тяжело. У мальчика поднялось давление, он начал задыхаться. Прямо к трапу вызвали реанимобиль.

Костю довезли в клинику, но даже к операции готовить не начали. Мальчик впал в кому, а через два дня скончался.

«В его состоянии можно было только спецбортом лететь, с медицинским сопровождением», – дружно прокомментировали случившееся немецкие доктора.

«Мы просили спецборт! – рыдали родители. – И врача просили!»

Читатели «Молодежных вестей» отчаянно жалели Костю и зажигали в память о нем виртуальные свечи.

А Полуянов написал письмо в немецкую клинику.

Ответа особо не ждал, однако ему очень быстро прислали подробное, из одиннадцати пунктов, обоснование, почему нельзя было спасти мальчика из России. К письму также прилагались финансовые документы. Клиника благородно взяла на себя оплату реанимобиля, пребывание в палате интенсивной терапии, консультацию двух профессоров. Счет выглядел, по европейским меркам, очень скромно: меньше двадцати тысяч евро.

И Полуянов, разумеется, заинтересовался: а где остальные двести восемьдесят?

Снова позвонил в фонд «Дарим детям добро». Бывшего Костиного куратора не застал, девушка-секретарша заученно затараторила:

– Мы написали всем жертвователям, предложили деньги забрать. Человек пять согласились. Остальные разрешили их передать другим детям. На те средства, что остались, мы сейчас еще одного мальчика в Германию отправляем. И в Израиль двое едут.

Диму ответ убедил. Почти.

Но он все равно нашел тех троих, кто должен был отправиться на лечение за рубеж.

Словно под копирку. Красивые, страдающие, славянские лица. И безнадежные диагнозы. Рак в третьей-четвертой стадии с метастазами.

Знакомый нейрохирург всех троих пациентов знал. Честно сказал: шансы на успех минимальные.

– А в Германии с Израилем их спасут? – поинтересовался Дима.

– Я тебе уже говорил, могу повторить еще раз: вряд ли. У иностранцев статистика по терминальной стадии очень похожа на нашу. Может, на пару процентов лучше. Условия, правда, в Германии комфортнее, чем в московских больницах. Впрочем, если за евро – то и у нас отдельную палату дадут. Только, Дим, ты об этом не пиши.

«Да, – грустно подумал Полуянов, – доктор, наверное, прав. Лучше эту тему вообще не трогать. Люди искренне жертвуют для больных детишек. Многие отдают почти последнее. А я вдруг с нотацией: вы помогаете *не тем*. Что мне скажут мамы безнадежных детей, которые все-таки надеются на чудо?!»

Хотя с главарем фонда «Дарим детям добро» все равно надо пообщаться. Спросить, почему он выбирает для своих акций самые беспросветные случаи.

Дима набрал уже знакомый номер и попросил соединить его с директором, господином Котловым.

– Как вас представить? – поинтересовалась секретарша.

– Дмитрий Полуянов, газета «Молодежные вести», – спокойно ответил журналист.

Он и подумать не мог, что обычный телефонный звонок может полностью перевернуть их с Надей жизнь.

* * *

Несостоявшийся спецгент Надя Митрофанова вернулась домой в половине второго. Без приключений загнала машину в гараж, поднялась в квартиру. Распаковала Библию, полистала, понюхала, полюбовалась. Положила на Димин письменный стол. И отправилась на кухню – готовить ужин. Большой и праздничный, раз уж она посреди рабочего дня дома оказалась.

На улице жара, и лично себе Надя соорудила бы изыск, соответствующий сезону. Легкий салат с пармезаном и рукколой, овощное суфле, желейный торт. Но Полуянов – истинный самец – в любое время года требовал мяса. Поэтому во главу угла поставим свинину, запеченную с чесноком и пряностями. А овощи на пару и всякие романо с сельдереем попробуем впихнуть в нагрузку.

Телефон зазвонил, едва по квартире пополз пряный мясной аромат. Митрофанова улыбнулась: Димка вкусную еду даже на расстоянии чувствует.

Однако номер оказался незнакомым.

– Я говорю с госпожой Митрофановой? – поинтересовался вкрадчивый женский голос.

Точно такой был у тетки из службы судебных приставов, когда Полуянов целый год автомобильный штраф не оплачивал.

Надя настороженно отозвалась:

– Да, это я.

– Вас зовут Надежда Кирилловна? – с нажимом проговорила дама.

– Да.

– Я (бр-бр, бр-бр – Надя не разобрала абсолютно), помощник нотариуса Иванова. Мне поручено сообщить, что ваш отец скончался.

Дама заученно умолкла. Похоже, ждала реакции. Аханья, вскрика. Слез.

Но Митрофанова еле удержалась, чтобы не фыркнуть.

Отца у нее не было. Никогда.

Хотя о том, кто он, она начала выпытывать у мамы лет с трех. Поначалу верила в сказку, что папа – капитан, ушел в далекую и опасную экспедицию. Когда дочь пошла в школу, мамуля выдала новую версию: погиб. Очень красивую придумала байку: шторм, пробоина, радиосвязь не работала, облачность низкая, ветер страшный, вертолет на помощь вылететь не мог.

И лишь в Надины двенадцать призналась: *папаша* – просто мамин случайный знакомый. Мимолетная связь в доме отдыха.

– И ты ему ничего про меня не сказала?! – возмутилась дочь.

Мать погрузилась:

– Почему не сказала? Письмо написала, что беременна. И что ребенка оставляю. Помощи никакой не просила – он сразу предупредил, что женат и проблем никаких не хочет.

– И что? – затаила дыхание Надя.

– Он ответил... очень так корректно... что это мой выбор и мое право, – опустила глаза маман.

– Я хочу его увидеть, – твердо сказала девочка.

– Увидь, – легко согласилась родительница. – Адрес дам. Только зачем? Он мне потом еще пару раз писал. Интересовался, здорова ли ты. Как учишься. Но даже фотографий твоих не попросил.

– Кто он хотя бы?

Вдруг мама сейчас скажет: артист? Или миллионер?

Но та отозвалась устало, виновато:

– Да обычный мужичонка. Бухгалтер. Лицо обычное, фигура неплохая. Волосенки уже тогда реденькие были. Сейчас, наверно, совсем полысел. Фамилия Рыбаков. Зовут Кирилл Юрьевич.

– Значит, отчество – все-таки его.

– Надо ведь было что-то в свидетельстве о рождении написать, – пожала плечами мама.

– Ну ты даешь! – обиженно произнесла дочь. – А меня байками про капитана Гранта кормила.

Она помнила, что долго тогда дулась. Несколько раз порывалась поехать по адресу. Найти «капитана». Высказать ему все. Разве честно – «сделать» дочку и ни разу даже не повидать?

Однако познакомиться с папой так и не решилась. Мама права: зачем навязываться? Да и к чему ей отец-бухгалтер? Недотепа и трус?!

Надя отправилась по отцовскому адресу, только когда мамуля погибла^[1] и она почувствовала себя самой одинокой на всем белом свете.

Адрес оказался настоящим. Но Кирилл Юрьевич Рыбаков (рассказали соседи) давно по нему не жил. «Они с женой и дочкой квартиру сдают, а сами куда-то в деревню переехали», – только и удалось узнать.

«Черт с ним тогда», – решила Митрофанова.

И больше об отце не вспоминала – вплоть до сегодняшнего дня.

– Надежда Кирилловна, вы меня слышите? – помощник нотариуса сочла, что пауза затянулась.

– А вам точно именно я нужна? – неуверенно переспросила Надя. – У меня в свидетельстве о рождении в графе «отец» – прочерк.

– Да, официально вы не удочерены. Но Кирилл Юрьевич Рыбаков в своем завещании назвал вас своей дочерью.

– А как вы меня нашли?

– Покойный указал ваш прежний адрес. Пришлось туда ехать, – ворчливо отозвалась помощник нотариуса. – Хорошо, новые хозяева ваш телефон дали. А вы что, своего отца никогда не видели?

– Нет. Но мне мама говорила, что его зовут Кирилл Юрьевич Рыбаков, – сообщила Надя.

– Что ж, тогда я вас поздравляю, – кислым голосом молвила помощник нотариуса. – Кирилл Юрьевич завещал вам свой дом.

– Дом?!

– Правильнее сказать, коттедж. Общая площадь – двести двенадцать метров. И сад на двадцати сотках.

– Да ладно! – не удержалась Надя. – А где?

– Новорижское шоссе, деревня Васильково. От Москвы – семнадцать километров.

Надя растерялась.

– Но... у него ведь, кажется, жена была? И дочь? Почему он не им все это оставил?!

– Жена умерла три года назад. А дочка давно замужем за очень богатым человеком. Кирилл Юрьевич счел, что она и так в жизни устроена. К тому же он свою квартиру – еще давно – на нее переоформил.

– Вот дела... – растерянno пробормотала Надя. – Вот это да!

– Так вы наследство принимать будете? – ворчливо осведомилась помощник нотариуса.

Когда-то Надя не сомневалась: ничего ей от такого позорного отца не нужно.

Но отказаться – совершенно бесплатно – занять собственный дом в ближнем Подмосковье?!

Как раз лето надвигается. Будет жара, духота. Кондиционер, безусловно, чудо, но они с Димой уже много раз обсуждали, как бы им занять хоть какую-нибудь дачку. Природа, свежий воздух, рыбалка, «ты, Надюшка, будешь кабачки разводить». Однако приценились – и оставили дерзкие планы. Все, что рядом с Москвой, стоило беспрельдно, а кататься на выходные за сто пятьдесят километров – никакой дачи не захочется.

– Буду лотерейные билеты покупать, – пообещал оптимист Димка. – Вдруг повезет.

А Надя печально подумала: «Не будет у нас никогда дачи!»

Фортуна, ты непредсказуема. Но очень, очень, очень мила!

Митрофанова уверенно сказала:

– Я приму наследство.

– И будете абсолютно правы, – снисходительно похвалила помощник нотариуса. – Приезжайте тогда завтра в нашу контору. Адрес: Сретенка, двадцать два. Паспорт и свидетельство о рождении не забудьте.

* * *

Ехать к нотариусу в одиночку Митрофанова боялась, уговаривала Димку отправиться вместе.

Он отбрыкивался:

– Надька, мне неудобно.

– Почему?

– Ну, ты теперь богатая наследница, а я вроде как бедный приживальщик.

– Фу, какие глупости говоришь!

– И работы у меня гора. Давай ты сама, ладно?

– Но на мою дачу ты ездить будешь? – лукаво улыбнулась она.

– Буду, – неохотно кивнул Димка. – Если пригласишь.

Надя не сомневалась: постепенно она его убедит, что это не ее дача, а их общая.

Сама она просто светилась от счастья. И строила грандиозные планы. Розарий. Барбекю. Можно летний бассейн купить, надувной. Интересно, разрешат ли поехать в новообретенный коттедж прямо сейчас, в мае?

Нотариус, обаятельный дедушка, улыбнулся:

– Пожалуйста. Хоть завтра отправляйтесь. Ключи возьмете у соседа из дома напротив. Скажете, что вы Надя Митрофанова. Наследница. Я ему позвоню.

– А давно... – Надя с трудом выговорила непривычное слово, – мой отец умер?

– Две недели назад.

– Но, кажется, в наследство только через полгода вступают? – неуверенно произнесла она.

– Верно, – кивнул нотариус. – Шесть месяцев дается, чтоб все родственники могли заявить о своих правах. Но в вашем случае имеется завещание. И вторая наследница – сестра ваша сводная – сказала, что оспаривать его не будет. Так чего дом целое лето будет пустым стоять? Езжайте, осваивайте. А документы потом получите. В октябре.

– Все равно как-то странно. Нечестно, – поежилась Надя. – Настоящая – ну, в смысле, законная дочка меня, наверно, проклинает?

– Да что вы, милая девушка! – залучился морщинками нотариус. – Знаете, в каких сферах ваша сестра вращается? Муж – в списке «Форбс». «Бентли» с шофером, апартаменты на Остоженке, вила на Лазурке, резиденция на Бали. Зачем ей этот ваш домик?!

* * *

Надя с Димой впервые поехали в Васильково в середине мая.

По дороге начался страшный ливень. Дождь взвихривал дорожную пыль, лупил по крыше машины, пенился у водостоков. Черное, будто декабрьское, небо рвали на куски молнии.

– Природа бесится. – Полуянов включил щетки на максимальный режим. Покосился на Надю и вдруг изрек: – От зависти.

– К чему? – не поняла она.

– К наследство твоему!

– Глупости, – хмыкнула Надя. – Природе все равно. А на работе я решила молчать.

– Не удержишься.

– Почему это?

– А то я у нас в редакции дачниц не видел! Постоянно фоточки цветов друг другу пересылают. Посадки кабачков обсуждают.

– Дим, ты уже второй раз говоришь о кабачках.

– Да, у меня к ним страсть. Особенно в твоём исполнении. Что ты в них пихаешь, такое вкуснейшее?

– Баранину. С коричневым рисом и помидорами, – улыбнулась Надя. – Я поняла. Заказ принят.

– Но только кабачок обязательно должен быть из своего огорода, – тоном капризного принца произнес Полуянов.

– Этого не обещаю, – вздохнула она. – Я даже не знаю, как их сажать. И когда.

Надя нежно посмотрела на Диму. Кто сказал, что *чувства* всего два года живут? Они с Полуяновым знакомы всю жизнь, но каждый новый день она осознает, что любит его все сильнее. И все сильнее боится, что однажды его потеряет.

Но пока Дима был рядом. Митрофанова положила руку ему на бедро, погладила. Небо потряс очередной громовой взрыв, машина уже не ехала – плыла по неглубокой реке. Полуянов заворчал:

– Надюха. Не создавай аварийную обстановку.

Хотя сам не за дорогой следит, а вылупился на юную деву. Та несется по тротуару – без зонта, совершенно мокрое белое платье соблазнительно облепило фигуру, мокрые светлые волосы развеваются.

– Хочешь подвезти? – зловещим голосом поинтересовалась Надежда.

– Да ладно. Пусть на автобус бежит, – с заметным сожалением отвечивал журналист. И вдруг спросил: – Ты через телефон платежи умеешь делать?

Надя фыркнула:

– А как я, по-твоему, за квартиру плачу?

– В сберкассе.

– Ох, Димуля! Сейчас даже бабушки – и те освоили терминалы. – Митрофанова достала телефон, спросила: – Тебе денег, что ли, кинуть на

мобильник?

– Нет. Тысяча рублей у тебя найдется? Нет, лучше тысяча сто.

Надя как раз отложила себе на новый крем, но (ради Димочки!) баловством пожертвовала безоговорочно. Уверенно кивнула:

– Для тебя – хоть миллион. Куда перевести?

– На Яндекс-кошелек. Вот номер, – вытащил из нагрудного кармана бумажку.

– А кому это? – Надя вошла в онлайн-банк.

– Расследование веду. Потом, может, еще понадобится заявление в полицию написать.

Она вбила сумму.

– Какое назначение платежа?

– Благотворительный взнос. На лечение Горелова Юры.

– Ничего себе! – Надя взглянула возмущенно. – Мошенники на больных детях наживаются?

– Похоже, что да, – мрачно отозвался он.

– А это не опасно? Для тебя, я имею в виду?

– Надюшка, не волнуйся. Обычная острая тема. Тысячная, наверно, в моей жизни.

Подробности Митрофанова выпытывать не стала. Знала, что без толку. Перевела деньги, сообщила Полуянову:

– Копию чека я тебе на электронную почту переслала.

– Ты мой верный друг! – он на секунду оторвался от руля, чмокнул ее в щеку.

Гроза чуть сбавила накал. Взъерошенная стихией Москва осталась позади. Теперь они мчались по Новой Риге.

– Суббота, а дорога почти пустая, – с удовольствием отметила Надя.

– На Новой Риге пробок вообще не бывает. Твой отец грамотно место для дома выбрал.

– Какой он мне отец? – пожала плечами девушка.

– Что значит «какой»? Не просто отец, а любимый папочка – раз такое наследство оставил. Знаешь, сколько твой домик стоит?

– Понятия не имею.

– А я посмотрел на риелторских сайтах – под миллион долларов.

– Да ладно!

– Из-за земли в основном. Тут сотки золотые, а у тебя их целых двадцать, да с лесом.

– У нас.

– Нет. У тебя. Наследство – твое личное имущество. И при разводе не

делится.

– Ну, мы еще и не поженились, – она отвернулась к окну.

Подразумевалось давно: они станут супругами. Обязательно. Соли вместе съели не один пуд и даже совместную собственность завели – общую, на двоих, четырехкомнатную квартиру. Но до ЗАГСа до сих пор не добрались. Дима не звал. Надя мечтала, но плести интриги или «принудительно беременеть» не хотела.

А просто капать Диме на мозг – совсем бесполезно. Он каждый раз – едва больная тема хотя бы краешком всплывает – переводит разговор на другое. Вот и сейчас тоже. Приосанился гордо:

– Я великий гонщик! Уже домчался – невзирая на экстремальные погодные условия. Через километр съезд. Чудо-местечко, зацени! Лес кругом сосновый! Теннисные корты! Супермаркет!

Они съехали с трассы на симпатичную, будто в рекламе страховой компании, дорогу. Справа и слева – пряничные, мечта офисного планктона, дома. Два этажа, участок, посадки, иномарка у входа.

– У нас тоже вид на дорогу? – насторожилась Митрофанова.

– Ох, Надежда! Вы бы хоть с кадастровым планом ознакомились, прежде чем во владение собственностью вступать, – упрекнул Полуянов.

И свернул на грунтовку. Слева синело озеро. Справа березовая роща отдавалась остаткам дождя. Метров через пятьсот их встретил указатель: «Васильково».

– Оно, оно! – обрадовалась Надя.

И подскочила к потолку – Дима не заметил под лужами лежащего полицейского.

– Негодяи! Хоть бы знак поставили! – заворчал журналист.

И покатил вдвое медленнее.

Митрофанова жадно глядела по сторонам. Она почему-то представляла классическое дачное местечко: деревянные домики, огороды, цветы, детвора на велосипедах. Но Васильково оказалось каким-то гибридом коттеджного поселка и чахлой деревеньки. То павой выступит вычурный, с витражными окнами, коттедж. И сразу рядом с ним – чахлая изба из черных бревен. Ну, и масса промежуточных вариантов: двухэтажные домики из скучной серой вагонки, солнечно-желтые избышки под старину, барак с новенькой пристройкой...

– А это что? – Надя показала на огромный, возвышающийся над всей деревней домик.

– О-о, это местная достопримечательность. Сейчас специально мимо проеду.

– Откуда ты знаешь про достопримечательности моего Васильково? – подозрительно спросила она.

– Так родная газета писала, – улыбнулся Дима. – Я специально в архиве нашел. Там еще заголовок такой мощный... «Дворец для черного короля».

Полуянов повернул, и девушка ахнула.

Действительно, прямо перед ними возвышался огромный, очень безвкусный замок. Площадь – пара тысяч метров, не меньше. Четыре этажа. Арочные окна. Под крышей – бойницы.

Но на этом величие и заканчивалось. Стекол в окнах не было. Забор из рабицы рухнул. Во дворе – груды хлама, какие-то ящики, гнилые матрасы, размокшие пакеты с цементом. Стены исписаны граффити.

– Какой ужас! – прокомментировала Надежда.

– Больше двадцати лет в таком виде стоит, – сообщил Дима. – Его вор в законе, Резо Крутой, в девяносто четвертом начал строить. За два года поставил коробку, закупил отделочные материалы – и сел. На пятнашку. А на зоне с собой покончил. Сам или помогли – не знаю. А дом остался. Наследников нет, достраивать некому.

Дима вновь надавил на газ, скомандовал:

– Теперь ищи Березовую улицу. Где-то совсем рядом.

И Надя почти сразу закричала:

– Вот, вот!

Родовое гнездо оказался всего в паре кварталов от воровского дворца. Такая же, как и во всей деревне, разномастная улица. Но если большинство домов стояли фасадами прямо на проезжую часть, то Надино наследство было выстроено куда изысканнее. Внутри, за забором, создавали видимость леса густо посаженные березы. И лишь метрах в пятнадцати вглубь виднелся двухэтажный домик.

– Как здорово! – девушка не удержалась, захлопала в ладоши. Не стала дожидаться, пока Дима припаркует машину, выпрыгнула еще на ходу. Подбежала к забору. Подергала запертую калитку. Заглянула в щелку. Даже примеряться стала – получится ли перемахнуть через ограду.

Подошел Полуянов, ласково улыбнулся. Накинул Наде на плечи ее любимый плащ – синий, с белыми ромашками по подолу:

– Дождь идет. Промокнешь.

Она бросилась ему на шею:

– Да подумай – какой-то дождь! Ты понюхай, что за воздух! Как лягушками пахнет! Цветами! И лесом!

Калитка на противоположной стороне улицы распахнулась – и Надя

нервно хихикнула.

Из соседнего дома им навстречу спешил ее *классический контингент*. Молодящийся, крепкой советской закалки, в тренировочном костюме с белой полосой на штанинах старичок. На голове – что-то вроде картузика, сухонькие, голенастые ноги всунуты в подбитые мехом калоши. Лицо встревоженное, голос строгий. Спросил сердито:

– Вы кто такие?

Надя – прежде чем ответить – широко улыбнулась. Представилась:

– Я Надя Митрофанова.

Пожилой дядечка взглянул неуверенно:

– Рыбакова, что ли, дочка?

– Она самая, – просияла в ответ Надежда.

– Что-то не похожи вы на покойника, – старик по-прежнему поглядывал исподлобья.

– А давайте я вам паспорт покажу, – предложила девушка.

Когда протягивала документ, коснулась руки соседа. Тот отдернул ледяные пальцы и отчаянно, словно мальчишка, покраснел.

Митрофанова наградила его еще одной ослепительной улыбкой.

Старик поспешно отвел взгляд от ее груди (Надина гордость, пятый размер безо всякого силикона) и уставился в паспорт. Пролистал, проговорил, словно в пространство:

– Штампа о регистрации брака не имеется.

И взглянул на Полуянова сурово.

Надя еле сдерживалась, чтоб не расхохотаться. Но богатый опыт общения со старшим поколением научил: почтение, плюс малая толика обожания и всегда удовлетворять любопытство. Тогда старички как шелковые.

– Это Дима. Сын маминой подруги. Мы с ним с раннего детства знакомы. Он надежный, хороший человек. Журналист. А я... я надеюсь быть вам, – она очаровательно улыбнулась, – хорошей соседкой. Чуть-чуть освоюсь – испеку пирог, приглашу на новоселье. Придете?

– Других дел у вас нет – со стариками возиться? – проворчал старик.

– Я люблю гостей, – парировала Надя. – Особенно взрослых, умных. Как вас зовут, кстати?

– Тимофей Маркович.

И улыбнулся – хмуро, словно одолжение сделал. Буркнул:

– Сейчас. Ключи вам принесу.

Ходил долго. Надя свой забор чуть ни обнюхала и все коттеджи поблизости рассмотрела. Едва старик появился, начала выпрашивать:

– А кто у меня соседи? Слева и справа?

Тимофей Маркович поджал губы:

– Соседи у вас – большие оригиналы. Слева, – показал на мрачный, темно-коричневого кирпича, дом, – гражданин Сумцов проживает. Днем вы ее не увидите. Она на улицу только ночью выходит. А если кур покормить – всегда вуаль и темные очки надевает.

– Зачем? – хихикнула Надя.

– Опасается ультрафиолета. И еще очень скандалить любит. По любому поводу. Так что будьте готовы. А справа от вас, – дедушка кивнул на бревенчатый дом, – проживает представительница эзотерической профессии.

– Это как? – не поняла Надя.

– Колдунья. Людям будущее предсказывает. Солнечную энергию качает. – Взглянул опасливо на соседский участок, склонился к Надиному уху, зашептал: – А еще находит на нее иногда. Особенно в полнолуние. Между вами-то забор – рабица, все видно будет. Может выть, петь. По земле иногда катается. Она вроде Ванги, блаженная. И общаться ни с кем не хочет.

– А я надеялась тут со всеми подружиться, – вздохнула Надя.

– У нас достаточно закрытый поселок, – поджал губы старик. – Каждый сам по себе живет.

Надя взглянула ему в глаза. Одиночество и тоска – как у всех стариков.

И тепло произнесла:

– Я все равно приглашу вас на новоселье.

– Не стоит трудиться, – отозвался сосед.

– Пойдем, – потянул ее за руку Полуянов.

– До свиданья, Тимофей Маркович! Спасибо вам за ключи! – попрощалась Надя.

На ходу обернулась, увидела: соседка смотрит вслед. Глаза встревоженные.

– Мы ему не понравились, – заметила Надя, пока шли к дому по дорожке, усыпанной прошлогодними листьями.

– Он мне тоже. Мутный старикан, – отозвался Дима.

– Брось. Типичный одинокий, несчастный дедок. Вроде Юрлова. Таких отогревать надо. Медленно и осторожно.

– Ой, – вдруг нахмурился Полуянов, – подожди, напомни. Я сейчас. Только в дом не заходи без меня!

И помчался обратно к калитке. Надя жадно разглядывала свои теперь владения. Дом – самый обычный, не новый. Первый этаж из грязно-белого

кирпича, второй – дощатый. Крыльцо убитое. Зато сад хорош. На ландшафтный дизайн ни намек, однако и кусочек леса имеется (у забора), и с десятков фруктовых деревьев. Вокруг кустов смородины и малины буйствуют одуванчики. Клумба с еле видными зачатками тюльпанов отступает перед батальоном неистовых сорняков.

Вернулся Полуянов с пакетом.

– Ты куда бегал?

– Да Библию в машине забыл.

– Ты ее сюда взял?!

– А чего такого?

– Ну... раритет. Я все боюсь – потеряем или украдут. Что я на работе скажу?

– Никто не украдет. А начальница твоя мне сказала – хоть месяц читай.

Дима легко взбежал на крыльцо. Надя протянула ему ключ. Замок сердито взвизгнул, дверь отворилась, и они вошли в дом.

В прихожей оказалось сумрачно, Полуянов нащупал выключатель. Старомодная люстра под потолком разгоралась медленно. Постепенно, неохотно освещала заурядный и совсем чужой быт. На тумбочке у входа – пожелтевшая рекламная газета, начатая облатка валидола, садовые перчатки. На вешалке – мужские куртка и плащ, у порога – клетчатые тапочки. Митрофановой стало неуютно – будто незваной гостьей, а то и вором прокралась в чужое жилище.

– Он как будто просто ушел, – прошептала она. – И сейчас вернется.

Обернувшись к Диме, растерянно произнесла:

– Ты знаешь, а я ведь даже его фотографии никогда не видела.

Полуянов молча обнял ее. Спросил:

– Разуваться будем?

– Зачем? – Надя была благодарна ему за простой, практический вопрос. – Тут пылица, я сначала все помою.

Они обошли первый этаж. Кухня (в раковине, все в белой плесени, тарелка и чашка). Ванная комнатка (унитаз ржавый, черный). Воздух спертый. А в гостиной, наоборот, светло, свежо и почти чисто. В огромные окна заглядывают молодыми листиками ветки берез.

– Почему здесь воздух совсем другой? – удивилась Надежда.

– Рамы старые, в щели дует, – объяснил Полуянов.

Отправились на второй этаж. Две одинаково безликие комнатки – будто номера в дешевом отеле. В каждой – минимальный набор: кровать, тумбочка, шкаф. И еще одна комната, побольше, – кабинет. Здесь все изящней: стол с видом на сад. При нем кожаное кресло. Настольная лампа

под старину. На стене – очень удобно, под рукой, – стеллажи со справочниками.

Полуянов заинтересовался, взял один, прочитал на обложке: «Рифма и размер в стихосложении».

Хмыкнул: «Интересно».

Надя убитым голосом произнесла:

– Дим, я такая размазня! Ни постельного белья не взяла, ни толком еды. Как мы здесь жить будем?

Он взглянул насмешливо:

– Вселенская проблема! Неужели в шкафу белья не найдется? А еду в сельпо купим.

– В чужих вещах рыться?!

– Надя, да привыкай уже! Это твои вещи. Все, что в доме, – твое.

– Все равно. Спать на чьем-то чужом белье? – поморщилась она.

Но отправилась в одну из спаленок. Распахнула шифоньер. Произнесла удивленно:

– Для мужчины – почти идеально. Иди, Полуянов, учись.

Дима заглянул через ее плечо. Носки (каждая пара аккуратно скручена) лежали по цветам. Два ряда абсолютно черных, дальше рядок коричневых, по несколько комплектов серых, темно-синих и белых.

И постельное белье, пусть и не выглажено, но выстирано, сложено и тоже разобрано по комплектам. Пододеяльник, наволочка, простынка – в цветочек. Рядом – те же принадлежности, но в темно-бордовую клетку.

– Волк-одиночка был твой отец, – прокомментировал Полуянов.

– Да. Две наволочки одного цвета я не найду, – вздохнула Митрофанова. – И пододеяльники все одинарные.

Дома они с Димкой спали под огромным «семейным» одеялом, Надя всегда показательно ворчала, когда невенчаный супруг вечером заставлял ее греть постель – и страшно (но молча) радовалась, когда он наконец являлся ей под бочок.

– Но одеял я не нашла! И чем мы обедать будем? – тяжело вздохнула она.

Полуянов закатил глаза, заворчал:

– Все. Надюха начала трепыхаться. Да расслабься ты! Пойдем по деревне прогуляемся, зайдем в магазинчик, купим там какого-нибудь сала, капустки квашеной. Водочки можно мерзавчик – символически, в честь новоселья.

– Представляю, что тут за водка!

– У меня на паленую нюх, не переживай, – утешил Полуянов. И начал

распоряжаться: – Давай, открываем все окна – и уходим. А то тут запах, как в склепе.

Надя хотела сказать, что к ночи обещали всего плюс пять, незачем выстуживать дом. И опасно: все распахнуть и уйти. Но начнешь сейчас спорить – Димка презрительно бровь вскинет и клушей обзовет, уже проходили.

Поэтому только раритетную Библию, незаметно для Полуянова, бросила в свою сумочку. И поспешила вслед за ним во двор. Не удержалась, посоветовала:

– Ты бы хоть машину на участок загнал. А то зацепят на дороге.

– Надин, ты моя Надин, – Полуянов обнял ее, потрепал нежно по щечке. – Расслабься хоть на секунду. Обязательно тебе все проконтролировать!

Но послушно пошел открывать ворота.

Надя пока что прошлась по участку. Одуванчики, трава какая-то непонятная – все это вырвать надо. И прошлогодние листья выгрести. А деревья, наверное, надо удобрить, побелить им стволы. Книжки, что ли, почитать по садоводству – чтоб хоть знать, с какого конца подступаться? Или с соседями пообщаться, спросить совета?

А вот на ловца как раз и зверь! Митрофанова увидела сквозь сетку-рабицу, отделяющую ее участок от соседнего, очень прямую женскую фигуру в дождевике и темных очках.

Дама вышла из дома. Долю секунды постояла на пороге. Уверенным шагом направилась к забору.

– Здравствуйте! – вежливо обратилась к ней Надя.

Никакой реакции. Тетка присела на корточки – в паре шагов от Митрофановой. Начала рвать зеленый лук. Ногти длинные, крашены мрачным болотным лаком.

– Добрый день! – повысила голос девушка. – Я ваша новая соседка.

Женщина повернула голову в ее сторону. Напряглась – словно прислушивалась. И снова склонилась над грядкой.

– Точно, блаженная... – пробормотала Митрофанова.

И поспешила к воротам – Димка как раз заезжал, правый машинный бок оказался в опасной близости от стойки забора.

Но машина прошла в миллиметре от препятствия, под колеса попал только шальной, неизвестно с чего здесь выросший бордовый тюльпан.

Когда Дима вышел из-за руля, показала ему на цветок:

– Как наша жизнь. Никогда не знаешь, когда оборвется.

– Ох, Надюха! – вздохнул журналист. – Заставлю я тебя сегодня тоже

водки выпить. А то как-то слишком мрачно ты настроена.

* * *

Они медленно шли по поселку. Погода продолжала чудить: плотные белые облака то открывали кусочек летней сини, а то вдруг чернели, вскипали мелким, противным дождем. Надя тогда накидывала на голову капюшон своего любимого синего плаща с ромашками, пыталась всучить Полуянову зонтик, но он отмахивался. Подставлял под брызги лицо, ловил их губами. Как мальчишка, резво и радостно, сигал через лужи. Обернулся к своей спутнице:

– Слушай, прямо «Дачники» Чехова! Как хорошо, Надя, как хорошо!

Она подхватила:

– «Право, можно подумать, что все это снится. Ты посмотри, как уютно и ласково глядит этот лесок! Как милы эти солидные, молчаливые телеграфные столбы!»

– Ох, Надька, неоценимая ты моя! – расчувствовался Полуянов. – И борщи варишь, и классика цитируешь. Да еще приданое какое принесла!

– Слушай, а я все никак понять не могу... – задумчиво произнесла Митрофанова. – Почему отец вдруг обо мне вспомнил? Почему мне этот дом завещал?

– Тебе ведь сказал нотариус: больше никому. Жена умерла. А дочка и так богатая.

– Совсем не аргумент, – с сомнением отозвалась Надя. – Какая бы ни была богатая, а коттедж в ближнем Подмоскowie никогда не помешает.

– Ну... значит, чувство вины. Нагадил мужик, ребенка на стороне сделал, никогда не помогал – а на старости лет раскаялся.

– Знаешь, Дима, мне гораздо дороже было бы, если б он просто позвонил. Или приехал. Захотел узнать, как и чем я живу.

– Надь, некоторые люди этого банально не умеют, – посерьезнел Дима. – Им проще не отношения строить, а откупиться деньгами. В нашей газете, кстати, модная тема. Отдел семьи постоянно пишет. Папа не читает ребенку сказки – но покупает ему айфон. А потом злится, что дитяtko его воспринимает как ходячий кошелек.

– Ну да. В настоящую свою дочку, я так поняла, он хорошо деньги вкладывал. Нотариус рассказывал, все сбережения на нее потратил, когда ей в конце девяностых в голову взбрело в Америку ехать, мужа себе искать. А она – судя по тому, как все в доме организовано, – его и не навещала

даже.

– А когда ей? Замужняя дама. То на Лазурке, то на Бали, – усмехнулся Дима. – И дом бы этот она сразу продала. Вот, кстати, еще причина. Отец твой не хотел, чтоб родовое гнездо из семьи ушло. Понимал, что родной его доченьке сантименты по барабану, с глаз долой – из сердца вон, на вырученные деньги – очередную шубку с машинкой купит. А ты окажешься достойным хранителем фамильной собственности.

– Полуянов! Ты дьявольски мудр.

Они свернули с уже родной Березовой улицы, и сразу перед глазами замаячил Дворец черного короля.

Надя вновь поразилась:

– Ну и громадина! А безвкусный какой!

– В девяностых годах считалось круто... – глаза Полуянова загорелись. – Пойдем, полазим?

– Тебе сколько лет? Десять?

– А что, вдруг клад найдем? – размечтался журналист.

Наде совсем не улыбалось бродить, в элегантном плаще и с сумочкой, по каким-то развалинам. Тем более лестницы не имелось. Перед входом лежало с десятков бетонных плит, и забираться в строение следовало по железным ушкам, торчащим из их боков.

Но Полуянов, взбудораженный, словно детсадовец, тараторил:

– Надь, да это вообще элементарно! Давай я тебя подсажу.

Пришлось лезть.

Надя брезгливо отряхнула плащ от мокрой цементной пыли, аккуратно, чтобы никуда не вляпаться, вступила в заброшенный дом. Какой тут клад – банальная свалка! Гнилые матрасы, бутылки, рваные колготки (страшно подумать, что здесь происходило). На стенах уже не граффити – банальные гадости: «Ленка Кривошеева всем дает». «Хочу девчонку, телефон...»

А Полуянов словно и не замечает всей этой мерзости. Носится по дому, восторженно комментирует:

– Зал, метров двести квадратных, чума! А это ванная, Надь, ты только посмотри! Больше нашей гостиной! Вот это размах!

Ее мало интересовали чужие (да к тому же несостоявшиеся) мечты. Подошла к окну. На широкий подоконник (весь в осколках кирпича) облокотиться не рискнула. Даже отсюда, всего-то с первого этажа, поселок казался жалкой, бедненькой деревенькой. А если из пентхауса смотреть – наверняка Гулливером в царстве лилипутов себя ощущаешь.

И вдруг увидела: к дворцу бодрым шагом движется стайка подростков.

Трое парней, две девушки. Одна еще ничего, в джинсах, а вторая вообще страх божий: красные колготки, мини-юбка, каблук. В дачном поселке, в дождь! Причем фигурка куда плотнее, чем у Нади, ляжки из-под юбочки – как у бройлерной курочки. Парни ржут, то и дело красавицу по попе оглаживают. В пакете звенят бутылки.

– Дим! – Надя кинулась к Полуянову. – Сюда народ идет. Я боюсь.

Тот подошел, выглянул в окно. Снисходительно произнес:

– Ну, дети. Собрались на пикник. Чего бояться-то?

Подростки первым делом закинули на бетонные плиты пакет. Потом полезли сами. Девушка (которая в джинсах) вскарабкалась сама. Зато ту, что в мини-юбке, отталкивая друг друга, подсаживали под попу все трое.

– Может, уйдем по-английски? – шепнула Надя.

– Зачем? – удивился Полуянов.

Взял ее за руку и вышел навстречу компании.

Подростки увидели их, заржали.

– Ой! Дядька с теткой! – ахнула девушка в красных колготках.

Один из парней хмыкнул:

– Вы че, бичкомеры?

Второй толкнул его в бок:

– Глаза разуй! Чепушу негде просто. Сюда свою марамою привел.

Полуянов холодно взглянул на подростка. Коротко бросил:

– Язык придержи.

Надя сжалась. Молодняк очевидно нетрезвый, борзый. Сейчас как начнется!

Но ничего не случилось. Парень – под Диминым взглядом – будто похудел. Забормотал миролюбиво:

– Да че, мы ниче. Жалко, что ли? Места много, всем хватит.

Девушка в джинсах выступила вперед, прищурилась:

– А это не вы – дяди Рыбакова дочка внебрачная? Та, которой он дом отписал?

– Ну, я, – призналась Надя.

– Везет кому-то... – девушка в красных колготках завистливо взглянула на Надю, пробормотала: – И плащик у тебя класный. В «Наф-нафе», что ли, брала?

– В «Максмаре», – сухо отозвалась Митрофанова.

То, что на распродаже и в «стоке», уточнять не стала.

– Ясен дел. Красивая жиза, – буркнула деваха.

И резко отвернула от них – в глубь дворца. Парни – бычки за красной тряпкой – потащились за ней. Последней, понунив плечи, двинула девушка в

джинсах.

А Надя – едва Полуянов помог ей спуститься на землю – спросила:

– Дим! «Чепуш» – это я поняла, от слова «чепуха». А марамойка – кто такая?

– Ну... это на их языке прекрасная дама, – смутился он. И подвел итог: – Не бери в голову.

* * *

Суббота пролетела незаметно, воскресенье еще быстрее. Едва успели прогуляться, потом навести в доме минимальный порядок – и вот уже прохлада, распеваются птицы, солнце деловито спускается к горизонту.

– Пойдем на крыльце посидим, – предложил Дима.

Вынес из дома, ловко разместил на крохотном пятачке два продавленных кресла, табуретку (в качестве стола). И даже Митрофановой маленькую скамеечку притащил: «Ноги поставишь». Пили чай с сушеной мятой – Надя нашла ее в отцовских запасах. Ели булочки из сельского магазина. Слушали лягушек и стрижей. Красный шар солнца неохотно скатывался все ниже. Дачники запирали дома и возвращались в Москву.

Полуянов взглянул на часы, зевнул:

– Надюх, может, не поедем сегодня? Мне завтра к двенадцати.

– А мне к девяти.

– Опоздай. Прогуляй.

– Слушай, я забыла! – оживилась она. – У меня ведь законный отгул есть!

Схватила телефон, немедленно позвонила шефине – и получила у нее разрешение завтра на работу не приходить.

Показала Диме язык:

– Вот и езжай к двенадцати. А я буду отдыхать. И вернусь в Москву только вечером. Или, может, вместе останемся? У тебя ведь график свободный.

– Надь, да я в редакцию вообще не собираюсь, – поморщился Полуянов. – Другие дела. Мне к двенадцати в полицию.

– Зачем?

– Хочу с Савельевым встретиться, – буркнул журналист.

– Это по поводу тех мошенников? Благотворителей?

– Ну да, – кивнул Дима.

– Расскажешь?

– Грустная, Надюх, тема. Для весеннего томного вечера.

– Все равно Расскажи.

Она чувствовала: ему надо выплеснуть тяжелые мысли.

И Дима начал:

– Есть такой мальчик. Юра Горелов, десяти лет. Рак в четвертой стадии, метастазы по всему организму, врачи единодушны: шансов нет, только паллиатив. Но родители все равно хотят его в Германию везти. На это деньги и собирают. С помощью одного фондика благотворительного.

– А на самом деле Юры Горелова нет?

– Есть. И он реально болен. И его – по-настоящему! – отвезут в Германию. Но вот толку от этого не будет никакого. Этот фонд, похоже, специально ищет абсолютно безнадежно больных детей. Причем выбирают обязательно маленьких, миленьких, светленьких, из небольших городков, с русскими фамилиями. Все, чтобы на жалость давить. Поднимают в Интернете шумиху. Открывают сбор средств. Причем добрые люди не только платят – еще перепосты активно делают.

Он замолчал.

– А что дальше? – поторопила Надя.

– Дальше фонд собирает тысяч двести-триста евро. И везет ребенка в Германию. Обычным рейсовым самолетом – хотя таких детей можно только на спецборту, они ведь при смерти фактически. Однажды у них ребенок в аэропорту умер. Недавно – прямо в самолете. Но некоторые – да. Даже долетели до клиники. И обследование начали проходить. Но умерли все равно. Так ведь было задумано. Изначально.

– Ты хочешь сказать, что этот твой фонд специально такое творит? Они заранее знают, что дети умрут? Но тащат их в Германию?!

– Похоже, что да.

– А в чем их выгода?

– Смотри, Надя. Получает фонд минимум двести тысяч евро на ребенка. А тратит – только на самолетные билеты. Немецкие клиники – если пациент сразу умер – честно возвращают всю предоплату. Но наивным благотворителям об этом, конечно, не говорят.

– И у тебя есть доказательства?

– Я их сейчас собираю, – уклончиво ответил журналист. – Дай бог Юрочке Горелову здоровья! Будем ждать, как у него дела пойдут. Если как у всех – будем уголовное дело возбуждать. По заявлению. Кого-то из благотворителей. Тебя, например. Ты заплатила им кровных тысячу сто, что для библиотекаря крупная сумма, и требуешь проверить, на что потрачены твои деньги. Напишешь?

– Конечно! – она не сомневалась ни секунды. – А текст мне самой придумать?

– Надь, я, конечно, нахал, но свою работу на тебя переваливать не буду, – усмехнулся он. – А вот какую-нибудь котлеточку али блинчик с мясом – это я бы потребовал.

– Заказ принят, – Надя легко вскочила с кресла. – Пойдем только в дом. А то прохладно уже. И комары.

– Может быть, мне за пивом сходить, раз мы в Москву не едем? – предложил Полуянов.

Обычно Надя в ответ на подобные предложения всегда ехидничала. Особенно если накануне еще и водку пили. Но сегодня ворчать не стала. Дачная жизнь, в конце концов, вся и состоит из маленьких милых радостей.

Девушка, напевая, отправилась на кухню. Полуянов поспешил в магазин. Кресла с крыльца не убрал. И на одном из них так и остался лежать любимый Надин синий плащ – с белыми ромашками по подолу.

* * *

На следующее утро

Готовить на чужой, да еще холостяцкой кухне непросто, но ужин вчера удался, да и завтрак сегодня оказался весьма достойным. В конце концов, яйца для омлета вместо венчика можно взбить вилкой, хлеб, в отсутствии тостера, подсушить на сковороде, а кофе сварить в кастрюльке.

Митрофанова проводила Димку на работу нежным поцелуем, сама закрыла за ним ворота. Сменила игривый (специально брала с собой) халатик на старинный спортивный костюм и вышла на крыльцо.

Утро сверкало росой и ослепительно-синим небом. Надя протиснулась боком между кресел (Дима вчера так и не убрал) и спустилась в сад. Глаза разбегались: столько всего нужно сделать! Первым делом, решила, надо наглые одуванчики выдрать – они ее почему-то особенно раздражали. Митрофановой прежде никогда не приходилось заниматься прополкой. Она нацелилась на мощную связку желтоголовых цветов – и вытащила из земли только стебли. Попробовала еще раз – снова корни остались на месте. Нет, так не пойдет. Нужно подкапывать. А для этого найти какую-нибудь ковырялку.

В дальнем углу сада стоял сарай. Надя на выходных пару раз звала

Диму: «Пойдем посмотрим, что там!»

– А чего смотреть? Грабли какие-нибудь, – отбивался равнодушный к хозяйственным делам журналист.

И, оказалось, не ошибся.

Грабли, тяпки, лопаты, древняя газонокосилка, ржавая бензопила. Выцветшие, просроченные пакетики с семенами. Груда дров. Пустые, запыленные трехлитровые банки – видно, еще от жены остались. Пара ящичков со старыми газетами.

И сундук, куда Надежда немедленно заглянула.

Эх, зря Полуянов с ней не пошел – емкость оказалась до краев набитой книгами. Все вперемешку: «макулатурные», застойных времен Стендаль, Дюма, Стивенсон. Подписные Гоголь и Чехов. «Новый мир» с Солженицыным. Детективы Адамова. Почти все Стругацкие. А на самом дне – несколько толстых тетрадок.

Надя открыла одну из них – с пожелтевшими страницами, в псевдокожаном рыжем переплете.

На первой странице – каляки, фигурки принцесс, рожи и криво выписанная надпись: «ПОВЕСТЬ КАК ЖИЛ ЧЕЛОВЕК».

Далее следовал подзаголовок: «Годы долгие про вас мы напишем наш рассказ». И подпись: Рыбакова Анжелика. Четвертый класс.

Ничего себе! Творчество ее сводной сестры.

Надя успела подумать, что читать чужой дневник нехорошо. Но немедленно открыла первую страницу:

«11 февраля 1988 года. Сегодня решила вести дневник жизни. Пригодится для потомков. Вчера Наташка Воран притащила свой чемодан календариков. Поменялись одним. Сдохла скалярная. Папа сказал, что, когда я вырасту, по этой книге можно будет написать книгу, вроде «Динки». Но писать не о чем. Это в 1917 году было интересно, а сейчас ничего».

Надя улыбнулась, пролистала несколько страничек:

«Сегодня на завтрак была жареная картошка. Объедение! Папа умеет ее жарить. Потом очень здорово каталась с ним на лыжах. Правда, горы были маленькие. К маме пришел дипломник, испанец. У него смешное и длинное имя Де Лас Касас Альфонсо Педро. 13 марта. Ирина Валентиновна сказала, что освобожденные от физкультуры должны мыть лестницу. Но почти все освобожденные сказали: «Что мы, нанялись?» И ушли. И я тоже. 14 марта. Сегодня концерт по абонементу в консерватории. Была «Русская музыка». Тоска ужасная. Я пересчитывала трубы у органа. В буфете была черная икра. Я сегодня

мылась».

Надя зевнула, захлопнула тетрадку, вернула ее в сундук. Надо бы позвонить сестре, которая, на самом деле, ей совсем чужой человек. Сказать, чтобы забрала свои личные вещи. Там, в сундуке, и груда бумаг имелась. Письма, наверное. Их уж точно читать непорядочно. Хотя – волнуй это сестрицу, давно бы забрала.

Зато для Нади отцовская переписка – отличный шанс понять, что за человеком был ее родитель. Явно не самым обычным. Полное равнодушие к внебрачной дочке – и миллионное наследство. Сухая должность бухгалтера – и справочники по стихосложению.

Митрофанова наугад сунула руку в пачку бумаг.

На сером от времени и пыли листе всего две строки:

*Меж двух огней, гиен и змей,
Мой сад, мой милый, личный ад.*

Как-то плосковато.

Но Надя не стала засовывать листок обратно в гущу бумаг – положила сверху. Секунду подумала – и взяла всю пачку. А также все исписанные тетрадки. Не место им в сыром сарае. Отнести в дом и прочитать – когда будет время и настроение.

Поднялась на крыльцо. Снова протиснулась между двух кресел. Вот Полуянов бесхозяйственный! Чего стоило убрать еще вчера вечером! А теперь сиденья все влажные – утром выпала роса. И тащить тяжело. Но что делать? Отволокла в дом сначала одно, потом другое. Вернулась за табуреткой и подставочкой для ног.

А где ее плащ?

Она еще раз оглядела крыльцо. Заглянула в дом. На вешалке нет, на тумбочке в коридоре тоже. Может, в шкафу? Или на диване в гостиной? Или Полуянов куда-то сунул? Нет, не видно.

Опять вышла во двор, огляделась. Нету. Неужели украли? Но кто и как?

Забор – метра два, калитка и ворота были заперты. «Может, я его в машине забыла? Димке позвонить, спросить? Нет, Надя. Не дергай ты его. Здесь твой плащ был. На крыльце».

Она подошла к забору. Встала на бетонное основание и на цыпочках легко дотянулась до верхней кромки. Попробовала подтянуться – почти получилось. Да, не преграда для любого, кто чуть более тренирован.

Досадливо спрыгнула на землю. Вот тебе и мирный, дружелюбный поселок! Трех дней здесь не прожили – уже украли вещь. От «Максмары». А что дальше будет? Вломаются в дом?!

Настроение мгновенно испортилось. Да еще с соседнего участка вдруг раздалось отчаянное кудахтанье. Вопль, визг. Потом, кажется, свист топора (Надя зажала уши). Увидела: из сарая за забором, взрывая лапами мокрый гравий, в панике выскочили две аккуратные белые курочки. Потом показалась хозяйка. В руке и правда топор. Она что, будет и им головы рубить?! Прямо тут, во дворе?

Митрофанова бросилась к дому. Но на пороге не удержалась. Притормозила, рассмотрела даму как следует. Вот это персонаж – только в фильме ужасов сниматься!

Очень светлая кожа неестественно гладко облегает полные щеки. Глаза подтянуты к вискам, словно скотчем. Губы пухлые, щедро подкачаны силиконом. И – внимание! – в крови. По шее тоже красная жижка течет.

Надя тихонечко отворила входную дверь, но скрыться не успела. Бабища отшвырнула топор, кинулась к забору, что разделял их территории, и заорала голосом унтера Пришибеева:

– Ты кто такая?! Что на чужом участке делаешь?!

Надя психанула:

– Орать на меня не надо!

– Да ты как разговариваешь! Воровка! Шваль! Гнида лобковая! – дама начала надуваться, будто индюшка в предчувствии драки. – Да я тебя сейчас на десять лет закрою! У меня муж – генерал ФСБ!

И сосисками-пальцами выхватила из кармана шелкового халата с драконами мобильник в красном, кровавом корпусе.

– Э... – Митрофанова растерялась. – Я вообще-то соседка ваша новая. Мне Кирилл Юрьевич Рыбаков этот дом завещал.

– Тебе?! – тетка раздулась еще больше. – А с какой стати тебе? Кто ты вообще? Риелторша черная? Или любовница его?

Наде стало смешно.

– Мужу своему позвоните. Пусть он по базам ФСБ проверит.

– Ты... Да как ты смеешь?!

Белые курочки наконец прекратили лихорадочно носиться по участку. Жались у дальнего угла забора, просительно поглядывали на Митрофанову – спаси, мол, нас!

– Давайте не будем ссориться, – миролюбиво произнесла Надя. – Я здесь абсолютно на законных основаниях.

Повернулась и пошла к дому.

И услышала в спину, очень отчетливо:

– Главная здесь я. А ты никто. Ноль.

Резко обернулась.

Тетка, так и не вытерев с подбородка кровавых разводов, стояла на прежнем месте и гаденько улыбалась.

«Надя, стоп! – приказала себе Митрофанова. – Ссориться ты все равно не умеешь. Вот и не берись».

Прибавила шагу, вошла в дом, захлопнула дверь. Взгляд упал на отцовское творчество – стихи лежали в коридоре на тумбочке:

Меж двух огней, гиен и змей...

Кажется, Надя понимала, о ком здесь речь. Две отвратительные соседки.

Одна – демонстративно не здоровается. Вторая – пьет куриную кровь и закатывает скандалы. Еще и плащ украли. Как там в стишке? «*Мой личный ад*»?

И мигом пропало очарование. Может, и не выпалывать одуванчики? А продать отцовское наследство – и купить дачу в более дружелюбном месте? Не зря говорят: ничего хорошего даром не достанется.

* * *

Савельев позвонил без четверти двенадцать. Голос виноватый (для правоохранителей наших почти немислимо).

– Дим, ты выехал уже?

– Подъезжаю, – соврал журналист.

На въезде в столицу он все-таки попал в пробку и теперь опаздывал на добрых сорок минут.

– Прости, Полуянов. Сегодня я никак не смогу.

– Тогда вы мой должник, – не растерялся Дима.

– Надейся, – усмехнулся Савельев.

И бросил трубку.

Дима почти не обиделся. Журналисту ни на кого обижаться априори нельзя. А на полковника полиции – тем более.

Познакомились они с Савельевым много лет назад. Оба тогда были молодые, наивные, наглые. Карьеру мечтали сделать. Молодой опер (в то время лейтенант) нынче подобрался к власти куда ближе, чем Дима. Носил погоны полковника, оброс связями, сидел на Петровке.

И мог, мог бы хоть за час позвонить! Дима бы тогда на даче остался. А

что ему теперь делать? Разворачиваться и ехать обратно к Надюшке? Но он уже сквозь основные пробки пробился, к Третьему кольцу подъезжает. Глупо гонять туда-сюда. Лучше дома поработать спокойно.

Едва повернул к ВДНХ, позвонила Надежда:

– Дим, у тебя еще встреча не началась?

– Пока нет, – он не стал вдаваться в детали.

– Слушай, а у меня тут такое!

И начала причитать: плащ пропал, с соседкой поругалась.

– И еще Библию ты забыл, мне теперь ее в электричке везти! Или тут оставлять. Еще страшнее!

Полуянов снисходительно усмехнулся: истинная женщина. Информации, как всегда, полно, и все в кучу. Но было приятно, что *только он* (и больше никто!) может эту ситуацию разрулить.

Дима и разрулил:

– На плащ наплюй, куплю тебе новый.

– Нет таких в продаже! Он из старой коллекции!

– Не волнуйся. Найду, – опрометчиво заверил Дима. И продолжил раздавать указания: – Библию на дно сумочки положи, спокойно вези и не дергайся. Про соседку неадекватную тоже все выясню. Фамилию узнала?

– Да, – гордо отозвалась Надюшка. – Лана Сумцова. Какая-то крутая. На пальце бриллиантище. И «Мерседес» новый во дворе.

– И кур сама режет.

– Не просто режет – кровь их пьет!

Дима еле сдерживался, чтоб не заржать. Но сказал серьезно:

– Не волнуйся, Надюшка. Пристроим мы гражданку Сумцову.

Положил трубку – и немедленно выбросил митрофановские смешные проблемки из головы. Сейчас главное – благотворительный фонд.

Приехал домой, даже кофе не попил, сразу кинулся за компьютер.

Первым делом открыл блог, посвященный Юре Горелову. Со вчерашнего дня ничего не изменилось. Куча вопросов в комментариях: «Как вы? Где? Как себя мальчик чувствует?» И ни единого ответа. Хотя раньше здесь и менеджеры благотворительного фонда регулярно отмечались, и родители подробно отчитывались чуть не о каждом прожитом дне.

Ладно, а что на сайте «трех Д»? Глупое, на самом деле, название. Ненужные ассоциации вызывает. Делай Детям Добро. Дай Дорогу Дураку. Или просто: Дураки. Дураки. Дураки. Трижды. Мы все, кто мошенников кормит.

Тишина, конечно, на сайте. Хотя Юрина фотография по-прежнему висит. И реквизиты банковские остались.

Дима – уже по памяти – набрал номер фонда.

Занято. Наглухо.

Поставил на автодозвон. Сварил кофе. Выпил. По-прежнему короткие гудки.

Дима хмыкнул, выключил мобильник – и позвонил с городского.

– «Делай детям добро», слушаю вас! – тут же отозвалась секретарша.

Полуянов постарался изменить голос:

– Я переводил деньги на лечение Юры Горелова, хочу узнать, как у него дела.

– Мальчик в Германии, проходит лечение в клинике, доктор Штраубе надеется на ремиссию, – заученно оттараторила девушка.

– В какой именно клинике он находится?

– Это закрытая информация. Спасибо, что беспокоитесь. Не переживайте, ситуация под контролем.

И бросила трубку.

Дима позвонил снова. Короткие гудки. Похоже, телефоны, с которых задают неудобные вопросы, сразу вгоняют в черный список.

Он вернулся на сайт Юры Горелова и открыл страничку с биографией мальчика. Обтекаемо все написано – будто специально. «Один из городков Владимирской области», «лучший ученик гимназии, теперь вынужден учиться на дому», «папа – на двух работах, мама ухаживает за больным сыном и его младшим братом». Пожалуй, вот только что: «До болезни Юрочка занимался самбо и занимал призовые места на областных соревнованиях».

Дима начал со звонка в федерацию и довольно быстро (часа не прошло) добрался до бывшего Юриного тренера.

Тот вздохнул:

– Да плохо все у парня. Отца вчера видел – черный от горя. Юрка в коме, врачи предлагают жизнеобеспечение отключить.

И запоздало занервничал:

– А вам зачем?

Дима не стал притворяться благотворителем – сказал правду. Что журналист и выясняет, реально ли фонд помогает мальчику.

– Черт его знает, – задумчиво произнес тренер. – Болеет Юрка – это правда. И деньги на поездку им фонд реально дал, даже с излишком. И клинику оплатил, они мне гарантийное письмо показывали. Но вы отцу позвоните, он вам лучше все расскажет.

И продиктовал Полуянову номер.

Дима решил не торопиться.

Однажды осечка уже случилась.

Две недели назад фонд «Делай детям добро» отправил в Германию девочку Люсю. Тоже рак, последняя стадия, светлые волосы, пронзительный, печальный взгляд.

В первый свой день за границей девочка умерла.

Диме и тогда удалось достать телефон отца. Но разговор он повел неграмотно. Спросил: «Зачем же вы ее куда-то повезли в таком состоянии?»

Родитель сразу взвился:

– А что мне делать оставалось? Молча смотреть, как она умирает?

– А куда двести тысяч евро исчезли, которые фонд на лечение Люси собрал?

– Их другим детям передадут! – крикнул отец.

И бросил трубку.

Дима даже не успел сказать, что фонд на каждого ребенка открывает новый сбор денег. И ни разу не публиковал финансовую отчетность.

Не исключено, что бедный Юра Горелов – последняя гастроль «Трех Д». Дальше мошенники просто сгинут и всплывут под другой личиной.

И автор мерзкой схемы – господин Котлов. Президент фонда «Делай детям добро». Который так и не согласился дать Диме интервью.

Полуянов взглянул на часы: ого, почти семь! В желудке подсасывало. В двери – очень кстати! – скрипнул ключ.

Журналист поспешил навстречу Наде. Хорошо бы она по пути успела заскочить в магазин.

Но пакетов в руках у девушки не было. И глаза – испуганные, огромные.

Бросилась журналисту на шею, затараторила:

– Дима, Димочка, со мной сейчас чего было – вообще кошмар!

* * *

Добираться до дома общественным транспортом Наде совсем не понравилось. До электрички пришлось ехать на автобусе. Потом полчаса ждать на платформе. Трястись в поезде. Толкаться на вокзале. Тащиться с пересадкой на метро. И постоянно сумку к себе прижимать: что бы Полуянов ни говорил, за старинную Библию девушка очень боялась.

– И ты представляешь, Дим?! У нас на ВДНХ выхожу. Выдыхаю: все. Безопасность. Я дома. Сам знаешь, от метро два шага.

Полуянов уже понял: вступление цветистое. Значит, ничего реально страшного не случилось. Библия цела.

Угадал.

Надя прервала свою повесть. Вытащила из сумки раритет, протянула журналисту, с чувством произнесла:

– Забери, и чтобы я не видела ее больше! Никаких нервов не хватит. В библиотеку сам повезешь. Прямо завтра!

– Конечно, Надюш, хорошо. Прости. Обязательно, – смиренно поклялся Полуянов. В желудке тянуло все сильнее. Как бы поставить Надькину речь на быструю перемотку – и отправить ее на кухню?

– Дима, можешь не строить взволнованный вид. Я вижу: тебе еда важнее меня, – ядовито произнесла Митрофанова. – Но все-таки послушай. Возле метро, у ларьков, меня нагнал парень. Обычный такой, чахлый. Рыжий. За плечо тронул: «Девушка!» А я ведь вся на нервах – аж подскочила. Он так ехидно: «Что это вы такая испуганная?» Берет – и меня фотографирует, представляешь?

Драматическая пауза.

Полуянов не выдержал первым:

– И что?

– И ничего! – возмущенно отозвалась Надя. – Сфоткал – и убежал. Я за ним – он деру. На ходу крикнул: «Это для «Вечерней Москвы!»» Но они ведь не могут просто так, без разрешения, снимать и потом в газете печатать?

– Красивых девушек – могут, – убежденно сказал Полуянов.

– Слушай, хватит издеваться!

– Тогда давай свою версию.

– Не знаю... – Надя взглянула на него неуверенно. – Может, потому, что у меня Библия?

– А не проще было сумку у тебя вырвать?

– Ну, тогда... Эта дура-соседка говорила, у нее муж – генерал ФСБ. Вдруг он соглядатая прислал?

– Надюшка, милая ты моя, сладкая, вкусненькая! – он стиснул ее в объятиях. – Да какие соглядатаи? Просто понравилась ты мальчику! А сотрудники ФСБ – уверяю тебя! – работают совсем по-другому.

* * *

Ольга Черемисова подошла к соседскому забору. Приложила к

жесткой рабице ухо. Прислушалась к *вибрациям*. Поняла: *вновь прибывшей* дома нет.

И яркое чувство опасности, что терзало ее все выходные и половину понедельника, немедленно отступило.

Она сразу, едва перед воротами затормозила машина, поняла: новая хозяйка принесет *большую беду*. Ощущение страшного исходило от девушки настолько ярко, что надеяться на благоприятный исход не приходилось. Что-то совсем скоро случится. С ними со всеми. Здесь, в Васильково.

Ольга застонала.

Ну, почему, почему она всегда что-то *слышит*, но понять, истолковать до конца не может?

И за что ей этот дар, этот рок, эта напасть?!

Она отошла от чужого забора. Уловила кожей яркие солнечные лучи. Встала прямо под их поток. Вытянула вверх руки. Светило, вразуми! Дай мне знак!

Но в голове крутился хаос самых обычных мыслей. Наплывали обрывки воспоминаний.

Ольга со вздохом опустила руки. Села в шезлонг. Вдруг снова ощутила себя школьницей. Неловкой. Нелюбимой. Странной.

Она и дома, и в школе была особняком. Уроки не учила принципиально. (Трояк и без подготовки поставят.) Зато над тем, что интересно, сидела сутками. Районную библиотеку быстро переросла. Ездила в центр, во взрослую Ленинку. Записалась туда по паспорту сестры. Выискивала в горах литературы партийно-советской направленности крупички эзотерики, магии, медитации, йоги, психоанализа – все вперемешку.

В институт поступать не стала – зачем? Чтоб не тратить силы на бессмысленную гонку за хлебом насущным, быстренько выскочила замуж. За похожего на нее книжного червячка. Впалогрудого, вялого, с вечно потными ладошками. Зато из очень, очень хорошей семьи.

Молодым мгновенно справили кооперативную квартиру и щедро помогали деньгами – пока молодой муж учился в институте, а Ольга предавалась самосовершенствованию.

У нее сильно испортилось зрение, но супруг, утонувший в философских науках, даже не замечал, что стекла на очках жены становятся все толще.

Незаметно, между «Бхагавад-Гитой как она есть» и «Тайной доктриной» Блаватской, у Ольги родилась дочь Маргарита.

Новорожденный ребенок плохо вписывался в концепцию непрерывного духовного развития. Младенца постоянно подкидывали бабушкам. А на случай, когда ребенок оставался дома, супруги запаслись берушами.

Маленькая Маргарита долго надеялась, что сможет привлечь к себе внимание. Орала во всю силу легких. Выкидывала из манежа игрушки. Соседи стучали в стену и приходили жаловаться, Ольга лишь пожимала плечами: «Что я могу поделать? Неспokoйный ребенок».

Годам к пяти девочка поняла: бесполезно. В клетку, за барьерчик, ее больше не сажали, и она свободно топала по всей квартире. Чтобы не нервировать маму, благоразумно молчала. И страшно радовалась, когда бабушки, то одна, то другая, до нее снисходили. Забирали к себе, в сказочное царство. Где покупают игрушки, гладят по головке, учат рисовать, читать, считать.

А Ольга продолжала жить собственной духовной жизнью.

После родов зрение у нее упало еще сильнее. Да еще со слухом начали происходить чудеса. В ушах – то гул, то свист, или чмокание, чавканье.

Она никому не жаловалась. Не ходила к врачам. Почему-то знала, чувствовала: только измучают зря. Утопающие должны сами себя спасать. Пришлось отвлечься – от интересных книг и духовных практик. Чтобы не выключиться из реальности окончательно, Ольга освоила науку читать по губам. Приобрела слуховой аппарат. А для сохранения остаточного зрения применяла медитацию на заходящее солнце и витаминные капли.

Наступили девяностые. Страна искрила, трепетала, молилась, мучилась. Муж растерянно хлопал глазами на диплом философского факультета. Его родители давно утратили партийные посты и потихоньку распродавали когда-то без счета покупаемую ювелирку. Молочно-икорные реки, прежде щедро питавшие молодую семью, иссякли.

– Олечка, – осмелился однажды квакнуть супруг, – может быть, тебе пойти на работу?

Жена истерически рассмеялась. Существо, которое давно жило пусть рядом, но в параллельной реальности, вдруг осмелилось заговорить. Кто он, чем дышит? Она даже толком не помнила, как супруг выглядит.

Смотрела на размытое пятно (его лицо), угадывала слова по еле видимому шевелению губ и понимала: червячок был ей нужен только до тех пор, пока приносил пользу. Но сейчас он ей только обуза.

Развелись без скандалов. Оле досталась двухкомнатная квартира в Сокольниках и дочка. Девочке уже исполнилось семь, она пошла в школу. Мать никогда не помогала ей с уроками. Зато взялась учить малышку тифлосурдопереводу. Ей пока не требовался переводчик с языка

слепоглухих (кое-как видела, а если не слышала, то читала по губам), но всегда полезнее заранее подстелить соломки.

Маргарита, счастливая, что мать чуть не впервые оказывает ей внимание, легко и с удовольствием выучила, как *писать* пальчиком на ладошке. А Ольга, долгими часами сидевшая рядом с девочкой, вдруг снова начала – видеть? Чувствовать? Улавливать?

Дочь во главе начальственного стола. Секретарши, спутниковая связь.

Она приблизила к себе лицо девочки. Сощурилась. Вгляделась в ее маленькие, неяркие черты. Спросила:

– Маргарита, кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

Та не колебалась ни секунды:

– Балериной.

– Чушь, – мгновенно отозвалась мать. – Тебе нужны математика и английский. В старших классах чтобы был экономический уклон. Здесь где-то есть гимназия, я узнаю. Переведу тебя туда.

– Но я хочу танцевать! – топнула ножкой малышка.

– Сколько будет семнадцать плюс сорок четы...?

Маргарита даже не дала ей договорить:

– Шестьдесят один.

– Вот именно. Тебе семь лет, и в школе вы проходите только однозначные числа.

Взяла лицо девочки в свои ладони, чуть надавила, произнесла свистящим шепотом:

– Хочешь – иди в балерины. Но в пятнадцать лет ты упадешь, сломаешь в двух местах ногу и больше никогда не сможешь танцевать.

– Мама... – девочка смотрела со страхом. – Откуда ты знаешь?

– Подумай сама. Если Бог забрал у меня зрение и слух, значит, он дал взамен что-то еще. Учи математику, Маргарита.

Дочь больше не спорила.

Ольга перевела ее в гимназию. Чтобы взяли как льготницу, пришлось оформить себе инвалидность. Но даже инвалидной пенсии в придачу к алиментам им теперь не хватало. Платные занятия по математическим играм, платные дополнительные часы английского. Обязательная – и очень дорогая – поездка по межшкольному обмену в Англию, в Стрэтфорд.

Ольга поначалу пыталась найти себе *нормальную* работу. Но в девяностых даже полностью здоровые радовались, если их нанимали батрачить в палатку. А почти слепоглухой, без навыков и образования, на бирже труда не предложили ничего. Только сдать дочь в интернат. Ольга всерьез обдумала этот вариант. Но решила: он не самый разумный. Тяжкое

младенчество и глупое детство миновали, скоро девочка сможет приносить пользу.

Идея, на что и как им жить, пришла спонтанно, во сне.

Едва проснувшись, Ольга кликнула дочку. Немедленно отправила ее в газетный киоск, за популярнейшим в те годы изданием «Из рук в руки». Вырезала купон бесплатного объявления. Написала в нем коротко: «Слепоглухая безошибочно предсказывает судьбу». Снова позвала дочь, отдала бумажку, произнесла:

– Сегодня же купи конверт и отправь.

Маргарита прочитала текст, ахнула:

– Мама, ты с ума сошла?

– Давно. Тебе разве бабушка не рассказывала? – усмехнулась Ольга.

– Я думала, она шутит. Но ты предлагаешь... э-э... глупость!

– Предложи лучше.

– Ну... папа ведь платит алименты. И у тебя пенсия есть.

– Три копейки твой папа платит. А моя пенсия – еще две. Хочешь одним хлебом питаться?

– Нет... но... это ведь обман... – растерянно прошептала девочка. – Никто не знает, какая будет судьба.

– Я знаю, – безапелляционно возразила мать. – Ну, или придумаю на худой конец. И смогу человека убедить.

– И где ты собираешься э-э... предсказывать?

– Тут. Дома. Где же еще?

– Рэкетеры придут. И еще эта, как ее, налоговая... – девочка демонстрировала удивительные для девятилетнего ребенка познания.

– Воровать у нас нечего. А налоговой с рэкетом будем инвалида предъявлять. – Ольга приняла придурковатый вид, начала ощупывать пространство, бормотать невнятное.

– Все ты врешь, – хмыкнула дочь. – Никакая ты не слепоглухая! Мы нормально говорим. Ты пишешь письма и работаешь на компьютере.

– Маргарита, я просто не люблю жаловаться, – поморщилась мать. – Но я давно ничего не слышу. Читаю по губам. Отвернись от меня или выключи свет – мы не сможем с тобой общаться. А на компьютере я ставлю самый крупный шрифт. Но вижу его только одним глазом через сильную лупу. Мечтаю программу брайлевского доступа купить. Но она очень дорого стоит.

– Мамочка! – дочь, конечно, расчувствовалась, бросилась ей на шею.

Ольга с детства не выносила объятий и поспешно отстранила девочку.

Повторила:

– Отправь письмо, прямо сегодня. И если будут клиенты, готовься мне помогать.

– Мам... – Ольга не видела, но чувствовала, как дрожат губы дочери. – Но это ведь ужасно! Чужие люди будут сюда приходить!.. Ругаться станут, если ты им неправильно погадаешь!

– Черт возьми, Маргарита! – рывкнула мать. – Ты знаешь, сколько я плачу за английский в твоей растреклятой школе?

– У нас бесплатно все. Государственная гимназия... – искренне удивился ребенок.

– Это раньше все было, раньше! А сейчас у нас перестройка. Рыночная экономика. Коммерческие рельсы. Хочешь в обычную школу? Иди. Будешь в две смены учиться. В классе по сорок человек. И поступишь потом в заборопокрасочный.

Нервы не выдержали. Нащупала на столе толстенный талмуд, метнула в расплывчатое пятно. В дочку.

Маргарита увернулась, пискнула и выскочила из комнаты.

А через неделю пошли клиенты.

Ольга, когда затевала свое предприятие, представляла его очень смутно. Да, изредка она что-то *видела*. Или могла притвориться, что видит будущее, – когда речь шла о родственниках и знакомых, которых она прекрасно знала.

Но как быть с чужими людьми? Да еще теперь, когда она ни лица разглядеть не может, ни голос услышать. Болтать первое, что в голову взбредет? Может сойти с одним, другим, третьим. Но такую гадалку бережно передавать из рук в руки не будут.

Ладно, кривая вывезет. В вещие сны Ольга верила.

Она сразу предупредила дочь:

– Будешь работать со мной.

– А уроки? – пискнула девочка.

– Ничего не знаю. С восемнадцати до двадцати двух ты занята. И свою комнату освобождай. Учиться будешь в гостиной. Спать – в кухне.

– Но почему?! – возмутилась Маргарита.

– Хочешь на себе чужую карму тащить? – усмехнулась мать.

– Мам, да глупости это все! – дочурка все увереннее поднимала голову.

– Да мне плевать, собственно. Хочешь – оставь все как есть. Спи там, где люди свои проблемы вываливают. Через неделю сама сбежишь.

Упрямая Маргарита не стала съезжать из любимой комнатки. Просто отодвинула письменный стол к окну и притащила в детскую три кресла.

Расставила их в рядок, будто в кинотеатре. Клиента они усаживали слева, мать восседала в центре, Марго – с другого края. Одной рукой Ольга крепко сжимала длань клиента. Другую свою ладонь доверяла дочери. Маргарита, знавшая тифлосурдоперевод в совершенстве, передавала, с какой бедой гость пришел. Мать задавала уточняющие вопросы. Ощупывала лицо, голову клиента. Иногда касалась его живота, груди. И быстро выносила вердикт.

Когда прием заканчивался, дочка возмущалась:

– Зачем ты врешь? Как ты можешь знать, что у человека рак?!

– Я сказала: в желудке опухоль, возможно, злокачественная. Я точно ее видела. Она светится таким особым, тревожно-голубым цветом. А нормальный орган – он золотистый. Понимаешь?

– Мам. Скоро они все возвращаться будут. Морду нам бить, – предрекала дочь.

Но ошиблась. Мужчина, у которого Ольга увидела рак – к счастью, в самой легкой, операбельной стадии, – прискакал с огромным букетом цветов и тремя зелеными сотнями в конверте. Клиентов становилось все больше. И все чаще они говорили, как Ольга и мечтала: «Нам вас посоветовали».

Прием уже шел не с шести до десяти, а по шесть-восемь часов кряду.

– Мама, я для школы ничего делать не успеваю, – жаловалась Маргарита. – И голова постоянно болит.

– А я тебе говорила: не спи в одной комнате с чужой кармой. Перебирайся на кухню. Сразу все пройдет.

– Но я не хочу там!

– Ты бухгалтерию ведешь? Тенденцию видишь? Знаешь, что я все рубли меняю на валюту? Потерпи год-другой. А потом я куплю дом за городом. Съеду туда и возьму себе помощницу. А квартиру оставлю тебе.

– Мам, – хмыкнула Маргарита, – через год мне вообще-то только двенадцать будет.

– Ну и что? – Ольга искренне удивилась.

Она сама никогда, даже в самом раннем детстве, не нуждалась в надзоре. Всегда могла себя прокормить, а гулянки, мальчишки, алкоголь, курево ее не интересовали вовсе. Почему нельзя наконец дать автономию изрядно надоевшей дочери?

Маргарита тоже мечтала вырваться на свободу. Это какое счастье будет – больше не слушать, как жуют сопли клиенты! Приходить, уходить, когда хочешь! Приглашать гостей! Веселиться – хоть всю ночь!

Но пока оставалось лишь строить дерзкие планы. И пахать, как

последней Золушке, на мамашу.

Ольгин план скопить на второе жилье за два года потерпел крах. Расценки у известной гадалки росли, но цены на недвижимость неслись вверх еще быстрее. Спасибо, Ольга (эзотерик) и ее дочь (будущий экономист) – обе не верили в рубль и все доходы сразу обращали в доллары. Они не имели счетов в банках. Полагали: не нужно нам от государства никаких процентов – только наше не троньте. Все сбережения хранили в ячейке. Все больше и больше пачечек, с которых одарял покровительственной улыбкой американский президент.

И в девяносто девятом, когда все разорались и продавали имущество, мать с дочерью наконец приобрели загородный дом. С хорошим участком. И даже с обстановкой.

Мать сдержала много лет назад данное слово. Приказала дочери:

– Помоги мне все тут привести в порядок – и можешь отчаливать. Живи в Москве, учись. Только квартиру не спали. На выходные, если хочешь, приезжай сюда. Я не против.

Маргарита (ей только что исполнилось пятнадцать) чуть не взвизгнула от восторга. Да ее одноклассники на чистый флэт – изредка, по субботам! – просто молились. А она будет жить самостоятельно! Постоянно! Всегда!

Впрочем, мать мигом добавила ложку дегтя:

– Но имей в виду. Если будешь с парнями спать, залетишь сразу. Как ни предохраняйся. Из школы выгонят. В институт не попадешь.

– Ой, мам! Я к тебе что, погадать пришла? – фыркнула Маргарита.

– Дурочка наивная, – усмехнулась мать. – Я твою руку держу каждый день по много часов. И уж о тебе-то все от корки до корки знаю.

– Да ладно! – хотя дело их гадательное процветало, девушка не слишком верила в сверхспособности матери. – Ты все придумываешь.

– Хочешь – попробуй, – предложила мать. – Аборт, кстати, у тебя пройдет с осложнениями. Минимум два месяца в больнице проваляешься. С сепсисом.

– По-моему, ты специально это все говоришь. Педагогический прием, – пробормотала Маргарита.

– Послушай, какой из меня педагог? – воскликнула мать. – И мне, честно говоря, все равно. Делай хоть двадцать абортов. Твоя жизнь.

– И ты, конечно, точно знаешь, как она сложится, – саркастически произнесла девушка.

– Конечно, знаю, – пожала плечами Ольга. – Но тебе не скажу. Когда знаешь, что будет, жить скучно. Могу только предупредить: у тебя все будет совсем не так, как у других. Не так, как положено.

- Может, я артисткой стану?
 - Нет. Но играть роли тебе придется. Все время разные.
- И мать повернулась к ней спиной.

* * *

Весь вечер Надя ходила с тусклыми глазами, а Полуянов искренне не понимал, как можно расстраиваться из-за глупостей. Подумаешь, плащ! А соседкины угрозы – еще смешнее. Попытался развеселить подругу, приводил разумные доводы.

Но Митрофанова продолжала ворчать, что вообще на такой даче жить не хочет. Полезла в базу данных смотреть, за сколько можно продать отцовское наследство. И вдобавок мясо пересушила, отбивная получилась почти как подметка.

– Не режется, – осторожно упрекнул Полуянов.

– А ты ножи поточи. Хоть раз в году! – огрызнулась девушка.

«Зря я утром уехал».

Дима героически доел невкусное мясо, но к телевизору, как всегда после ужина, не пошел.

Нужно Надюшку срочно порадовать.

Сел за компьютер. Первым делом отправился на сайт «Максмары». В осенней коллекции ничего похожего не нашлось. Согласится Надюха на плащ с розами вместо ромашек? Наверное, да. Но Полуянов взглянул на цену и быстренько свернул страничку модного магазина. Тысячи евро, чтобы заплатить за новинку, у него банально не было. Придется спрашивать на форумах, копаться на сайтах стоковых вещей. Больше часа на глупости убил – но не зря. Нашел точно такой плащ, как украли. Да еще за скромные семьдесят евро. А какой размер брать? Пока Митрофанова грохотала на кухне посудой, прокрался в коридор. Рассмотрел ярлычки других ее одежек. Где-то «М». На остальных – «L». Ладно, возьмем «эмку». Авось влезет. Девушкам всегда лучше чуть теснее купить, чем слушать упреки, что «выбрал, как на корову».

Сделал заказ, оплатил картой. Но понимал: окончательно положения не спас. Сейчас Надюшка сгоряча выставит хороший дом на продажу – и он мигом улетит. Отличное место, большой участок, да еще лето надвигается. Надо срочно ее убедить: идеальных соседей не бывает. Счастье, что по ту сторону забора не цыгане живут, не наркоманы, не братки. А бабы с причудами – это даже забавно.

Полуянов (давно и незаконно) владел множеством баз данных. Адреса, телефоны, судимости, налоговые декларации, учет в диспансерах.

Надо быстренько пробить невоздержанную мадам.

Лана Сумцова, говорите?

Ого. 1951 года рождения. А Надька сказала – молодая. Проживает – ха-ха! – даже комнатухи в коммуналке нет. Единственная собственность – дом в Васильково. А что насчет влиятельного мужа?

К базам данных ЗАГСов у Димы, к сожалению, доступа не было. Зато имелся приятель-хакер, для которого подобные задачки – приятные вечерние семечки. Полуянов позвонил, озвучил просьбу. И через полчаса получил ответ: гражданка Сумцова продержалась замужем ровно четыре месяца. В лохматом 1974 году. Супруг Михаил Сумцов и правда на момент свадьбы служил лейтенантом госбезопасности. Но из органов давно уволен, в настоящее время работает охранником. Вот тебе и супруг – генерал ФСБ!

Открытым оставался вопрос, откуда у перезрелой красоти «Мерседес» и бриллианты. На курах, что ли, заработала? Впрочем, милая его Надюшка ни в машинах, ни в драгоценностях не разбирается. Запросто могла впечатлиться стекляшкой и стареньким, лет двадцати от роду, «мерином». Официальных данных, где Сумцова работает, Полуянов обнаружить не смог.

Зато последняя, куда заглянул, база данных порадовала больше всех.

Дима вышел на кухню, обнял Надю, шепнул на ухо:

– На больных не обижаются.

– Ты о чем? – ошетинилась она.

– Сумцова твоя – шизофреничка. Форма легкая, но обострения стабильно каждую весну. Она только что из больницы вышла.

– Ты... ты сейчас ее проверял? – просветлела лицом Надежда.

– Ну да. И мужа у нее никакого нет, и детей тоже. И по возрасту она тебе в мамы годится. Или даже в бабушки. А еще – я тебе новый плащ купил. Точно такой, как был.

– Димочка! – Митрофанова сорвала с рук резиновые перчатки и тоже наконец соизволила обнять. – Какой ты у меня замечательный!

Звучно чмокнула его в губы, призналась:

– Мне самой жалко Васильково продавать. Я столько планов настроила. Уже решила, где какие цветы посадить. И грядку с кабачками планирую.

– Конечно, все посадим. Я тебе помогу, – опрометчиво пообещал Полуянов. – И с Сумцовой поговорю. Спокойно и строго. Как врач-

психиатр. И еще я подумал: переводись во вторую смену работать. Чтобы по утрам не гнать к девяти часам. Будем с тобой, как цивилизованные западники, все лето за городом жить.

– Ой, Дима! Давай, давай! – Надя на удивление быстро забыла все свои огорчения.

– А сейчас, – предложил он, – давай устроим хотя бы *филиал дачи*.

И помог Надежде организовать чаепитие на балконе.

Они дружно сошлись во мнении, что воздух, даже в цветущем мае и если окна во двор, в столице кошмарен. Митрофанова продолжала фантазировать: оранжерея, заново остеклить террасу, выложить плиткой дорожку... Полуянов то и дело сбивал ее с мысли – гладил по бедру, касался, будто случайно, любимого бюста. В итоге никаких конкретных решений по благоустройству дома и участка принять не успели – перебрались с балкона в спальню. Дима утомил Надюху от души – аккуратистка даже чашки мыть не пошла, обняла его подушку и заснула.

Полуянов совершил еще один подвиг – перенес грязную посуду в кухню. И только потом с чистой совестью отправился за компьютер. Пора наконец заняться собственными делами. Посмотреть, нет ли новостей от родителей Юры Горелова. И продолжить собирать информацию по фонду «Дарим детям добро».

В поисковик зайти не успел. Увидел: мигает иконка «новое письмо». Адрес отправителя странный: «fzmxtrp@ya.ru». Бессмысленный набор согласных – верный признак спамера. Странно. На его почтовый ящик приятель-компьютерщик установил очень серьезные фильтры. Надо обязательно посмотреть, что за шустряк смог через них пробраться.

Дима открыл письмо – и вцепился в столешницу.

С экрана на него смотрела Митрофанова. Фотография сделана с близкого расстояния, девушка выглядит сердитой и немного растерянной. Сопровождала снимок единственная фраза: «Дима, береги близких». Подписи не было.

* * *

Полуянов не стал ничего говорить Наде. Он просто поставил будильник, и тот разбудил его ровно в семь. Митрофанова тоже встрепенулась:

– Дим, ты куда в такую рань?

– Встреча у меня. В центре. В двух шагах от твоей «исторички». Так

что могу подвезти.

И пусть на метро втрое быстрее, Надя все равно обрадовалась. Вскочила, заторопилась:

– Тогда я побежала завтрак готовить.

Полуянов зевнул. Лег он в два, уснуть удалось только к трем. Спал кошмарно. Никакого дельного выхода из сложившегося положения в голову не пришло. Он даже не знал, от кого исходит угроза. Фонду «Делай детям добро» он пока ничего плохого не сделал. Только и успел навести кое-какие справки да попросить об интервью у главара, господина Котлова.

Но и без фонда опубликованных статей – после которых увольняют и заводят уголовные дела – у Полуянова имелось немало. Может, парень из налоговой полиции мстит? Которого он подвел под статью за взятку? Или бывший префект, с позором изгнанный из обшитого дубовыми панелями кабинета?

И что теперь делать?

Каждый день возить Надю на работу – с работы? Не отпускать ее от себя ни на шаг? Этого мало.

Дима дотянулся до мобильного, нашел в списке контактов Савельева, вбил сообщение: «Срочно нужно увидеться».

Полковник отозвался лапидарно: «Позвоню».

Дима заглянул на сайт Юры Горелова. Еще больше безответных: «Как дела?», «Молимся», «Держим кулачки».

Надя позвала:

– Димуль, кофе готов.

Полуянов вылез из постели, мимолетно оглядел себя в зеркале: глаза красные, веки набухли. Надюша, свеженькая и розовощекая, даже лукаво улыбнулась:

– Димочка! А чем ты ночью занимался?

«Думал, как тебя спасать».

Буркнул:

– Библию читал.

– Слушай, – Надя просительно улыбнулась, – давай ее сегодня отвезем, раз такая okazия. А то у меня прямо сердце не на месте.

– Давай, – легко согласился он.

– Полуянов! Я тебя обожаю, – Митрофанова разругалась еще больше.

Дима принял из ее рук кофе. Голова продолжала кипеть.

Котлов ему угрожает – или кто-то другой?

Или вдруг мелькнула шальная мысль: письмо вообще с его работой не

связано. Вдруг предупреждение прислала сумасшедшая соседка? Как ее, Лана Сумцова? А что, вполне себе психический поступок: сначала оскорбить на пустом месте, а потом еще и угрозы слать.

Единственное, что утешало: те, кто пугает, реальный вред причиняют редко. Но Надю все равно надо беречь. И Савельева сегодня – кровь из носу – озадачить проблемой.

Под предлогом, что хочет лично вручить начальнице Библию, Полуянов проводил Надежду до рабочего места. Раскланялся с ее шефинею. Процитировал Артура Перес-Реверте:

– Пройдет сотня лет... и почти все, что мы сегодня видим в книжных магазинах, исчезнет. А вот эти тома, напечатанные двести или даже пятьсот лет назад, будут пребывать в целости и сохранности^[2].

Заверил, что информашка – с самыми теплыми словами в адрес историко-архивной библиотеки – появится в «Молодежных вестях» в самое ближайшее время.

А когда уходил, предупредил Надю:

– Я за тобой в шесть заеду.

– Заедешь? – растерянно повторила она. – В самые пробки?!

И наконец забеспокоилась:

– Дим, что-то случилось?

– Нет, – заверил он. – Но без меня на улицу не выходи. Жди здесь.

Давно заметил: на женщин (а Надя – ярчайший представитель дамского племени) лучше всего действует непререкаемый, абсолютно уверенный тон.

Он видел: Митрофанова хочет задать ему тысячу вопросов – и добавил еще более безапелляционно:

– Все, Надя, прости, я спешу. У меня важная встреча.

Поспешно покинул библиотеку, сел в машину. Отбил эсэмэску Савельеву. Большими буквами: «КОГДА?»

Тот наконец снизошел. Лапидарно отозвался:

– В двенадцать.

А сейчас начало десятого. Ни то ни се. В редакцию ехать бессмысленно, домой – тем более. Вернуться в библиотеку – и выпить кофе в их знаменитом на всю столицу буфете? Мысль. Тем более машина, спасибо Наде, на служебной парковке, эвакуаторы разочарованно проносятся мимо.

Полуянов взял сумку с ноутбуком, вытащил из зажигания ключи – и в этот момент зазвонил телефон. Номер незнакомый. Журналист напрягся. На всякий случай включил диктофон. И нажал на прием.

– Дима? – задребезжал в трубке взволнованный старческий голос. – Это Вадим Иванович, консьерж ваш! Дима, слышишь меня?

– Да-да.

– Ты только не волнуйся, милый. Но вас только что ограбить пытались.

– Что-о?

– Да ничего, ничего, говорю тебе, не волнуйся. Спугнул я супостата. Все хорошо, даже замок не сломал. Только поковырялся.

Дима уловил в голосе консьержа виноватые нотки и строго спросил:

– А как он в подъезд попал?

Вадим Иванович смутился:

– Ну, как они все. Говорят, что курьеры. И этот сказал. Что в пятьдесят шестую. Приличный такой, русский, рубашка чистенькая. Я ничего плохого и не подумал. Вошел он в лифт – и слышу: все едет, едет. А пятьдесят шестая-то – на втором этаже. Что делать? По лестнице, понимаю, не догоню. Я тогда во второй лифт – и на двенадцатый. И потом вниз побежал. Ну, и застал его на седьмом. У вашей двери. «Стой!» – кричу. А он меня оттолкнул – и деру.

Полуянов вздохнул:

– И не поймали, конечно.

– Дим, – укоризненно молвил страж, – мне ж в этом году восемьдесят будет.

– Ладно, Вадим Иванович. Спасибо вам большое. За проявленную бдительность.

– Что теперь делать-то, Димочка? – взволнованно спросил старик. – Я полицию не вызывал, сразу тебе звонить бросился.

– А видеокамера хоть работала сегодня?

– Как можно, Дима! Конечно! – горячо заверил консьерж. – Я без этого и на службу не заступаю.

– Тогда, – принял решение Полуянов, – сохраняйте запись и ждите меня. Через двадцать минут буду.

Оставил машину на служебной парковке библиотеки и побежал к метро.

* * *

Начальница явилась в Надин зал за полчаса до шести. Решительно обошла очереденку из двух читателей, водрузила локти на стойку, вкрадчиво спросила:

– Митрофанова! А ты в курсе, сколько нынче парковка стоит? В самом центре Москвы?

– Понятия не имею, – Надежда и правда не знала.

– Так я тебя просвещу. Восемьдесят рублей в час, умножаем на девять. Почти тысяча получается.

Пожилой академик с пачкой читательских требований сразу поправил:

– Семьсот двадцать.

Начальница не удостоила его взглядом, но чуть сбавила тон:

– Я, конечно, понимаю, Дима – давний друг нашей библиотеки. Но всему есть предел! Да еще где машину свою оставил – на директорском месте! На целый день!

Надя растерялась. Ей Полуянов ни словом не обмолвился, что собирается парковать автомобиль у библиотеки, а дальше ехать на метро. И, кстати, ни разу не позвонил за весь день.

Но в любом случае – надо любимого выгораживать.

Однако тут, очень вовремя, на пороге зала появился сам объект гневной речи. Взлохмаченный, две пуговицы на рубашке расстегнуты, щетина на щеках – будто с утра и не брился.

Митрофанова нахмурилась. Зато начальница засияла улыбкой:

– Ага. Вот и наш нарушитель.

– Дамы и господа! – желчно проговорила худющая докторша наук. – Я жду уже шесть минут. И *желаю* наконец получить свои книги!

– Да, Митрофанова, выполняй свои обязанности, – покровительственно кивнула шефиня. – А я с твоим благоверным воспитательную работу проведу.

Полуянов, негодяй, предложил даме ручку. Начальница с царственным видом оперлась на его локоть, и оба скрылись в подсобке.

Надя со скоростью спутника, мчащего по орбите, раскидала читательские требования и раздала страждущим поступившие из хранилища книги.

Явилась сменщица. Уважительно похвалила:

– Вот как у вас все ловко! Прямо смотреть приятно.

Финальный штрих – выровнять стопку разновеликих фолиантов (если ветхие тома рушились, начальница ругалась нещадно).

Надя добилась идеально ровной книжной кладки – и лишь тогда вышла из-за стойки. А тут как раз и Полуянов с начальницей показались. Митрофанова ревниво заметила: Димины вихры приглажены, пуговицы на рубашке застегнуты. Начальница – уже не взвинченная, а умиротворенная, благостная. Взметнула перст в сторону аккуратнейшей книжной стопки,

обернулась к Диме (в голосе – мягкий укор):

– И вы хотите меня этого лишить?

– Временно. Совсем ненадолго! – прочувствованно отозвался Полуянов.

Прикрылся ладонью от влюбленного взгляда начальницы, подмигнул Наде. Затараторил:

– У нас действительно особые обстоятельства. Но через две недели я вам ее верну. Отдохнувшую. Спокойную. Трудоспособность – сами увидите! – возрастет в разы.

Надя не понимала ровным счетом ничего, но сочла за благо молчать.

Шефиня лукаво улыбнулась:

– А не жениться ли вы, ребятки, собрались?

Полуянов не колебался ни секунды:

– Все в этом мире возможно.

– Ну, тогда ладно. В добрый путь. Хотя, конечно, так не делается. Мы график отпусков еще в феврале составляли. Пиши, Надежда, заявление, только хотя бы вчерашним числом, а то меня вообще не поймут.

Начальница наконец удалилась.

Надина сменщица радостно взвизгнула:

– Ура! Салатиков поедим!

– Дим, что за цирк?! – позволила себе взорваться Митрофанова.

– А что, я не могу сделать тебе сюрприз? – невинно улыбнулся он. – Давай собирайся быстрее. У нас через три часа самолет.

– Самолет? Куда?!

– Э... в Индию, в Кералу. Там сейчас отлично. Не жарко. Дожди. Зато штормов нет.

– Ты пьяный, что ли? – пробормотала Надя.

Но встретила яростный Димин взгляд – и поспешно схватила сумочку.

По парадной библиотечной лестнице спускались быстро и молча.

И только в машине Полуянов убрал с лица неестественно счастливую маску.

– Едем в аэропорт? – съязвила Митрофанова.

– Сначала домой. Надо твой загранпаспорт взять.

– Дима, что происходит?

– Происходит, Надя, полная дрянь. Мне твою фотку прислали. С подписью: «Береги близких».

Умолк. Ждал ахов и взвизгиваний. Но Надя лишь буркнула:

– А я тебе что говорила? Еще вчера? Неспроста этот рыжий парень. Но я из-за такой ерунды никуда не поеду.

– Тогда слушай второе. Нашу квартиру сегодня пытались ограбить.
– Кто?
– Некий гражданин средних лет.
– Поймали?!
– Я тебе говорю: он только пытался. Консьерж проявил бдительность, спугнул. Даже замок не сломан.

– Но почему вдруг нас? Мы, по-моему, самые скромные во всем подъезде.

– Думаю, *первое* прочно связано со вторым. И с третьим.

– Еще и третье есть?!

– А как же, – вздохнул он. – Пару часов назад мне пришло еще одно электронное письмо. Вот, читай.

И протянул девушке планшетник.

– *Близкий контакт с токсичными отходами вызывает быструю, но мучительную смерть.*

Она фыркнула:

– Ты воюешь с мусорщиками?

– Нет. Это привет от фонда «Делай детям добро». Сбор денег под безнадежно больных детей называется токсичной благотворительностью. Целый бизнес. Чрезвычайно грязный, но очень прибыльный. И раз пошли угрозы, значит, я двигаюсь в правильном направлении.

Он рубанул кулаком по торпеде. Потом хлюпнул носом. Пробормотал:

– Надюша, прости. Я обязан – как врач – отстраняться от проблем пациентов. Но не могу. Помнишь, я тебе про Юру Горелова рассказывал? Мальчика десяти лет? Он сегодня умер.

– Ой...

– Зачем они потащили его в эту Германию?! Ведь ясно было: бесполезно. Здесь, в Москве, Юру брали в хоспис, в хороший. Или дома мог остаться. Кололи бы обезболивающее, мама держала за руку. Но нет, негодяи добились: он умер в чужой стране. На руках чужих людей.

– Дима, мне так жалко... – пробормотала она.

Сама понимала: голливудский киношный штамп звучит нелепо, но что она еще могла сказать?

Полуянов горько продолжил:

– А тысяча, которую ты перевела ему на операцию, пошла в карман мошенникам. Как и деньги многих, очень многих людей. Независимые эксперты подсчитали: на лечение Юры собрано больше трехсот тысяч евро. Где все эти средства? На что потрачены? Комментировать некому. Директор «Трех Д» в отъезде. Его заместитель тоже. Я сегодня встречался с

Савельевым, он пробил по своим каналам: оба уехали из страны. А с девчушек-секретарей взять нечего. Даже заявление в полицию писать бессмысленно. Потому что главари, я так понимаю, в офисе больше не появятся.

– Может, они решили все бросить и сбежать? – с надеждой произнесла Митрофанова.

– Вряд ли они бы тогда угрожали. Нет, Надя, они сделают все, чтоб не дать мне размотать этот клубок. Заставить меня замолчать. Любой ценой. Так что мы действительно сейчас едем за твоим паспортом. А потом – сразу в аэропорт.

– Дима, да что ты горячку порешь? Нас что, в первый раз пугают? Каждый раз убегать за границу – никаких денег не хватит.

– Надя, сейчас это не обсуждается. Когда угрожают лично тебе, я рисковать не могу.

– Дима, подожди, – поморщилась она. – Какая-то паника, прямо тебе не свойственная... Ты рассуждать не пробовал? Не сходится что-то. Ну, сфотографировали, письма прислали – это понятно. А зачем было в квартиру лезть?

– Еще больше напугать. И, возможно, мой компьютер взломать.

– Но лэптоп ведь всегда при тебе!

– Не знали, вероятно. Кстати, Надь, у меня видео есть – товарища, кто к нам ломился. Я с видеокамеры наблюдения перегнал. Посмотришь? Вдруг ты его где-то видела?

– Конечно, давай!

Полуянов быстренько пробудил компьютер, вытащил файл, нажал на «просмотр».

Митрофанова напряженно уставилась на экран. Сначала ей показалось – абсолютно незнакомый мужик. Еще и изображение, как всегда на недорогих камерах, зернистое, смазанное. Но потом вдруг взгляд выхватил запястье, все обросшее черной шерстью. Кустистые брови топорщатся над оправой темных очков.

Она неуверенно произнесла:

– Слушай, я могу ошибаться, конечно. Но я его видела.

– Где? – ахнул Дима.

– Сто процентов дать не могу. Но очень похож на юрловского соседа.

– На кого?

– Ну, помнишь – профессор Юрлов, тот, что Библию «историчке» подарил? А это вроде Степаныч. Его сотоварищ по коммуналке. Юрлов нас друг другу представил. Громогласно сообщил, что именно мне Библию

передает. А когда я в машину садилась, этот гражданин из окна за мной наблюдал.

– Ты уверена?

– Конечно, нет. Качество дрянь. Но типаж похожий: тоже крупный. Волосатый. Юрлов его питекантропом называл. И, кстати, говорил, что Степаныч у него за сто тысяч предлагал раритет выкупить. Если это он за Библией решил поохотиться – бояться нечего!

– Но письма шлет точно не Степаныч.

– И что? Теперь меня отпуска лишать? – взмолилась она. – Я истрачу свои законные две недели. Поеду в какую-то глушь. В гордом одиночестве. А кто, кстати, за все это платить будет? Программа по защите свидетелей? Редакция твоя?

– Надюх, но мы ведь отложили.

– Вот именно! На романтическое путешествие мы отложили – а не на то, чтобы я в какой-то дурацкой Керале скрывалась. Сейчас все деньги потратим. А что потом? Сидеть в Москве в душном августе и завидовать? Нет, не дожدهшься. Я хочу с тобой отдохнуть. Нормально. Спокойно. Вместе. На кровати king-size.

– Надя! – возвысил голос он. – Ты что, не понимаешь?

– Не кричи на меня, – сердито ответила она. – Все я понимаю. Домашний адрес они знают. Значит, я поживу на даче. А в августе еще две недели возьму. За свой счет. И мы с тобой поедem расслабляться.

– С ума сошла?

– А чем ты недоволен? Я выполняю твои указания. Партия сказала: «В подполье». Комсомол ответил: «Есть!» Ленин в Разливе. Митрофанова на даче. Как раз наведу там порядок. Листья прошлогодние уберу, одуванчики все повыдергаю. Дом обживу. А ты, так и быть, можешь ко мне приезжать – помогать и кормиться.

– Надя, про Васильково узнать элементарно. У нотариуса. У сестры твоей сводной.

– Глупости. Нотариус обязан тайну хранить. Сама я никому про наследство не рассказывала. А сестру мою искать твои благодетители не станут. Слишком сложная комбинация. В общем, как хочешь. Я готова пойти тебе на уступки. Буду прятаться. Но не в Керале, а на собственной даче. А если ты не согласен, пойду сейчас обратно в библиотеку и отпуск вообще отменю.

– Надюшка, но ты ведь еще вчера Васильково продавать собиралась! Говорила, что ты боишься. Что там одни сумасшедшие!

– Ну, Дим, если сравнивать: чужая страна, чужой отель – и своя дача, я

выбираю второй вариант. Подумаешь, две нервные соседки! Зато земля собственная. И дом. И цветочки. И тратить на что не надо. И отпуск у нас будет вместе. Общий.

* * *

Димка – самый удивительный и лучший.

Едва приехали на дачу, прямиком отправился к скандальной даме Лане Сумцовой.

– Зачем? – удивилась Митрофанова.

– Хочу обеспечить тебе *комфортную среду обитания*, – усмехнулся журналист.

Девушка вошла в дом. Открыла окно, выходящее на враждебный участок, и приготовилась к скандалу. Но из соседкиного двора доносилось только мирное кудахтанье. И тошнотворно подвывал Стас Михайлов.

Полуянов пробыл в гостях недолго. А когда уходил – Митрофанова глазам своим не поверила, – надменная госпожа Сумцова его чуть ли не поклонами провожала. Вприскок бежала рядом по участку, мелко-мелко трясла головой, молитвенно прикладывала руки к груди. Но Дима в ее сторону и головы не поворачивал. А когда *силиконовая Лана* осмелилась коснуться его предплечья, стряхнул ее длань, словно гусеницу.

– Что ты с ней сделал? – развеселилась Митрофанова.

– Я имею подход к старым дамам, – важно отозвался он. И задумчиво прибавил: – Но твоя начальница куда приятней.

– Чем же?

– У нее хотя бы недержания мочи нет. А эта как занервничала – сразу завоняла.

– Фу, – поморщилась Надя. И уточнила: – А ты ее навсегда усмирил? Или уедешь – она опять начнет на меня вопить?

– Надюшка, даже в голову не бери. Трусливых куриц достаточно один раз поставить на место. Больше она тебя не тронет. Никогда.

– Еще бы со второй соседкой разобраться! – разохотилась Митрофанова.

– Которая не здороваается? – уточнил журналист.

– Ну да.

– Не обижайся на нее. Она слепоглая.

– Да ладно!

– Честно. Я сегодня всех твоих ближайших соседей по базам пробил.

На всякий случай.

– Да ну, Дим. Глухая – вероятно. Но не может она быть слепой. Шла очень быстро, без всякой палки. Присела точно у грядки. Редиску выдернула с первого раза...

– Свой участок, все знакомо. Ну, и остаточное зрение есть. Очертание фигуры разглядеть может. А глухота – четвертой степени, полная. Дочка – крутая, кстати, руководит автосалоном! – оформила на нее опеку. Пенсию получает.

– Какая-то прямо богадельня, а не дачный поселок! Слева – шизофреничка. Справа – слепоглухая.

– У печального старичка напротив – как его, Тимофей Маркович? – тоже проблемы. Другого, правда, рода. Он единственного сына потерял. Восемнадцать лет парню было.

– Кошмар. А что случилось?

– В армии погиб. Он в конце девяностых служил. Тогда время беспокойное было – дедовщина повсюду. Парня били, унижали. Не выдержал, сбежал из части. Зимой. До жилья не дошел – замерз в лесу.

Митрофанова покачала головой:

– Да, настоящая патогенная зона. И мой отец ведь тоже умер внезапно, ничем не болел.

– У него ишемическая болезнь сердца была. А он себя не берег, таблетки не пил. На грядках впахивал. Вот и случился инфаркт. Это доказано, я смотрел протокол вскрытия.

– Зачем?

– Надь, – укоризненно произнес Дима, – ну не могу ведь я тебя отправлять в *непроверенное* место!

– А сам в пекло лезешь... – она крепко прижалась к нему. – Боюсь я за тебя.

– Да ну, зайка, брось. Нашла противника – мелкий мошенник! Мы с куда более серьезными врагами справлялись.

Полуянов до поздней ночи помогал Наде обустроить быт. Вкрутил несколько лампочек, починил розетку. Долго ковырялся с бойлером – и добился-таки, что еле теплая вода в красном кране сменилась огненно-горячей. Утром тоже – пока пережидал час пик – наладил телевизор, помог Наде вымыть окна. А когда отбыл – почти в двенадцать, – пообещал:

– Часам к девяти вернусь. Еще и стемнеть не успеет.

Надя долго стояла у раскрытых ворот, смотрела вслед Диминой «Мазде». Сердце щемило.

Девушка вздохнула. Заперла ворота, вернулась в дом. Май дышал

близким летом, на улице духота. Полоть, скрести, мыть не хотелось. Совсем по-иному представляла она себе обустройство гнездышка. Вдвоем с Димой и с легким сердцем. А получилось – она одна, фактически скрывается. Поневоле настроишься на философский лад. И Надя пошла не на кухню, не в огород – в отцовский кабинет. Плюхнулась на диванчик. Открыла тумбочку, вытащила оттуда ворох писем. Наугад вытянула одно.

Знакомый уже школьный почерк. Сводная сестра Анжелика пишет. Конверт необычный, весь в ярких штемпелях. Из-за границы, что ли?

11.08.1992

Дорогой папа!

Мы с мамой только что вернулись на нашем автобусе «Балкантурист» с очень интересной экскурсии. Сначала мы поехали на мыс Калиакра. Он маленький и весь «застроен» развалинами пещер первобытных людей. В некоторых из них оборудованы небольшие музеи с находками: заржавленный якорь, всякие перстни, наконечники для стрел, палки-копалки. А в других старинных развалинах (которые, кстати, выглядят очень таинственно) живут ласточки. Потом были в Балчике, в парке румынской королевы Марии. Она умела пожить красиво и комфортабельно, со всего мира попривозила себе различные кактусы, откуда-то из Египта притащила огромную глиняную вазу, вдоль моря разбила грядки с самыми разными сортами роз, построила красивый особняк на берегу моря и итальянскую часовню.

Мама сейчас «в лежке», а когда проснется, мы будем есть дыню, которую купили на мысе Калиакра. Кстати, на этот мыс мы надеемся вернуться, т. к. бросили по русской копеечке в старинную гробницу. А еще мы с мамой ходили в «Дамска и мъжка конфекция», это такой одежный магазин, и мама отхватила себе кожаное пальто, а я потрясающий желто-зеленый свитер.

Надя отложила письмо. Ее одолевало редкое для нее чувство. Зависть к чужой жизни.

Начало девяностых годов. В стране бардак, почти что голод. А сводная сестра – такая же дочь, как она! – ездит в это время на зарубежные курорты. Пишет оттуда папе восторженные отчеты.

А ей приходилось донашивать одежду за дочками маминых пациенток

и подруг. И за границу Надя впервые выбралась только с Димочкой, когда мамы давно уже не было на свете.

«В печку все эти письма – и не расстраиваться из-за ерунды!»

Надя сбегала на кухню, притащила мешок для мусора с оптимистичной оранжевой завязочкой и уже начала сбрасывать туда чужие конверты и чужую жизнь, но вдруг опомнилась.

Жизнь *личных детей* Кирилла Рыбакова девушку не интересовала.

Но неужели мама совсем-совсем не поддерживала отношения с *отцом своего ребенка*? Вот бы сейчас – через года, в чужом доме! – найти от нее весточку!

Митрофанова понимала: шансов почти нет. Но опять начала перебирать старые письма. Однако почерк на конвертах все время оказывался или детский (Анжеликин), или незнакомый. И вдруг...

Надины руки задрожали.

Конверт, как и все остальные здесь, старый, выцветший. На месте обратного адреса – большая буква Z. А в графе «куда, кому» – мамочкины аккуратные, округлые буквы.

Митрофанова так волновалась, что, вынимая, едва не разорвала ветхий листочек пополам. А через секунду по щекам уже катились слезы.

Здравствуй, Кирилл! – писала отцу ее мама. – Рада была твоему письму. У нас с Надюшкой дела обстоят нормально. Она учится на твердые четверки, много читает. Хобби себе не завела, но охотно помогает мне по хозяйству. Понимаю твое беспокойство о взрослеющих девочках. Но, думаю, у Нади переходный возраст начнется еще не скоро. Я слышала об убийстве в вашем дачном поселке и потрясена этой ужасной историей. Ты абсолютно прав, что запретил своей дочке с наступлением темноты выходить из дома. Я Наде тоже не разрешаю.

Денег нам присылать не надо, я работаю на полторы ставки, и нам с дочкой на все хватает. Желаю тебе всего самого доброго.

И до боли знакомая, кратко-медицинская, роспись.

Надя расплакалась.

Эх, мама! Ее любимая, гордая, вечно терпеливая мама. Никогда ни на что не жаловалась, хотя приходила после своих полутора ставок и падала на диван почти замертво. Ноги отекавшие, Наде с нее туфли приходилось стаскивать очень медленно, только чтобы мамочкино лицо не исказилось гримасой боли. В районной поликлинике спокойно не посидишь, весь день беготня, вены вылезают, а на ортопедическую обувь денег не было.

А как сама Надя (хотя виду не показывала) завидовала одноклассникам в нарядных блузочках под школьной формой! В цветных

колготках. В модных сапожках...

Мам, нам, конечно, хватало с тобой – чтобы не умереть с голоду. Но знаешь, до чего обидно: девчонки после каникул хвастаются: «Я на море была, Черном». – «И я, только на Красном». – «А мы вообще в круиз ездили!»

И ты киваешь, ахаешь, восторгаешься. И страшно стыдишься, что все лето просидела в пыльной московской квартире.

Надя – чтобы окончательно себя растравить – взяла еще одно Анжеликино письмо. Тут почерк почти взрослый. И очередная заграница – рангом куда как выше:

Америка. Сизтл. 25 июля 1996 года.

Митрофанова начала читать с середины.

...Знаешь, пап, тут я познакомилась с огромным количеством людей, разных по положению в обществе, образованию, привычкам. Но среди них только два по-настоящему богатых семейства. Что самое интересное, я чувствую себя наиболее комфортно именно с богачами. «Комфортно» – очень удачное слово. Ты будто частичка очень приятной, хорошо отлаженной жизни. Миллионеры мастерски поддерживают беседу, ни на минуту не оставляют тебя в одиночестве (физическом или моральном), умеют предугадывать желания и чувствовать настроение. Видимо, это какой-то особый лоск, которым обладают только очень состоятельные люди. Папа, папочка! Как я хочу тоже быть богатой! Жить в доме, как у миллионеров, – огромном, с высоченными потолками разного уровня – где-то выше, где-то ниже. На них развешено множество круглых светильников. Когда они включены, то образуют причудливый лабиринт лучей на полу и на стенах. А под самой крышей – огромные динамики, из которых, конечно, льется Вивальди. А что ты скажешь про коктейль в гостиной с видом на бухту, причем окна высотой метров пять?!

Папуля, ты можешь меня ругать, но я не удержалась и учудила в этом миллионерском раю небольшую смуту. Вчера, часов в одиннадцать вечера, мы большой компанией вышли из ресторана, и хозяева этого самого дома пригласили нас на digestive. Это – если по-русски – значит: «Выпили мало, надо догнаться». В ресторане мы пили только легчайшие французские вина, но американцам хватило и этого. Дик (сволочь, на какие деньги он построил свой роскошный дворец?!) спросил, почему я, в отличие от остальных, иду прямо и глупо не хихикаю. Я, конечно, ответила, что на русских вина вообще не действуют – только водка. Дик решил немедленно проверить, действует ли водка на американцев, и заказал из супермаркета три бутылки «Абсолюта». Не волнуйся, я крепких напитков вообще не

пью, поэтому все силы употребила, чтобы спить буржуев. Сначала они пытались халтурить и потягивать водку маленькими глоточками, но я убедила их, что таким образом ее пьют только прыщавые подростки. И вот богачи хряпнули по стопарику. Потом еще по одному. И началась потеха. Выли на Луну, потом на Юпитер. Честное слово! Лазили в детский домик (миллионерской дочке построили такой огромный скворечник прямо на дереве). Всю веранду засыпали чипсами и говорили, что это русский снег. Но кончилась вечеринка совсем не по-русски. Часа в два ночи сволочь Дик сказал, что ему завтра на работу, и нам, гостям, пора отправляться восвояси. Хадсон и Элен (вместе с которыми я пришла) покорно встали. У них «Ауди» за \$70 000, и Хадсон реально боялся садиться за руль. Так что, папуля, мне представилась возможность продемонстрировать свое водительское мастерство. Честно тебе скажу, пару раз роскошной тачке угрожала серьезная опасность, но Хадсона с Элен до их роскошной гостиницы я благополучно довезла. Но они – гады! – тоже не предложили мне снять номерок в их пятизвездочном раю. Спасибо хоть, Хадсон мне свою кредитную карточку дал, чтобы я могла доехать по ней (на такси) до своего дешевенького мотеля. Я не удержалась, по пути зашла в супермаркет и купила два фунта самого дорогого сыра и две пинты «Гиннеса» (это черное ирландское пиво). «Гиннесс» мы выпили с портье моего мотеля (маленький печальный китаец). Одним из его тостов было: «Да здравствуют чужие кредитные карточки!» А сыр я использовала как снотворное, так и уснула с кусочком в руке.

Пап, папа! Как я хочу, чтобы у меня тоже была золотая кредитная карточка! И «Ауди»! И свой дом! И чтоб плевать на всех!!!

Надя брезгливо вернула письмо в конверт. Покачала головой. 1996 год, блин! Зарплату маме постоянно задерживали. Хлеб они покупали серый, самый дешевый. Однажды Митрофанова в нем огромный красный накладной ноготь нашла. У американского посольства волновались толпы. Люди рвались сбежать из России и работать в стране победившего капитализма хоть официанткой, хоть дворником. А эта – в Штатах развлекается. С миллионерами пьянствует. На «Ауди» за 70 тысяч долларов гоняет.

И ведь добилась своего. Богатого мужа нашла. Правда, не американца, а нашего олигарха. Но это, наверно, даже круче.

«И что, Надя? Ты ей завидуешь? Да Димка лучше любого, самого богатого из богатых! И дом в Подмосковье – где ты, Анжелика, жировала все детство и юность – теперь мой!»

Митрофановой вдруг стало весело. Чего былое вспоминать? Сравнить свое детство с чужим? Главное, что сейчас лично она счастлива.

Надя нашла в отцовском столе пластиковый файл. Бережно уложила в него мамочкино письмо. Прочие шедевры эпистолярного жанра безо всякого пиетета запихала в целлофановый мешок. И побежала на кухню. Почему-то вдруг захотелось встретить сегодня вечером любимого Димочку не просто банальным ужином, а домашними пирожками, к примеру.

Разумеется, никаких подходящих продуктов в папиных запасах не оказалось. Надя брезгливо выбросила муку с жучками, потом долго разглядывала аккуратно сложенную на нижней полке холодильника картошку. Выглядели корнеплоды пристойно, и для начинки очень даже подходили.

«Надя, забудь ты про пироги, привезла с собой кусок мяса – его и пожарь», – нашептывал здравый смысл.

Но Митрофанова уже завелась:

«Ерунда, сбегая в сельпо!»

«Можно подумать, там дрожжи есть», – хихикнула *логика*.

Но дрожжи в сельском магазине оказались. Самые те, что надо – слипшиеся, старой «школы». Яйца, мука, масло тоже нашлись. Сумка получилась неподъемная. Тимофей Маркович (сосед напротив, тут, в деревне, ни от кого не скрыться) выглянул из своей калитки и сердито произнес:

– Зачем вы такие тяжести таскаете?

– Я пироги затеяла, – улыбнулась Надя.

– Пироги? Домашние?! – в голосе старичка задрожали тоскливые нотки. – А с чем делать будете?

– С капустой, с картошкой. Самый простой вариант.

Дедушка облизнулся. Или показалось?

«Испеку и для него», – великодушно решила Надя.

В отцовской духовке очень кстати нашлись два обычных противня и один размером поменьше, кругленький. В нем, удивительно, и пирог взошел лучше всего, прямо жалко отдавать.

Но Митрофанова мужественно переложила кулинарное творение на большую тарелку. Взглянула на кухонные ходики – Дима через час приедет, не раньше – и отправилась в соседский двор.

Калитка на сей раз оказалась заперта, пришлось звонить. Дринь, дринь. Никакого ответа. У Тимофея Марковича послеобеденный сон? Поздновато для сиесты. Или ушел? Надя отдалилась от калитки,

попыталась заглянуть сквозь щель в заборе. Вроде какое-то движение на участке. Может, звонок только здесь, во дворе, звенит, а дома его не слышно?

Примостила тарелку с пирогом на старательно скошенную траву, взобралась на бетонную основу забора, заглянула во двор. Никого. Но в доме, за занавеской, мелькнула тень. Окно открыто. Митрофанова помахала рукой, крикнула:

– Тимофей Маркович!

Старичок выскочил во двор через секунду. Лицо – с удивлением разглядела девушка – презлющее. Кинулся к забору почти бегом, и вид такой, словно сейчас бить ее будет.

Она спрыгивать, прятаться не стала. Наоборот, широко улыбнулась. Произнесла:

– Тимофей Маркович, я вам пирожка испекла.

Он встал как вкопанный. Пробормотал:

– Ох, Надя. Испугали... Сейчас, сейчас, я калитку открою.

Когда впускал ее во двор, лицо уже совсем другое, морщинки лучатся улыбкой.

– Надечка? Неужели правда испекли? Вот не ожидал я, что кто-то обо мне позаботится.

Она протянула ему тарелку. Думала: дед обязательно позовет ее в дом, вместе пить чай. Но тот поставил кулинарный шедевр на ветхий садовый столик. И почему-то на входную дверь покосился. Словно боялся, что она будет проситься войти.

– Жаль, как жаль, что я... я только что поел... – как-то не очень уверенно произнес старик. – Но за ужином – ох и закачу я пир!

– Приятного аппетита.

– Ну... спасибо вам огромное.

Наде показалось: бабушка *очень* хочет, чтобы она поскорее ушла.

«Ничего, – весело подумала она, – за пирог бесплатный – потерпишь».

И спросила:

– Тимофей Маркович, вы ведь здесь старожил. Расскажите мне, пожалуйста. Что за история была? Когда-то давно, я так понимаю. Кого-то убили здесь в поселке?

– Убили? – глаза старика забегали. – Когда убили?

– Ну, я точно не знаю. Давно. Я тогда еще в школе училась, – Надя вспомнила мамино письмо. – Родители еще тогда детей-подростков на улицу перестали выпускать.

– Да, было что-то такое, – поморщился Тимофей Маркович. – Вроде

хозяин дворца нашего, бандит, с дружками своими девчонку местную изнасиловал и убил.

– Какой бандит? Резо?! Так он ведь здесь и пожить не успел, – возразила Митрофанова.

– Ну, жить не жил, а приезжал часто. За стройкой своей смотрел, в бане попойки устраивал.

– Так его и посадили за это? – уточнила Надежда.

– Точно не скажу, – покачал головой старик. – Ему много чего пришили. А доказали, что это он девчонку, или не смогли – я не в курсе. Но у нас в деревне все его обвиняют.

– А где это случилось?

– Ну, в замке, разумеется. Тело там нашли.

Тимофей Маркович взял со столика пирог, понюхал, заявил:

– Нет, не удержусь. Прямо сейчас съем. Спасибо вам, Надечка. Я теперь ваш должник.

Схватил тарелку – и засеменил в дом. На ходу обернулся, крикнул:

– Калитку просто закройте, она сама защелкнется.

Митрофанова пожала плечами. Не то чтобы она ждала более бурных восторгов по поводу пирога. Но считала: попьют вместе чаю, поболтают о том о сем. А старичок заладил, как на допросе: «Не знаю. Не в курсе». Пугать, что ли, ее не хотел? Или просто (Надежда улыбнулась) настолько голодный, что не терпелось наброситься на пирог? И съесть его в одно лицо?

Она неторопливо пошла обратно к калитке. На ходу оглянулась. Тимофей Маркович наблюдал за ней из окна первого этажа. Тоже не слишком вежливо – будто присматривал, чтобы она ничего не стащила по дороге.

«Все, мой дорогой, – решила девушка. – Больше ты от меня пирогов не дождешься».

Она перешла дорогу. Отомкнула собственную калитку. Вошла во двор. И вздрогнула.

У забора справа, лицом на ее участок, стояла слепоглая соседка. Руки вцепились в сетку-рабицу. Глаз под темными очками не видно, но Митрофановой показалось – Черемисова смотрит точно на нее.

– Здрасьте, – машинально пискнула Надежда.

Соседка не отозвалась. Митрофанова поежилась. Жутковато выглядело: яркое солнце, заливаются птицы. И фигура в черном, в темных очках. Руки с такой силой вгрызлись в забор, что побелели костяшки.

«Надо забор построить. Глухой, – подумала Надя. Покосилась на

участок слева, откуда голосили куры, и закончила мысль: – Отгородиться от них обеих».

Хотела было быстренько проскочить в дом – но женщина в черных очках оторвала одну руку от забора и властно ей помахала. Значит, что-то видит?

Митрофанова сделала еще один шаг в сторону дома. И тогда Черемисова издала гортанный, каркающий звук, в котором Надя с трудом разобрала приказ:

– Пдйды.

«Сейчас глаза мне вырвет, – мелькнула мысль. – Фу, что за глупости лезут в голову!»

Она приблизилась к забору. Громко – очень громко – произнесла:

– Я вас слушаю.

Женщина поморщилась:

– Тш. Фуфофой аппрт фнит.

Да. Понимать не просто. Но опыт у Нади был – глуховатые в ее Зал всемирной истории частенько захаживали.

Сбавила тон, повторила:

– Я вас слушаю.

– Убство бдт снва.

– Не поняла...

– Рк дй.

И потянулась к Надиной ладони. Рука сквозь рабицу не пролезала, и соседка скомандовала:

– Плж.

Митрофанова послушно положила ладошку на забор, и слепая (пальцы ее оказались неожиданно мягкими) начала, очень медленно, выводить на ее руке буквы.

– У...Б...И...Й...С...Т...В...О, – повторила Надя.

– Да, да, – закивала слепая. – Здс. Пслк.

– Здесь? В поселке?

– Да, да! Скр. Очн скр.

– Скоро?

– Да!

– Откуда вы знаете?

– Вж бдщ, – соседка, будто милость оказывала, царственно склонила голову.

– Понятно, – озадаченно произнесла Митрофанова.

– Вж бдщ чст, – упорствовала слепая. – Лд ездт. Врт.

– А почему вы мне это говорите? – очень медленно и отдельно спросила Надя.

– Опснст. Тб.

Слепая резко повернулась и пошла к дому.

И ловко как движется, не споткнулась ни разу! Когда поднималась на крыльцо, перил даже не коснулась.

Надя озадаченно смотрела ей вслед.

Что она за человек? Слепая – но уверенно ходит. И предсказывает Наде (без того перепуганной) еще большую опасность.

Не обращать внимания? Или начать бояться еще сильнее?

Митрофанова верила: что-то такое, паранормальное, в мире, безусловно, существует. Хотя Полуянов утверждал – по своей журналистской работе он сталкивался с десятками так называемых экстрасенсов. И все они откровенно мошенничали. А единственный человек, который что-то реально мог, капитан ВВС Кольцов, свои сверхъестественные способности тщательно скрывал^[3].

Будем считать, слепоглухая врет?

Ох, хорошо бы!

Но как быть с тем парнем, что ее сфотографировал? С угрозой? С тем, что в их квартиру пытались влезть?!

И хотя сейчас ей решительно никто не угрожал, калитка во двор заперта, солнце светит беспечно, Надя бегом кинулась в дом. Заперлась на замок и щеколду. И почувствовала себя слабой и абсолютно беззащитной.

* * *

Как Полуянов и предвидел, фонд «Три Д» встретил его запертой дверью.

Охранник на входе (общий для многочисленных фирм и фирмочек) разоткровенничался:

– Да они давно загнивали. Бухгалтерша ходила через раз. Директора я уже неделю не видел. Только секретарша сидела. А сегодня и она не пришла.

Все предусмотрели. Разбежались, растворились. Иск вчинять некому.

Дима не стал тратить время и возвращаться в редакцию. Сел в машину. Включил лэптоп. Вызвал по скайпу немецкую клинику, где Юра Горелов провел два последних дня своей жизни.

Секретарша, на отличном английском, начала убеждать: информация

абсолютно закрыта, клиника дорожит своей безупречной репутацией и хранит строгую конфиденциальность по поводу всех своих пациентов. Господин журналист должен сделать официальный запрос, и тогда...

– Черт возьми! – рявкнул Полуянов. – Вас первых в мошенничестве обвинят. Дайте мне доктора Штраубе!

Слово «мошенничество» на немцев действует магически. Встревоженный профессор Штраубе, директор клиники и практикующий онкохирург, взял трубку почти сразу.

Дима слегка сгустил краски:

– Фонд «Дарим детям добро» ликвидирован. В офисе обыск. Начальство в бегах. У вас с ними имеется официальный договор о сотрудничестве?

– А вы... есть представитель власти? – дрожащим голосом спросил профессор.

Врать Полуянов не стал:

– Я журналист. «Молодежные вести», самая известная в России газета. Мои материалы много раз ваша «Die Welt» перепечатывала. Дмитрий Полуянов.

– Да. Я чего-то читал, – неуверенно сказал Штраубе.

– Против фонда «Дарим детям добро» возбуждено уголовное дело. Сейчас проверяются все их контакты. Вы с ними работали. Это установлено и доказано.

– О, майн гот!

– Юра Горелов – ваш пациент?

– Да. К моему глубокому сожалению, – посуровел профессор.

– Вы сожалеете, что он умер?

– Нет. То есть да, конечно, да. Простите. Английский язык мне не родной. Но еще больше я сожалею, что вообще согласился его принять. Мальчик на терминальной стадии. Плюс тяжелая дорога. Его смерть была предсказуема – как ни больно мне об этом говорить.

– Сколько вам заплатили за его пребывание в клинике?

– Но... это все конфиденциально. Без официального запроса я не могу!

– Доктор Штраубе! Я знаю, что Юра лечился у вас. И знаком с его родителями. Глупо играть в молчанку.

– Я не вправе сказать вам точной суммы. Но поверьте. Аванс мы взяли небольшой. И тот уже вернули. Вчера вечером.

– Вернули? Кому?

– Господину Котлову. Он попросил. Родственникам было нечем платить за репатриацию останков.

– Как вы сказали? Котлов?

– Да. Герр Питер Котлов. Директор фонда.

– Доктор Штраубе, вы можете попытаться остановить перевод денег?

– Я... боюсь, что нет. Я отдал ему их наличными.

– Дьявол!

– Но вы не волнуйтесь! Деньги он не похищал! Я знаю, что родственники мальчика уже оплатили доставку тела на родину!

– Да. Эти деньги он не похищал, – проворчал Дима по-русски. И снова перешел на английский: – Юра Горелов – это ваш первый пациент от этого фонда?

– Н-нет... не первый. Еще была девочка. А до нее, полгода назад, другая. Все они умерли почти сразу. И я как раз вчера – после кончины мальчика – говорил с герром Котловым. Предупреждал его, что больше не могу брать настолько безнадежных пациентов, – убитым голосом сказал немец. – Это вредит репутации моей клиники.

– Мне нужна любая информация по этому человеку, – властно произнес Полуянов. – Его паспортные данные. Номера счетов.

Но тут уж немец уперся:

– Простите. Разглашать подобное не могу никак. Меня засудят.

– Полиция все равно заставит, – пообещал Полуянов.

– Когда будет официальный запрос, я подчинюсь, – замогильным голосом отозвался законопослушный европеец.

Дима попробовал зайти с другого бока:

– А фотографию Котлова можете прислать?

– Это тоже личные данные, – упрямо повторил профессор.

– Да ладно! Кто угодно может запросить запись с камер видеонаблюдения.

– Ну...

– Доктор Штраубе, в ваших интересах со мной сотрудничать. Я в любом случае упомяну в своей статье ваш госпиталь. Могу написать просто: «одна немецкая клиника». А могу дать полное название и адрес. Как думаете, это будет полезно для вашей безупречной репутации?

– Вы пытаетесь меня запугать?

– Зачем мне это? Я с другими борюсь. Понимаю прекрасно: вы честно сделали все, чтобы спасти Юру. А вот Котлова нужно остановить! Пока не поздно.

– Ну... хорошо. Я попрошу секретаря. Она перешлет вам видеозапись из моей приемной.

– Спасибо, профессор.

Уже хоть что-то.

У фонда «Делай детям добро», разумеется, имелся сайт. Помещались на нем, как положено, и фотографии руководства. Однако лицо генерального директора отсутствовало. Заранее, негодяй, страховался. Стелил соломку. И с Димой отказался встречаться – хотя Полуянов несколько раз просил об интервью. И в Интернете физиономии господина Котлова не оказалось.

Пока журналист ждал фотографий из Германии, безвылазно сидел в Мировой паутине. Не сомневался: у фонда «Дарим детям добро» наверняка имелись предшественники.

И они действительно нашлись.

Позапрошлый год. «Протяни руку помощи» (еще одно безликое, раздражающее название). Тоже собирали на лечение детей большие суммы – настолько большие, что многие начинали сомневаться, действительно ли деньги пойдут на благие цели. Однако фонд отчитывался: Костя М. отправлен в Израиль, прооперирован. Люда Ю. уехала в Германию. Саша Б. – в Швейцарию. Тимур К. – в США. Публиковались фотографии детей в заграничных интервью. Имелся также радостный отчет: у Кости М. стойкая ремиссия, он вернулся в Россию, спасибо вам, дорогие неравнодушные люди. Однако про Люду Ю., Сашу Б. и Тимура К. Полуянов на сайте фонда не обнаружил ни слова.

Зато на форуме памяти всем троим давно горели виртуальные свечки.

«Удивительно сволочная схема! – зло подумал Дима. – Токсичная благотворительность. Чрезвычайно удачное определение».

Лэптоп пискнул – явилась почта. Перепуганный доктор Штраубе прислал целую пачку очень неплохих фотографий.

Полуянов внимательно разглядел породистое, с густыми бровями и скульптурным носом, лицо. Сбросил Савельеву фотки и ссылку на «Протяни руку помощи».

Полковник против обыкновения отзвонился мгновенно. Но про фонд – ни слова. Заорал на журналиста:

– Ты, Полуянов, зачем дома редкие книги хранишь? Да еще не свои?

– Ёшь-матрешь! – обрадовался Дима. – Так Надька моя права была? Это сосед Юрлова к нам ломился?! Степаныч там какой-то?

– Господин писака! – полковник не сбавил назидательного тона ни на йоту. – Ты сам рискуй, сколько хочешь. Но девушку свою подставлять нехорошо.

– Да она Библию уже сто лет назад в «историчку» отвезла. Под моей охраной, – отмахнулся журналист. – Но это точно Степаныч был? С

гарантией?

– Гарантии в магазине требуй. Но Степаныч во всем признался, глубоко раскаивается и слезно умоляет дело не возбуждать. Говорит, бес попутал. Какой-то жук ему за Библию целых триста тысяч предлагал.

– Ох, все бы проблемы так решались!

– Да, – отозвался полковник. – С фондом будет сложнее. Но когда дело под свой контроль берет полковник с Петровки, – самоиронично хмыкнул, – это что-нибудь, да значит, согласишься.

* * *

Дима вернулся на дачу на подъеме.

Алкоголик Степаныч – не противник, фонд – у Савельева на крючке. Да еще с порога учуял: в доме пахнет пирогами. Немедленно стиснул Надюшку в объятиях:

– Солнышко ты мое!

И вдруг увидел: глаза заплаканы.

Перепугался:

– Ты чего, милая?

Она взглянула виновато:

– Дим, да ну. Нормально все. Какие-то мелочи дурацкие сегодня навалились, как ком. И придавили.

Он принялся:

– Но пироги не сгорели?

– Нет, – слабо улыбнулась она. – Хотя бы с этим повезло. Пойдем, я стол давно накрыла.

* * *

Полуянов дегустировал уже шестой кусок и никак не мог решить, с чем ему больше нравится – с картошкой или с капустой.

Надя смотрела на него с легкой завистью – себе она позволила лишь крошечный кусочек.

Но Дима не только жевал – успевал, между нежнейшим картофельным и пикантнейшим капустным, убеждать Надю, что старики всегда чудные. То липнут, как мухи на мед, а встанут не с той ноги – злы на весь свет. Предсказания гадалок – вообще полный бред. А уж расстраиваться из-за

старых писем – совсем смешно.

– И вообще, Надюха, ты гений. Ты вчера обезвредила опаснейшего преступника.

– Что?!

Полуянов поведал ей про Степаныча.

– Ну ничего себе! – поразилась Надя. И добавила радостно: – Одной проблемой меньше?

– Да их вообще у нас нет! – беспечно отозвался журналист. – Обалденные пироги. Чудесный вечер. Съешь, кстати, еще кусочек. С капустой. Они все-таки чуть-чуть – самую малость – вкуснее.

– Дим, да не ем я мучное после семи, – вздохнула Митрофанова.

– А мы сейчас гулять пойдем. Тысяч десять шагов, с переходом на легкий бег. Растрясем все калории, не волнуйся.

– Ну... ладно. Уговорил.

Надя отрезала себе крошечный ломтик.

Запили чаем, обули кроссовки, отправились.

Майский вечер пестрел вызывающе яркими красками. Алое на закате небо, нахально зеленая, уверенная в себе трава. На гравийные дорожки то и дело выскакивали жирные, темно-болотные жабы. За заборами беззлобно подгавкивали собаки. Со многих дворов тянуло шашлыками. Жизнь казалась мирной, сонной, радостной.

– Дим! – Надя взглянула на него виновато. – А ты не можешь для меня одну вещь узнать?

– Надя, после сегодняшних пирогов требуй от меня все, что хочешь. Даже руку и сердце.

Раньше Митрофанова всегда смущалась, когда он шутил на брачные темы, но теперь привыкла и даже внимания не обратила.

– Не нужны мне твои рука с сердцем. Я хочу про убийство узнать.

– О боже, Надя! – закатил глаза Полуянов. – Я только расслабился, весь в благодати!.. Какое еще убийство?

– Да тут, в поселке, девушку убили. Когда точно, не знаю. Но я тогда еще в школе училась.

– Надя! Пожалуйста! Давай не будем говорить про убийства! – воскликнул он.

– Дим, ну мне любопытно!

– Надюха, ты прямо деревенская дамочка стала. Охочая до жареных новостей.

– Слушай! – Митрофанова сама не ожидала, что взорвется. – Прекрати меня постоянно унижать!

– А что я такого сказал? – опешил Дима.

– Да постоянно говоришь! Иди на кухню, жарь пирожки, сиди тихо. Ни во что не лезь! Единственный позволенный тебе вопрос: «Что приготовить на ужин?»

– Фу, да что ты завелась? Мне просто и так проблем хватает! Но если тебе приспичило, все узнаю. Говори. Кто, когда, как.

– Девушка. Тимофей Маркович мне сказал, ее изнасиловал и убил тот самый бандит. Из недостроенного дворца.

– Бред, – фыркнул Полуянов. – Резо сел за грабежи и организацию ОПГ. Никаких девушек в деле не фигурировало. Но местным ведь надо о чем-то болтать.

– Это какое-то, наверно, громкое дело было, – задумчиво произнесла Надя. – Мой отец даже маме об этом писал, представляешь? Говорил, чтобы она меня берегла...

– Они переписывались?

– Только одно письмо. Очень сдержанное, – вздохнула Надя.

Взрыв гнева столь же внезапно сменился приступом грусти. Да что с ней такое? Устала? Нервное напряжение сказывается?

Полуянов взглянул внимательно – и вдруг предложил:

– А знаешь что? Давай-ка мы сегодняшние калории стряхнем.

– Это как?

Отвечать журналист не стал – рванул вперед.

Митрофанова стиснула зубы и побежала за ним.

Оба не обратили внимания на неприметный «Хендай», припаркованный в тупичке, что венчал Первую Садовую. И на то, что водитель не сводит с них обоих глаз.

* * *

Давно

Глэдис свалила в среду, и Вика немедленно потребовала у мамы отвезти ее в любимое Васильково. Наконец-то! Подружки, Ирусик и Натусик, давно ждут на даче, а ей пришлось целую неделю лишнюю в Москве проторчать. В школу, видите ли, англичане по обмену приехали. Пришлось селить у себя дома, водить по столице, кормить и напитывать культурной средой. Мальчиков распределили строго к мальчикам, девочек к

девочкам, и Вике досталась зануда просто экстремальная. Ничем не удивишь, не обрадуешь: мороженое в ГУМе – слишком жирное, любоваться Москвой с крыши высотки – очень опасно. Культурную программу тоже сама себе составила, еще в Британии: Третьяковка, Пушкинский, Мавзолей, только что открывшийся музей истории ГУЛАГа и почему-то опера «Моцарт и Сальери» в Большом. А остальные вечера сидела дома с пальцами, вышивала или русский телевизор пыталась смотреть, проникала в культурную среду. И никуда не денешься от нее. Вика однажды попробовала сбежать хотя бы во двор – вредная англичанка немедленно куратору наябедничала, что ее одну в пустой квартире оставили, языковой практики никакой. Можно подумать, у них темы для разговора были. «Тебе, как обычно, глазуню?» – «Yes, please». – «Хочешь анекдот?» – «Yes, please». – «Шел ежик, забыл, как дышать, и умер». – «Should I lough now?»^[4]

Культурная, в общем, пропасть.

Еле дождалась, пока окажется на даче, обнимет подружек любимых, Ирусика да Натусика.

Встретились радостно, планов на каникулы настроили громадье – да только видеться оказалось почти некогда.

Натусик – тоже москвичка. С детства истерзана фигурным катанием, теннисом, иностранным языком, музыкалкой. В эти каникулы родители совсем озверели: бедной подруге предстояло освоить целых десять этюдов Черни и – по заданию теннисного тренера – тысячу раз за день прыгать через скакалку.

А у Ирусика – еще хлеще. Она местная, учебой себе особо голову не морочила. Но мамаша в этом году весь огород засадила клубникой и дочку записала в бесплатные батрачки.

Так что пришлось Вике наслаждаться безраздельной, горячей от летнего солнца свободой почти всегда в гордом одиночестве.

Она целыми днями пропадала на улице (старенькая бабуля не препятствовала). Гоняла на велике, на скейте. Впервые осмелилась поговорить с деревенскими пацанами. (Еще в прошлом году глаза боялась поднять, мышкой шмыгала мимо.) Дружбы и сейчас не вышло (материться через слово и покуривать на задворках деревенского магазина Вике не нравилось), но общаться – общались.

От мальчишек, что постоянно проживали в деревне Васильково, она и узнала: в заброшенном замке водится привидение.

Вика, разумеется, не поверила. Местные в ответ возмутились:

– Да оно там еще с зимы!

И поведали историю, будто Резо-ворюга, еще только когда начинал строить свой дворец, «снял» какую-то девчонку, притащил туда. Напоил шампанским, начал приставать, она заартачилась – ну, он и порешил ее. Тело щебнем присыпал, а сверху приказал бетоном залить.

– Вот ее дух и ходит теперь, горюет, – уверяли деревенские парни. – Незамужняя ведь умерла.

– Предрассудки, – хмыкнула Вика.

Да и бабушка, а также ближайшая соседка Марьяна Петровна и тетя Лана с их улицы над рассказом посмеялись.

Но Вика, Ирустик и Натусик, когда однажды вечером выбрались к замку, сами видели: на третьем этаже, в окошке, вдруг мелькнуло что-то белое. Лица не разглядеть – лишь ослепительный саван. И то ли под ним, то ли в руке – свеча.

Первый раз девчонки завизжали и бросились прочь.

Потом как-то опять видели фигуру, и показалась она им куда менее страшной.

– Парни наши из себя привидений строят! – убеждала Ирустик.

И даже сама зажгла свечу, накрылась простыней – показала, как потусторонняя фигура выглядит.

А Натусик очень разумно произнесла:

– Ладно бы старый дворец. Где какая-нибудь княжна Тараканова крепостных пытала. Там еще могут. Но здесь, в новом доме, откуда призраку взяться? Про убийство – все вранье. Не было ничего такого. Вора Резо за грабежи посадили.

– Так давайте поймем его! – разохотилась Вика.

– Кого? – не поняли подруги.

– Ну, того, кто из себя привидение строит.

– Оно тебе надо? – удивились девочки. – Сорвешь саван. Увидишь: кто-то из парней деревенских. Что дальше?

– Посмеюсь над ним.

– Давай-давай. Это они днем, у сельпо, над собой смеяться позволяют. А ночью, в замке, у них там и водка, и «косячки». И тут ты – сама прилезла. Овечка. Знаешь, что они с тобой сделают?!

Девочки только догадывались. Все три хотели, как положено, казаться взрослее, чем они есть. Но лишь клялись, что обязательно расскажут друг дружке о первом поцелуе. Первой банке пива. И первой сигарете. Но пока до взрослой жизни еще далеко. Что Натусика, что Ирустика отпускали гулять только в пределах деревни. И до темноты – домой.

Вике из всех трех свободы доставалось чуть больше. Благо бабка

вечно дремала и на часы особо не глядела. Но кататься на велике одной – хоть и в запредельные дали – было скучно. Поэтому девочка постоянно пыталась куда-то вытянуть Натусика с Ирусиком.

И однажды уговорила подруг полазить в недостроенном дворце. Интересно там оказалось. Прохладно, гулко, зловеще. А если подняться по лестнице без перил на самый верхний этаж, их деревенька выглядит словно обиталище карликов.

Но когда спускались, Ирусик поскользнулась на ветхой, раскрошившейся ступеньке. Упала, растянула ногу и торжественно поклялась, что больше в замок ни шагу. Натусик виновато взглянула на Вику и тоже сказала, что ей тут совсем не нравится.

В принципе, правы были подруги. Нечего там делать. Но Вику зловещее строение будто затягивало, манило, уговаривало, соблазняло...

Вечером двадцать шестого июня она возвращалась на своем велике после большого путешествия через лес. И хотя на их Первую Садовую можно проехать напрямик, сделала крюк – чтобы прокатиться вдоль дворца.

Вдруг опять появится привидение? Вике очень-очень хотелось понять, настоящее оно или правда пацаны балуются.

Время самое подходящее – два часа до полуночи, легкие сумерки. В прошлые оба раза призраки именно во столько появлялись.

Есть не хотелось – Вика по дороге купила и схомячила целый белый батон, зато ноги после долгой прогулки гудели. Девочка решила спрятать велик за штабелем бетонных плит. И – пробраться во дворец. Там, на втором этаже, кто-то очень удобное гнездышко устроил из бревен и старых кресел.

Девочка безбоязненно вошла в замок. На второй этаж кралась с опаской. Вдруг не привидение, а хулиганы, беглый преступник какой-нибудь?

Однако дом казался абсолютно пустым. Только стрижи залетали в окна, носились внутрь-наружу, чирикали.

Она вдруг почувствовала, насколько устала. Еще бы – отмахать на велике почти двадцать пять километров!

Устроилась удобно в старом кресле, развалилась и совсем неожиданно задремала. Проснулась от ужаса и холода. Mamочки! Уже ночь давно! И по гулким ступеням дома явственно грохочут шаги.

Вика сначала вскочила, заметалась. Потом снова упала на кресло, вжалась в него.

Взошла луна, заглянула в огромное окно. Осветила мужчину, что стоял

на пороге комнаты.

Девочка разглядела его лицо – и не удержалась от крика.

Бежать, срочно бежать отсюда! Но как?!

Она судорожно вцепилась в подлокотники, сжалась в комок. Закрыла глаза.

Мужчина стоял, не шелохнувшись.

И вдруг страшная боль ударила по темени, уронила ее лицом в шершавый бетон.

– Прости, – произнес негромко.

Но сознание уже угасало, и Вика не успела вспомнить, где и когда уже слышала этот голос.

* * *

Дела давно минувших дней разыскивать непросто.

Шевелить полковника Савельева из-за пустяка, прихоти любимой женщины, Полуянов не стал.

Куда забавней, если на Митрофанову поработают стажерки – самая ненавистная для нее каста.

Учиться уму-разуму и журналистскому мастерству в «Молодежные вести» традиционно набирали самых симпатичных студенточек и выпускниц журфака. Очкастые и правильные прибывались к отделу культуры. А те, кто считал себя амазонками, мечтали пройти стажировку в отделе расследований. Под началом маститого, обаятельного, талантливого и наглого Полуянова.

Дима никогда не отказывался выслушать комплимент своему мастерству, угоститься тортиком или облобызать юных красоток. Но от наставничества старательно отбивался. Митрофанова страдает. А главное – куда проще самому придумать, сесть и написать, чем сотню раз объяснять, заставлять переделывать, а в конце все равно переписывать за юными дарованиями.

Но сбор информации по делу невеликой важности им поручить было можно.

Одну из юниц Полуянов направил в ведомственную газету МВД – листать архивы. Второй приказал перелопатить Интернет. Третьей – наиболее шустрой – следовало отправиться в Васильково и переговорить с тамошним участковым, который оберегал покой деревенских и дачников уже без малого двадцать лет.

Будущее золотое перо повело себя довольно нахально. Сначала потребовала командировочные (Дима выдал ей пятьсот рублей на электричку и мороженое). Потом невинным голоском спросила:

- А как я участковому объясню, зачем мне старинное убийство?
- Это уж твое дело – придумать легенду, – усмехнулся журналист.
- А зачем это *вам* нужно? – не отставала девчонка.

Полуянов сделал страшные глаза:

– Проверяю одного экстрасенса. Он сказал – скоро в этом поселке снова убийство будет. По той же схеме. Так что береги себя, деточка. Вдруг рука врага нацелена на тебя?

Помощницы рьяно взялись за работу. И навалили ему гору самой разнообразной информации.

К вечеру Полуянов вычленил главное. И так. 26 июня 2002 года, время – между полуночью и часом. Убита Виктория Линькова, четырнадцать лет, смерть наступила в результате удара тупым тяжелым предметом по затылочной части головы. Последний раз ее видели живой вечером того же дня, она каталась на велосипеде (его так и не нашли).

Свидетелей не было. Девственная плева не нарушена, следов сексуального насилия или пыток на теле не обнаружили. По делу проходили пятеро подозреваемых, вина ни одного из них не доказана. После случившегося замок обнесли оградой из рабицы, окна заколотили досками, и года два туда никто не совался. Но время шло, преступление подзабылось, бабушка Линьковой умерла, наследники продали дом и больше в Василькове не появлялись. Забор, ограждавший дворец, рухнул, доски, закрывавшие окна, растащили местные жители. Молодежь снова стала собираться в недостроенном замке. И новых привидений (мальчишек, укутанных в простыни) участковый несколько раз ловил.

Вика слыла хулиганистой, шустрой, но ни в чем криминальном замечена не была. На учете в милиции не состояла. Подруги клялись: не пила, не курила. Про мальчишек, любовь и поцелуи только мечтала.

Никто – абсолютно никто – не желал ей смерти. Скорбели всем миром. Деревенские и дачники долго носили к забору дворца цветы, свечи, мягкие игрушки. И только местная слепоглая гадалка Ольга Черемисова однажды обмолвилась:

- Поделом ей. Нечего любопытничать.

Злая фраза дошла до участкового. Тот заинтересовался, даже вызывал из столицы тифлосурдопереводчика, пришел к гражданочке побеседовать.

Но слепоглухонемая клялась, что не имела в виду ничего плохого. Лишь то, что девочкам вечером надо сидеть дома, а не гулять вокруг

подозрительных заброшенных строений.

* * *

На вечер у Димы с Надей был запланирован пикник на свежем воздухе.

Но погода подвела.

Небо с восьми вечера рокотало, ворчало, блистало молниями. Хотя Полуянов уверял: гроза пройдет стороной.

Надя опасливо косилась на огромную чернильную тучу. Она не сомневалась, что им придется жарить мясо в духовке.

Дима – хотя приехал усталый и поздно – отдышаться не стал. Быстро натянул линялую футболку, старые джинсы, бросился во двор и заявил:

– Я пошел бросать вызов природе. А ты быстренько нанизывай.

Разжег мангал с одной спички, дурашливо поклонился туче:

– Подожди, пожалуйста, еще полчаса.

В ответ гроыхнуло так, что Надя присела. Но вместо полноценного дождя сорвалось несколько несерьезных капель.

– Надюха! Тащи шампуры! Успеем! – крикнул Полуянов.

И, что удивительно, успели. Почти. Ровно в момент, когда журналист объявил шашлык готовым, с неба хлынуло сплошным беспросветным потоком.

– А-а-а! – заорал Полуянов.

Схватил горячие шампуры, прикрыл своим телом и в полусогнутом состоянии бросился в дом. Гордо доложил:

– Спас. Горячие. Объеденье!

– Ты мой герой! – сверкнула влюбленными глазами Надя.

Стол она благоразумно накрыла на кухне, так что больше ничего с улицы тащить не пришлось. Распахнули окна, слушали шум стихии, пили вино, ели «экспресс-шашлык» – он действительно получился во много раз вкуснее, чем обычный.

Надя хотела поворчать, что мясо наверняка не дожарено и они отравятся, но взглянула в счастливое Димкино лицо и промолчала.

Ближе к полуночи дождь утомился, и Полуянов неожиданно предложил:

– Давай пройдемся?

Надя представила, как отовсюду с мокрых деревьев ей за шиворот

полетят противные холодные капли, но мужественно ответила:

– Пошли.

Натянула резиновые сапожки, новый плащ – точную копию прежнего.

Журналист беззаботно сунул ноги в кроссовки, сообщил Наде:

– Когда еще промокать, как не в мае?

Вышли во двор. Тьма кругом кромешная, окна у всех соседей темные, и даже уличные фонари не горят.

– Ветрище какой был! Провод, наверное, оборвало, – предположил Димка.

Улица была пустой и тихой, только бурные потоки бежали, булькали по обочинам. Звенели, падали в лужи капли. И сумасшедше прямо пахло – молодой листвой, цветами, счастьем, летом.

– Рай! – очарованно пробормотала Надя.

Полуянов собрался ее поцеловать – но вдруг предостерегающе вскинул палец. Легонько толкнул девушку в плечо, показал глазами: обернись, мол.

Митрофанова повернула голову – и в изумлении открыла рот.

У калитки вздорной соседки Ланы Сумцовой блеснул фонарик. Коротко осветил худощавую мужскую фигуру в суженных книзу джинсах и худи с надвинутым на лоб капюшоном. Лица почти не видно, но кожа – увидели в неярком фонарном свете – молодая, прыщавая. Надя с Димой, не сговариваясь, присели, спрятались за мокрым кустом боярышника.

Фонарик погас, зашелестели, угасая, шаги.

Полуянов – лицо азартное! – махнул Наде: «Пошли за ним!»

Митрофанова (с Димкой ей ничего не страшно) засеменила, еле поспевая за широкой поступью журналиста. Но погоня длилась совсем недолго. В паре кварталов рэпер (или кто он там был?) прыгнул в «Ауди», плавно, по-девичьи, тронулся с места и лишь спустя пару минут, уже вдалеке, взревел мощным мотором.

– Что это было? – удивленно взглянула на Полуянова Надя.

– У твоей врагини, похоже, юный любовник! – подмигнул журналист.

– Но ему лет семнадцать! – возмущенно воскликнула девушка.

– Это ерунда, это в тренде, – задумчиво произнес Димка. – Другой вопрос: зачем он машину в двух кварталах припарковал?

– Стыдно, что с крокодилиной спит, – предположила Митрофанова.

Полуянов промолчал. Но достал телефон, что-то туда записал. Объяснил Наде:

– Номер «Ауди». На всякий случай.

– Вот меня ругал, что я старым убийством интересуюсь, а сам – во все

щели лезешь! – упрекнула его Митрофанова.

– Но я-то в *современные щели* лезу! А ты – в легенды столетней давности.

– Конечно, – она обиженно надула губы. – Ты герой. А я клуша.

– Знаешь, Надя, что психологи говорят? – усмехнулся Дима. – Если постоянно повторять «я дурак, я дурак», все тебя и будут считать глупым.

– Ну, спасибо, – окончательно оскорбилась она.

Полуянов, конечно, понял, что ляпнул не по делу. Попытался обнять – Митрофанова стряхнула его руку. С Димкой вечно – словно на пороховой бочке. То царевной себя чувствуешь – то полностью ничтожной личностью.

Домой они шли молча. И уснули на разных краешках кровати.

Оба пробудились поздно.

О вчерашней короткой ссоре не вспоминали.

Дима – вот у журналистов вольница! – уехал на работу только в районе полудня. Надя думала было пойти в огород – но решила подождать вечера. Солнце после вчерашней грозы палило отчаянно, май – временно или уже постоянно – перешел в лето.

Она быстренько вымыла посуду и отправилась в отцовский кабинет. Старые письма, сваленные в черный мешок для мусора, так и лежали подле дивана. Митрофанова высыпала их на пол. В прохладной комнате, в жаркий день – самое время поразмышлять.

Дима вчера рассказал ей *официальную версию* давнего, 2002 года, убийства, и девушка запуталась окончательно.

Ее сосед Тимофей Маркович сказал, что девушку четырнадцати лет от роду убил хозяин недостроенного дворца. И вроде в деревне об этом все знают. Хотя у бандита оказалось стопроцентное алиби: он попал в СИЗО гораздо раньше, в 1996 году.

Или это коллективное бессознательное? Народу спокойнее считать, что во всем виноват богатый негодяй – и он уже наказан?

Но тогда возникает закономерный вопрос: кто и зачем на самом деле убил девчонку?

Да еще это глупое предсказание соседкино. Будто скоро будет новая смерть.

«Надо мне будет сходить к этой гадалке. Может, неспроста она пророчит? Знает что-то?»

А пока Надежда решила еще разок перебрать отцовские письма. Быстро рассортировала их на три кучки. В одну – старые, до 2002-го. В другую – с 2002-го по 2004-й. В третью – более поздние.

Искомая стопочка оказалась самой жидкой – всего шесть конвертов.

Митрофанова их просмотрела. Послания от каких-то деревенских родственников (сколько картошки посадили, сколько свиней пало). Открытка от друга из Армении. Письмо с телефонной станции – за отцом значился грандиозный долг в четыре рубля. Очень краткая весточка от Анжелики – на сей раз из Венеции:

Папусик, это лучшее, лучшее в мире место! Мы живем в отеле с видом на Сан-Марко, у нас свой катер с шофером (только прикинь!). Завтра на один день уезжаем в Милан, вроде как за достопримечательностями, но я очень надеюсь, что одной из них будет улица Монте Наполеоне. Я хочу жить так всегда! Целую. А.

– Мымра, – буркнула Надя.

Бесит ее сводная сестрица, и ничего с этим не поделаешь.

Митрофанова снова перемешала письма. Задумалась. Поняла, что затея что-то узнать – изначально провальная. Допустим даже, отец писал своей родне в деревню про убийство – им что до того? Они в ответ – про падеж скота. Вот если бы его дневник отыскать!

Но собственного жизнеописания родитель, похоже, не вел. Только стихи пописывал. Надя рассеянно взяла папку с отцовским творчеством, наскоро проглядела листочки. Как автор папа ее совсем не впечатлял. А практической пользы от стишат никакой. И даже дат под ними не стояло.

Но один очень короткий текст запомнился:

Я все тебе даю – и я хороший.

А стану нищим – сразу меня бросишь.

Про кого это он, интересно? Про жену? Про любовницу? Про дочку?

Митрофановой не было никакого дела до папиных амуров. Зато сводная сестрица – жена, блин, олигарха! – злила, интриговала и раздражала чрезвычайно. И Надя опять не выдержала. Вытянула из пачки давних, до 2002 года, писем самый яркий конверт. Вынула письмо, начала читать. Ну конечно. Опять Америка. 1996 год. Город Миззула.

Папуль, ты меня, конечно, не слишком щедро спонсировал, но я все равно позволяю себе лазить по магазинам. Как без них? Шопинг – величайшее американское развлечение. Сами штатовцы отовариваются в моллах. А меня, бедную девочку из России, пытались отправить в PAWN-shop. Слышал когда-нибудь, что это? Чисто американское название. Магазин поддержанных вещей. Они в Миззуле двух типов. В одних – электроника, оружие, инструменты, кожаные куртки. В других – собственно шмотки. Сначала я честно пыталась чего-то себе отыскать в груде явного барахла, но потом решила, что у нас, советских, собственная гордость. И поняла, что за одеждой надо ходить в маленькие

магазинчики. Там, в отличие от моллов, можно торговаться – если, конечно, приглянешься менеджеру. В одном таком я рассказала целую патетическую историю о том, как моя мама (которая, как и я, носит размер смолл) мечтает об американской кофточке – в итоге сбила цену с \$59 до \$40.

А вот в бэу электронных магазинах можно реально урвать дорогую, очень хорошую вещь. Это ведь не просто торговая точка, а ломбард. Когда у людей возникают проблемы с финансами, они несут свое барахлишко сюда. Если вещи через месяц не выкупают, те поступают в свободную продажу (впрочем, краденое сюда тоже несут). Я купила в PAWN-shop очень-очень крутой лазерный диск с «Временами года» Вивальди. Точно такой мы слушали в машине миллионеров по дороге в Сиэтл. Теперь часто думаю: кто принес его в PAWN? Разорившийся богач или вор, обчистивший чью-то крутую виллу? И решила для себя, что обязательно буду жить так, чтобы дорогие мне (и просто мои дорогие!) вещи никогда не оказались в ломбарде!

– Звезда ты моя, – пробормотала Надя, убирая письмо обратно в конверт. – Неужели в Америке нет других достопримечательностей, кроме ресторанов, магазинов, дорогих особняков?

«А ведь отец у нас общий, генетика – наполовину одинаковая. Я, получается, мамину нетребовательность унаследовала? Или, когда с детства живешь бедно, о роскоши даже не мечтаешь?»

Надины философские размышления прервал громкий невнятный крик. Откуда это?

Выскочила во двор и опешила.

Снова соседка чудит. Слепоглухая Ольга Черемисова вцепилась со своей стороны в сетку-рабицу. И очень громко, нечленораздельным своим голосом выкликает:

– Убство! Знт, знт!

Надя подбежала к ней. Лицо у женщины иссиня-бледное, губа прокушена до крови, пальцы побелели – с такой силой впились в забор. Что делать?

Митрофанова поступила согласно первому побуждению. Просто подошла к несчастной вплотную и сквозь рабицу успокаивающе погладила по руке. Произнесла – громко, но стараясь не сорваться на крик:

– Вы хорошая. И все хорошо. Успокойтесь, пожалуйста.

Ольга Черемисова мгновенно перехватила ее руку. Благодарно сжала. Из глаз лились слезы. Губы шевелились, шептали:

– Нэмгу. Нэмгу. Все выдт. Слшт.

Надя – второй, свободной, рукой – начала гладить женщину по плечу. Жаль беднягу, но наблюдать ее концерты – не хватит никаких нервов. Надо прямо сегодня поговорить с Полуяновым. И в ближайшие выходные отгородиться ото всех соседей глухим забором.

Тут неожиданно явилась подмога. Из дома на соседнем участке вышла молодая женщина. Черты лица простенькие, но стройная, в себе уверенная, при полном офисном параде. Юбка выше колена, строгий серый пиджак, яркое пятно – красная блуза. Только вместо туфель на каблуках – ярко-сиреневые пластиковые галоши. Увидела Надю, неодобрительно дернула подбородком, поспешила к забору. Виновато улыбнулась:

– Простите. Это мама моя. Разнервничалась. С ней бывает.

Взяла Ольгу за плечи и довольно грубо оторвала от сетки. Та неохотно повиновалась, но продолжала повторять:

– Нэмгу. Нэмгу.

Девушка страдальчески сморщила носик:

– Придется успокоительное колоть. Что-то совсем она сегодня... в неадеквате. С работы меня выдернула! У меня должность ответственная, никогда еще не уходила посреди дня...

На лице – искренняя досада. И на мамашу свою смотрит сердито. Бедная слепоглухая!

– А про что она говорит? – поинтересовалась Надя. – Что еще за убийство?

– А вы не слышали? – удивилась дочка инвалидки. – Тут, в поселке. Девуцу прикончили. Труп сегодня утром нашли.

Надя побледнела:

– Да вы что?! А кто... кого убили?

– Без понятия. Своих проблем выше крыши, – сердито буркнула Ольгина кровиночка. – Меня другое волнует: какая сволочь матери об этом сказала? Все ведь знают – ей волноваться нельзя.

– Знт. Знт. Рнш, – упрямо повторила слепоглухая.

Но дочь лишь отмахнулась. Произнесла громко и раздраженно:

– Мама! Ты клиентам предсказывай. А мы здесь все свои.

Кивнула Наде:

– Извините.

И потащила Ольгу в дом.

«Но она ведь правда предсказывала! Может, сама и убила?!»

Митрофановой стало совсем страшно.

Нужно срочно узнать, что произошло. Только как? К Тимофею Марковичу постучаться? Нет. Лучше сбегать в сельпо.

Надя не стала тратить время и переобуваться – как и дочь Черемисовой, поспешила в магазин прямо в пластиковых галошах (в Васильково, уже заметила, многие в них ходили, по-свойски).

Пока торопливо шла, думала: вечер-то вчера был нехороший. Кромешная тьма, полная пустота на улицах. *Случайно ли* во всем поселке вырубилось освещение? А для чего приезжал в Васильково молодой рэпер на «Ауди»? Неужели у них с Ланой просто свидание было?

Едва показался одноэтажный, линиялый от дождей домик сельпо, девушка поняла: дело и впрямь серьезное. У входа – полицейская машина, еще несколько авто (хотя днем здесь никогда никакого транспорта). Группками, с озабоченными лицами, стоят взрослые. Меж ними носится мальчуган, с восторгом наставляет на всех пистолет, выкрикивает: «Паф, паф!»

Надя растерянно оглядела публику. Спросила, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Что случилось?

К ней обернулся грустный дедок:

– Девчонку сегодня ночью убили. Молоденькую совсем. Жалко.

А какая-то баба-хабалка недобро хмыкнула:

– Жалко-то жалко, только Люська сама нарвалась.

Резкий голос громко прозвучал в знойной тишине.

От магазинного порога обернулся мужчина, произнес строго:

– Ниловна, полегче!

Тетка сразу скукожилась.

А сердитый обратился сразу ко всем:

– И вообще, граждане. Расходимся. Быстренько. Толпы не создаем. Языками чешем дома.

– Кто это? – шепнула грустному старичку Надя.

– Участковый наш, – объяснил тот. И предупредил: – Его слушаться надо. Парень суровый.

«Может, рассказать ему? Про «Ауди»?» – мелькнуло в голове у Нади.

Но толпа у магазина рассосалась с потрясающей скоростью, и Митрофанова решила не лезть на рожон.

* * *

Сытый, выспавшийся и довольный жизнью Полуянов появился в редакции только в начале второго. Украдкой прошмыгивать на рабочее

место не стал – возраст, репутация и статус, слава богу, позволяют являться на службу во сколько угодно.

Шел по коридору неспешно – и будто назло нос к носу столкнулся с главной.

– О, звезда отечественной журналистики явилась! – иронически молвил редактор.

«Эх, надо было попозже, когда он добрый после обеда будет», – подумал Полуянов. Но не убегать ведь. Смирено поздоровался. Подождал, пока шеф решит, подавать ли ему руку. Принял начальственную длань. Аккуратно пожал.

– Зайди, – буркнул главный.

Секретарша, милейшая Мариночка Максовна, проводила Диму сочувственным взглядом.

Шеф уселся за начальственный стол. Плохо. Для бесед задушевных имелись в уголке кабинета два мягких кресла.

Полуянов прилагал все силы, чтоб не выглядеть ни виноватым, ни слишком наглым.

Главнюга хмуро его разглядел, припечатал:

– Загорел. Лоснишься. Свободного времени много?

– Нет, просто бегаю, – не моргнув глазом соврал Дима. – Тренируюсь. Хочу в московском полумарафоне участвовать. Потом отпишусь обязательно.

– А еще чем занят?

– Хищения в благотворительном фонде, – отчитался журналист. – Под миллион евро, по самым скромным подсчетам.

– Когда будет материал?

– Пока фактов мало, – признал Полуянов. – Наемных сотрудников клеймить смысла нет. А к организатору я только подбираюсь.

– Вот сам подумай, Полуянов, – проскрипел главный, – какая от тебя польза? Пишешь мало. Да еще каждый раз потом – против газеты судебные иски. Сколько можно воевать со всем миром? Хоть бы что-нибудь хорошее увидел. О чем-нибудь позитивном материал сделал!

– Сегодня сдам информашку. Профессор Юрлов пожертвовал историко-архивной библиотеке елизаветинскую Библию. Абсолютно даром.

– Событие, – иронически прокомментировал главный. – Мирового масштаба. Десять строк внизу третьей полосы.

Лицо нехорошее. Явно строит планы упечь на прессуху в мэрию, а то и что похуже – отправить в Сибирь, на какой-нибудь возрожденный заводик.

Полуянов заторопился:

– Еще есть интересная тема. Мне молодое поколение убийство раскопало. Нераскрытое, 2002 года. Девочка четырнадцати лет. Возьму как зацепку. И напишу большой материал. Про висяки.

– Я все понял. Ничего серьезного у тебя нет, – язвительно подытожил главный. – Поэтому выполнишь общественно-полезное поручение. Нужно – очень срочно – сделать большое интервью с директором авиакомпании. Душевное, теплое. На две полосы. Марина Максовна тебе скажет, во сколько к нему подъехать. Все, Дима, свободен. Не подведи. У нас с ними рекламный контракт огромный.

Спорить Полуянов не стал. Вышел из кабинета. Марина Максовна виновато улыбнулась:

– Аэробосс только сегодня в семь вечера может. Ждет тебя в Шереметьево.

Тут Полуянову пришел черед хмуриться. Вот это счастье подвалило! К семи, по самым пробкам, в аэропорт. А чтобы две полосы написать – это минимум на полтора часа разговоров, и то если грамотно вопросы задаешь. Во сколько, интересно, он дома окажется?!

Дима прошел в свой кабинет, включил компьютер. С сожалением взглянул на директорию «ДДД». Пока ехал в редакцию, несколько интересных направлений продумал, где покопаться. Но – увы. К директору авиакомпании-монополиста без подготовки тоже не придешь.

Дима неохотно вбил его фамилию в поисковик, стал быстро просматривать ссылки.

И тут позвонила Надюха. Перепуганная, чуть не плачет:

– Дим, представляешь... Мы вчера гуляли с тобой – а в это время девочку убили!

– Где?

– Да у нас, в Васильково! Возле дворца этого! Почти в том же месте, где в 2002 году! – отчаянно кричала Митрофанова.

– Что за девочка?

– Местная. Люся какая-то. Четырнадцать лет. Тут, в деревне, постоянно жила.

– А почему ночью одна гуляла?

– Ну... ей разрешали. Из клуба шла. Там вроде с парнем своим поругалась – психанула и сбежала. А ее – по голове чем-то тяжелым. Один удар, говорят. И насмерть.

Надя всхлипнула. Прошептала:

– Дим, давай я лучше в Кералу поеду. Мне здесь совсем страшно

стало.

– Надь, в Москве каждый день – минимум десять убийств. Это случайность. К нам она никакого отношения не имеет.

– Да понимаю я. Но ты все равно приезжай, пожалуйста, пораньше, – попросила девушка.

– А ты сиди дома, никуда без меня не ходи. И не волнуйся. Тебя никто убивать не будет. Я обещаю.

Он не стал ей пока говорить, что будет дома не раньше полуночи.

С удовольствием стер в поисковике фамилию самолетного магната. Решил прежде узнать, что в Васильково произошло.

Однако новостные ленты пока молчали.

Пришлось отправиться на поклон к коллегам в отдел происшествий – к тем стекались все сводки по столице и Подмоскovie.

– О, Полуянов! – обрадовались ему. – Что тебе рассказать? Есть авария на Кутузовке, четыре трупа. Бытовуха в Бирюлеве, три покойничка.

– Не, я по области. Деревня Васильково, по Новой Риге.

– А что в Васильково? – коллеги переглянулись.

– Убийство, сегодня ночью.

– Не знаю, в сводках не было, – уверенно произнес один из журналистов.

«Деревенские сплетни? Или Надюха чего перепутала?» – подумал он.

И попросил:

– Посмотрите еще раз, о'кей?

Коллеги пробудили от сна экран монитора, один из них воскликнул:

– Ну ты, Полуянов, шустер! Сводка минуту назад пришла!

И уступил место у компьютера.

Дима быстро прочел:

«24 мая в деревне Васильково Красногорского района Московской области было обнаружено тело девушки с признаками насильственной смерти. Это несовершеннолетняя местная жительница Людмила З. Возбуждено уголовное дело по статье «Убийство».

Пожал плечами:

– Это все я и так знаю.

– Тебе не угодишь, – хмыкнул коллега.

Слегка рисуясь, поднял трубку, набрал номер, спросил небрежно:

– Семеныч? У тебя детали по Васильково есть?

С минуту послушал, скривился:

– И все, что ли?.. Ну, сбрось хоть их, будь другом.

Нажал «отбой», сообщил Полуянову:

– Бытовуха, похоже. Люся эта там у них местная... шалашовочка. Мать пьющая, отца нет. Девица творила что хотела. Шлялась. В прошлом году чуть за кражу не села. Вчера в сельском клубе со своим парнем поссорились, орали друг на друга на всю деревню. Ушла, хлопнула дверью. Возлюбленный – почти сразу за ней. То ли догнал, то ли нет. Но напился вусмерть. До сих пор не протрезвел. Его уже задержали, сейчас трясут.

– А чего тебе, Дима, до этой Люси? – вкрадчиво спросил второй коллега. – Знакомая, что ли?

Полуянов промолчал.

– Вот, кстати, и фотки, можешь полюбоваться, – подключился к разговору первый.

Врубил полноэкранный режим.

Мертвое, спокойное, по-взрослому и безвкусно покрашенное, но все равно очень девчачье лицо. Где-то он видел эту Люсю.

Дима щелкнул курсором на следующий снимок, и сердце ухнуло в пятки. Здесь девушка лежала на земле, волосы закрывали лицо.

Зато отлично можно было рассмотреть ее плащ. Ярко-синий, с белыми ромашками по подолу. Точно такой, как у Нади.

* * *

Придумать, что готовить на ужин, Митрофанова не успела. Позвонил Полуянов, деловито сказал:

– В пять часов за тобой машина придет.

– Чего? – опешила девушка.

– Поедешь в театр. «Укрощение строптивой» в Большом. Ты ведь не видела?

– Ой! – обрадовалась она. – А ты за костюмом заехать успеешь?

– Надюш, я вообще не пойду. У меня интервью. Подъеду за тобой к театру.

– Но я одна не хочу!

– А я не хочу, чтобы ты одна дома сидела. Все. Билет я купил, такси заказал, возражения не принимаются.

И трубку бросил, нахал.

Интересно, а в чем ей идти в театр? В образе пейзажки?!

Надя перевезла на дачу самую простецкую одежду: джинсы, шорты, старые кофты, майки. О чем Полуянов думает?!

Но звонить и ругаться Надя не стала. Голос у Димы взвинченный, явно куда-то спешит. Да и толку предъявлять претензии? Купить билет в театр и прислать его с шофером Дима может, но вечернее платье – вряд ли. Может, просто поехать пораньше – на электричке – и переодеться дома?

Однако взглянула на часы и вздохнула. Поздно. Времени – начало пятого.

Снова, значит, в ее жизни – Анжела. Надя уже успела сунуть нос во все шкафы и обнаружила в одном очень приличные, хотя и несколько устаревшие платья. Сводная сестрица, к сожалению, существенно худее, но вдруг найдется что-нибудь по-size?

Надя вывалила содержимое шкафа на диван. Лейблы солидные. «Прада», «Гуччи», «Нина Риччи». Но все узкое, узкое, вот гадость!

По счастью, у «Миссони» нашла многоцветную, вызывающе яркую свободную кофточку с рукавом «летучая мышь». И брючки «Феретти» тоже с виду широкие. Надя поспешно в них втиснулась. Попу обтягивают ужасно. И молния до конца не застегивается. Но кофта довольно длинная, прикроет ее габариты.

Да, вместе – очень даже неплохо. Искать что-то иное все равно некогда. И убирать одежду обратно в шкаф – тоже. Надя, чтобы хоть видимость порядка создать, сгребла тряпки в аккуратную кучку. И вдруг увидела: на полу – фотография. Непонятно, откуда вывалилась.

Митрофанова подняла, рассмотрела.

Трое молодых людей. Счастливые, веселые. В центре композиции парень лет семнадцати. На голове веночек из ромашек, лицо дурашливое. Руки воздеты – видно, пытается снять украшение, но две девушки (по обе стороны от него) не дают. Вцепились в своего кавалера, хохочут, смотрят весело.

Надя хмыкнула. Юноша был ей незнаком. Но вот обеих девиц она узнала. Одна – сводная сестрица. Анжела. (Ее фотография по-прежнему стояла на отцовском столе.)

А другую она видела сегодня. Дочка слепоглухой Ольги Черемисовой. Подружки, получается, были. Почему нет? Дома рядом стоят.

Надя, чтобы не затерялась, быстренько отнесла фотографию в кабинет, к письмам. И кинулась краситься.

Балет «Укрощение строптивой» оказался странным, каким-то дерганным. Катарина и Петруччо постоянно кривлялись, нервная музыка Шостаковича (вперемешку, то из фильма «Москва-Черемушки», то из «Великого гражданина») довершала дело. Надя много слышала о Жане-Кристофе Майо, но постановок его не видела. Ей почему-то казалось: раз балетмейстер из гламурного Монако, значит, и поставит нечто куртуазное, очень классическое. А тут – комедия, буффонада, гротеск, модерн, кич и лишь самая малость от типового балета. Митрофановой даже почудилось, что у артистов лица несчастные. Из-за того, видно, что приходится танцевать невесть что.

Впрочем, зал на спектакль реагировал пусть без оваций, но дружелюбно. Да и сама Надя – в чужой, зато брендовой одежде, в седьмом ряду партера (не поскупился Димка!) – имела успех.

Немец с благородной сединой, сидевший рядом (никуда ей от старцев не деться!), поплелся за девушкой в буфет. Уговорил выпить шампанского. На закуску взял пошлейший набор из ананасов, клубники и «Рафаэлло».

Митрофанова обычно не позволяла платить за себя в буфете, но сегодня решила: Димка сам виноват. Раз не составил ей компанию, нужно заботиться о себе самой. Она весь антракт проболтала с Фриделем. Тот испепелял ее своими несколько блеклыми взглядами и красной нитью проводил мысль: он состоятелен, разведен, намерения серьезные.

Надя собиралась тихонько сбежать от надоедалы после спектакля, но едва опустил занавес, от Полуянова пришла отчаянная эсэмэска:

«Не успеваю! Жди в «Ёлках-палках»!»

– Еще по бокалу шампанского? – бодро обратился к ней немецкий старичок. – В ресторане Большого театра?

– Фридель, – вздохнула Надя, – меня муж будет встречать.

– Он уже здесь? У дверей?

– Нет, но...

– Значит, пока вы можете выпить шампанского *со мной*, – решительно подытожил бундес-дедушка.

И Митрофанова сдалась.

Когда Полуянов (через сорок минут после окончания спектакля) прислал ей гневное сообщение: «Я в «Ёлках-палках». Ты где?!?», отозвалась коротким: «ЩАЗ».

Поблагодарила Фриделя за прекрасный вечер, решительно с ним распрощалась и явилась к месту встречи, слегка покачиваясь – четыре (в итоге) бокала шампанского сделали свое дело.

– Надька! Ты напилась! – развеселился Полуянов. – С кем гуляла?

– Ис-сполнительный д-директор «Фольксвагена», – отчиталась библиотекарша.

– Хулиганка, – нахмурился журналист.

– Б-будет сцена ревности? – хихикнула она.

– Ладно, прощаю, – буркнул Полуянов. – Сам виноват. Одинокая красавица в театре – идеальная мишень. Просто устал как собака. Думал выпить, а тебя за руль посадить...

– П-поздно, Димусик, – широко улыбнулась она.

И обратилась к подошедшей официанте в кокошнике:

– У в-вас тут есть «Мует и шандон»?

– Только «Советское», – буркнула девушка.

– Б-большой бокал!

– А мне воды, – вздохнул журналист. – И пирожков.

Выглядел Дима усталым, грустным и каким-то блеклым, что ли. Обычно (Митрофанова привыкла) во всех общественных заведениях на него неприкрыто глазели – и юные девы, и умудренные дамы. Но сегодня Полуянов пребывал (или ей казалось) на вторых ролях. Зато на скромную библиотекаршу в кофточке от «Миссони» с чужого плеча – поглядывали, ох как поглядывали!

И тут у Полуянова зазвонил мобильник.

– Половина двенадцатого, однако! – игриво упрекнула Митрофанова.

– Леночка? – сказал журналист трубке. – Ты где, у «Ёлок-палок»? Ну, заходи, я во втором зале.

– Решил отомстить?.. – начала Надя.

И опешила.

Потому что по залу, прямо к их столику, спешила нереальной красоты юница. Невероятной длины ноги в лосинах и летних сапожках, неприлично тонкая (будто нижние ребра удаляла) талия, пышная грудь рвется наружу из тонкой кофточки. Плюс русые волосы, огромные голубые глаза и совсем не глупенькое лицо. Катастрофа.

Красавица обиженно взглянула на Митрофанову и заворковала:

– Добрый вечер, Дмитрий, простите, что я так поздно.

Полуянов обернулся к библиотекарше, представил:

– Это Лена, моя стажерка. А это... м-мм... Надя.

То есть просто Надя. Никто. Не жена, не подруга. Вот бы сейчас сюда Фридель зашел!

Но, как назло, и те мужчины, что имелись, сразу перестали на нее посматривать. Перебросили восхищенные взоры на исчадье в лосинах. Один Полуянов с кислым лицом сидел. Произнес покровительственно:

– Садись, Лена. Есть некогда. Давай, рассказывай.

Девушка покосилась на Надю, произнесла вполголоса:

– У меня важная информация. Можно э-э... при вашей спутнице говорить?

– Можно, – усмехнулся журналист.

Стажерка извлекла из сумочки-клатча несерьезный, весь в стразах, блокнотик и затараторила:

– Короче, я узнала, кто у Вики были подруги. Она их звала Натусик и Ирусик. Обе, как и покойная, 1988 года рождения. Жили в Васильково. У родителей Натусика дача была, Ирусик на постоянке.

– Фамилии? – Полуянов тоже достал блокнот – потрепанный, пухлый, обложка пробита пулей (память о командировке в Сирию).

Стажерка смутилась:

– Ну... Натусик и родители ее... они почти сразу после того, как Вику убили, оттуда уехали. Дом несколько раз перепродавался, так что...

– Понятно. Значит, так и осталось: просто Натусик, – недовольно хмыкнул Полуянов.

Леночка взглянула с мольбой:

– Зато Ира до сих пор там живет! И про нее я все знаю. Ирина Васильевна Забродина, улица Живописная, дом сорок семь.

– Чем занимается?

– Киндер, кирхе, кухен. Что там, в деревне, еще делать?

– Кюхе, – не удержалась, поправила Надя.

– Чего? – захлопала безразмерными глазами стажерка.

– Кухня по-немецки будет «кюхе», – ласково объяснила Митрофанова.

– Так я английский учу, – простодушно объяснила ей девушка.

«Зачем тогда по-немецки цитировать?» – рвался с языка едкий комментарий.

Но вместо него Надя позвала официантку и попросила пирожное – веселый шум от шампанского сменился в голове противной тяжестью, надо наконец закусить.

– Ты будешь пироженку? – спросил Полуянов свою стажерку.

Та округлила очи:

– Я вечером углеводы не ем. Если можно, имбирный чай.

– Пирожное, чай и счет, – подытожил журналист.

Обернувшись к Леночке, похвалил:

– Молодчина. Поставлю тебя соавтором.

Та зарделась:

– Ой, спасибо! Так, может, мне тогда самой к этому Ирусика съездить?

– Сколько у нее детей? – уточнил Полуянов.
– Трое, – с готовностью отозвалась девушка. – И муж пьет.
– Нет, Леночка. Тогда лучше не надо, – улыбнулся Дима. Отеческим жестом потрепал ее по плечу, спросил:
– Ты как домой будешь добираться?
– Я за рулем, – удивилась девушка. – Вон, прямо рядом, под знаком поставила.

– Наглая ты! – покачал головой Полуянов. – А зачем на электричку денег просила, раз машина есть?

– Так на бензин потратила! – не растерялась красавица.

А Надя с удовольствием вспомнила, что пару раз мимо ресторана на медленном ходу проезжала машина-ловушка ЦОДДа.

Они с Димой проводили красавицу-стажерку до новенького «Мини-купера». Все мужское население ресторана глазело им вслед, и Надя с грустью осознавала: любят, к сожалению, отнюдь не ее ногами.

– Хорошеньких ты себе помощниц набрал, – не удержалась она, когда маленькая машинка неумело, но нахально влилась в поток.

Вздохнула и добавила:

– А ко мне все какие-то старики клеются.

– Надя, не забывай, – приобнял ее журналист, – к тебе – клеются. А мы с Леной – работаем. Ладно, прочь шутки. Ты протрезвела? Способна воспринимать?

– Да все в порядке со мной.

– Тогда пошли. Прогуляемся. Я – в отличие от нашей смелой Елены – машину черт-те где поставил. У меня плохая новость. Готова?

И Надя вдруг (сама не поняла, с чего) ляпнула:

– Ты от меня уходишь?

– Митрофанова! – взвился журналист. – Как ты мне надоела со своими глупостями неуверенными!

– Значит, не уходишь?

– Нет, черт возьми, нет! Все гораздо хуже. Люсю, возможно, убили вместо тебя!

Надя вздрогнула. Пробормотала:

– С чего ты взял?

– С того, что на ней был твой плащ.

– Что?

– Ну, или точно такой же. Синий, с цветочками. Я на него претензий, как ты понимаешь, не предъявлял.

Митрофанова посмотрела растерянно:

– Но как можно было нас перепутать? Люсе вроде только четырнадцать.

– Зато рост у вас почти одинаковый. И фигура у покойной... м-мм... аппетитная была. Как у тебя. Плюс ночь. Темно.

– Подожди... – отчаянно нахмурилась Надя. – Люся из какой-то очень бедной семьи. Откуда у нее плащ от «Максмары»?

– Похоже, она и стащила его у тебя. Он ей давно приглянулся.

– Ты о чем?

– Помнишь, мы в первый день в заброшенный замок ходили? Встретили там трех парней и двух девиц? Одна еще спрашивала у тебя, что это за марка?

– Да, да!

– Ну, вот это и есть покойная Люся. Та еще была, прости господи, оторва. В прошлом году против нее уже дело возбуждали. Как раз за кражу. А мы твой плащ тогда на улице бросили. И забор у нас для подростка чепуховый.

– То есть она... украла мой плащ – и не побоялась пойти в нем в клуб?

– Дело-то ночью было. В дождь. На улице никого.

– Но мы-то были!

– Вот именно, – поник журналист. – И ты была точно в таком же плаще!

– То есть... – дрожащим голосом спросила Надя, – пока я была с тобой, меня тронуть не осмелились, а потом увидели – вроде как одну? И тогда решили: пора?!

– Надюшка, – он крепко ее обнял. – Это только вероятность. Очень маленькая.

– Но кому это надо? – недоуменно произнесла Надежда. – Твой фонд, этот «Три Д», вообще, что ли, ничего не боится?

– Не знаю, – вздохнул Дима. – Я связался с Савельевым. Он будет выяснять. Мы оба будем. Но я по-прежнему надеюсь: убивали – именно Люсю. Плащ – случайность. Нас с тобой – только пугают.

– Немцов тоже думал, что его пугают, – проговорила Митрофанова. – И Старовойтова. И Собчак.

– Надь, поэтому я тебя и отправил сегодня в театр. И больше не спущу с тебя глаз, – пообещал Полуянов. – Но мне в голову пришла другая версия. Более, на мой взгляд, вероятная. Смотри сама, как много сходится. Сравни 2002 год – и нынешнее преступление. Оба раза убиты девушки. Обeim по четырнадцать. Дело происходит ночью. Одна погибает в заброшенном дворце, другая совсем рядом. Обeim нанесен удар тяжелым предметом по

голове. Не много ли совпадений?

– Маньяк?

– Не знаю. Вскрытия пока не было, но предварительно судмедэксперты говорят – следов насилия у Люси нет. Как и тогда, у Вики.

– Но кому это надо? С дельтой в четырнадцать лет? Просто убивать? Зачем? За то, что мимо дома проходили?!

– Так давай разберемся! – Дима азартно потер руки. – Со старожилами поговорим. Начнем с Ирусика, а потом...

– Черемисову надо потряхнуть, – задумчиво добавила Надя. – Она ведь еще за сутки сказала, что будет убийство. Ты веришь, что такое возможно?

– Не верю.

– Вдруг на нее очередное помрачение нашло? Собиралась убивать сама и хотела, чтобы мы ее остановили?

– Все может быть. Но ты еще про нашего рэпера на «Ауди» не забывай. Что он делал в Васильково – и конкретно у Ланы? В ночь убийства?

– Да, Дим, – вздохнула Надя. – Почему у нас с тобой все так странно? Я-то думала – станем дачниками, редиску будем растить, кабачки твои любимые. А что получилось в итоге?

– Ну, лично мне, – усмехнулся журналист, – итог даже удобен. Сижу на даче, глаз с тебя не спускаю. И заодно – пишу свой «гвоздь». Тебе вот только придется теперь везде под моей охраной ходить.

* * *

Идти вместе с Димой к Ирусику Митрофановой категорически не хотелось. Но Полуянов запротестовал:

– Надюха! Одна ты не остаешься. Ни на секунду. Все. Точка.

– Дим, они нас за свидетелей Иеговы примут! Или за полицейских, – простионала Надя. – Даже я знаю: журналисты *парами* не ходят!

– В боевой обстановке – ходят, – не смутился Полуянов. – Возьми хотя бы Стешина с Коцем из «Комсомолки».

– Хорош передний край – дачный поселок! – фыркнула Надя. – А мне как, только кивать или тоже вопросы задавать можно?

– Конечно, задавай. Тем более там женщина. Домашняя хозяйка. Трое детей. Самый твой контингент.

– Слушай, а сколько ей лет? – спросила Надя.

– От двадцати восьми до тридцати, точно не знаю.

– И уже трое по лавкам?

– Свет зимой, видать, отключают, – подмигнул Полуянов.

– Не поняла.

– На улице холод, в доме темнота. Чем заняться? Только детей делать.

Надя улыбнулась:

– Жаль, что мы с тобой в Москве живем. И у нас свет всегда.

Она давно перестала напрямую давить на Димку – но почему бы не намекнуть, раз к слову пришлось.

Полуянов хмыкнул:

– А я тебе и при свете могу ребенка организовать. Меньше будешь во всякие истории попадать.

– Это я? Попадаю в истории?! – возмутилась Надежда.

Дима не смутился:

– Естественно! В квартиру нашу из-за Библии лезли. Кто ее домой притащил? Ты. А плащ дурацкий кто на крыльце бросил?

– Умеешь ты ответственность на других перекладывать! – вздохнула она. И лукаво добавила: – Впрочем, я согласна. Завтра у меня как раз опасный день.

– Ну... – глаза Полуянова в отчаянии заметались. – Я не прямо сейчас имел в виду... давай сначала это дело разгребем – а потом уж про наследников поговорим. В спокойной обстановке.

А Надя подумала: «Чего я такая порядочная? Не обсуждать надо – просто перед фактом его поставить». Соблазнить – чтобы голову окончательно потерял, ни о каких мерах безопасности не подумал. Как раз у нее и пеньюарчик имеется новый, очень секси, Димка его не видел еще. Вот завтра и обновим.

– Эй, Митрофанова! – потормошил ее Димка. – Не засыпай. Мы уходим. И блокнот с собой возьми, Татьяна Тэсс ты моя.

Но оказалось – зря они опасались, что их легенду кто-то поставит под сомнение. В доме Ирусика царила полнейшая неразбериха, и на журналистов (одного, двух – какая разница?) никто даже внимания не обратил. В огороде (хотя всего лишь май, успел зарости сорняками в детский рост) носились двое ребятишек. Оба нестриженные, в свитерках с чужого плеча, широченных, длинные штанины волочатся по земле, и не разберешь: мальчики? Девочки?

Дверь в хату (иначе кособокое, облупившееся строение не назовешь) распахнута. На крыльце в кресле-качалке дремлет старуха – сколько ни кричали «здравствуйте», даже не шелохнулась. В сенцах женщина лет пятидесяти ожесточенно полощет в тазу какие-то тряпки.

– Ирина дома? – обратился к ней Дима.

Та и разгибаться не стала – махнула рукой: проходите, мол.

Миновали гостиную – словно из прошлого века, с ковром на стене и хрустальным лебедем в старенькой «стенке». Заглянули в пустую спальню: кровать с розовым бельем не убрана, на полу – глянцевый журнал.

Только на кухне обнаружили живую душу – полная дама брезгливо помешивала в кастрюле темно-желтое варево. Пахло капустой и еще чем-то кислым, невкусным.

Надя растерялась. Старуха на крыльце – допустим, Ирусина бабушка. Женщина в сенцах – мать. Но где тогда сама Викина подруга? Этой даме, что на кухне, минимум сорок пять. А то и больше.

Однако Полуянов уверенно отвлек женщину от стряпни:

– Ирина Васильевна?

– Ты кто? – мадам хмуро обернулась от кастрюли. Разглядела. Глаза чуть оживились. Расправила поникшие плечи, откинула с лица прядь немытых волос.

«Ладно, сорок, – согласилась Надя. – Но Ирине ведь только тридцать!»

– Дмитрий Полуянов, газета «Молодежные вести».

Коротко взглянул на подругу – и немедленно разжаловал из коллег:

– Надежда Митрофанова, моя помощница.

Женщина насупилась. Снова сгорбилась над плитой. Буркнула:

– Ничего не скажу.

Полуянов ни капли не растерялся. Ласково спросил:

– Почему?

Женщина с грохотом отбросила ложку – та прокатилась по столу, шлепнулась на пол. Обернулась к журналисту, с вызовом произнесла:

– Потому что ни при чем здесь мой Игорек, ясно вам?!

Надя растерянно хлопала глазами. Дима спокойно поинтересовался:

– А кто есть Игорек?

Ирусик подняла ложку. Схватила за поясницу. Выключила под кастрюлей газ. Грубо спросила:

– Вы чего вообще приперлись?

– Хотели про Вику поговорить, – отозвался Полуянов.

– Про кого-о? – изумилась женщина.

– Про подругу вашу, – уверенности в Димином тоне поубавилось. – Вику. Которую убили четырнадцать лет назад.

– Оссподи, – выдохнула воздух Ирусик. – Нашли чего вспоминать!

Нахмурилась (сразу стала тянуть на все пятьдесят), задумалась – и вдруг выдала:

– Хотя если денег дадите – тогда расскажу.

– А зачем вам деньги? – строго спросил Полуянов.

«Я бы ответила: «Не твоё дело», – подумала Надя.

Но Ирусик с готовностью объяснила:

– Так я Игорьку хочу хорошего адвоката взять!

– Ириночка Васильевна, – Полуянов одарил женщину лучезарной улыбкой, – моих скромных гонораров на адвоката все равно никак не хватит.

– А без денег я говорить не буду! – заупрямилась женщина.

И вдруг упала на табуретку. Уронила голову на руки. Начала рыдать.

«Дура-ак! Какой дура-ак! Связался с этой Люськой – теперь расхлебывай!» – разобрала Надя сквозь всхлипывания.

Озадаченно взглянула на Полуянова. Тот вскинул указательный палец. Подтянул себе ещё один табурет. Нахально обнял Ирусика за плечи. Спросил:

– Игорь – это ваш сын, что ли?

– А то ты не знаешь! – проревела женщина.

– Нет. Не знал, – искренне признался журналист. – Мы к вам пришли за совсем другой историей. Совсем старой. Но, как говорится, шел в комнату – попал в другую.

– Чего? – вскинулась Ирусик.

– Это я так, к слову. Значит, Игорь, ваш сын, дружил с Люсей? Правильно я понимаю?

– Да не дружил! Ходи-ил он к этой давалке – за чем к ней все мужики ходили!

Надя не удержалась, встряла:

– Сколько лет-то ему?

– Четы-ырнадцать!

«Вот у них тут все быстро! Самой от силы тридцать. И сыну уже четырнадцать».

– И теперь Игоря обвиняют в убийстве? – уточнил Полуянов.

– Да-а! Только не убивал он её! Зачем ему? Ещё руки мара-ать об неё, шалаву-у! – провыла Ирусик.

Димины глаза заблестели.

«Вот это повезло!» – прочитала на его лице Надя.

Журналист нахально потрепал рыдающую мать по плечу, сказал строгим голосом:

– Ириночка Васильевна, давайте плакать мы перестанем. Я вам сейчас задам вопросы – вы ответите. И если все честно скажете, позвоню адвокату.

Прямо сейчас. Лучшему в Москве. Он вашего сыночка бесплатно защищать станет.

– Не врешь? – женщина наконец подняла голову со стола.

– Полуянов – золотое перо России. Он никогда не врет, – внесла свою лепту Надя.

– А че рассказывать-то? – горько вздохнула Ирусик. – Ну, ходил Игорек за этой Люськой с зимы. Сох по ней. Стих ей даже написал, давалке проклятой. Ну, к марту подошла его очередь – Люська перед ним ноги раздвинула. Радуйся, пользуйся – так нет, мой телок ее пе-ре-де-лы-вать стал. Любовь у него! Дебил. Люське-то его в своих парнях держать выгодно: он у меня видный, сильный, и деньги водятся – второе лето на переправе работает. Игоря при себе держит, а за его спиной со всей деревней спит. Бешенство матки у нее. А сынуля мой страдает. Будто заморозила Люська его. Я даже к Ольге-колдовке хотела его вести, отворот делать – не пошел, паразит. Ну и доигрался. А менты ему теперь убийство из ревности шьют. Хотя Игорек поклялся мне: пальцем ее не трогал!

– Когда поклялся? – встрял Полуянов.

– Так вчера я к нему ходила! Михалыч, наш участковый, позвал. Сходи, говорит, повидайся, пока его в город не повезли.

– И что он вам рассказал?

– Да что! Понесло давеча Люську в этот клуб, на танцы. А Игорек попозже пошел – до того работа у него была. Приходит – этой нет нигде. Он туда-сюда, в туалет, в подсобку – ну, и поймал, под лестницей. С Митькой чахоточным. Тот моего как увидел – сразу утек. Игорь тогда пару раз Люське врезал – с легонца, он девчонок у меня не бьет, правильный. И сказал: все, мол, кончено у них. Она в рев, побежала домой. А Игорек водки в палатке взял – и на речку пошел, страдать. Утром явился пьяный в дымину. А в десять за ним из ментовки пришли. Ты, говорят, убил. Чистосердечное подписывай, скидка выйдет.

– Кто-нибудь видел его на речке? Или когда он домой возвращался?

– Да кому надо ночью шляться? – вздохнула мать. – А менты и не ищут. Мотив есть – и баста.

– А кто убил Вику? – неожиданно сменил тему Полуянов.

– Оссподи, да откуда ж я знаю? – всплеснула руками Ирусик.

– А что люди говорили?

– Да чего только не трепали. То маньяк. То солдат какой-то из части бежал. Парней тоже всех трясли. Отсюда, из Василькова. Думали любовника ейного найти. Но Вичка-то – она совсем другая была. Городская. Целочка.

– И никого тогда не арестовали?

– Нет.

– А сейчас никто не говорит, что убийства похожи?

– В деревне говорят, – всхлипнула Ирусик. – Ольга-колдовка вообще сказала: *один демон их убил*. Так менты разве слушать будут? Крайнего нашли – все, дело закрывать можно.

И снова зарыдала.

– Ириночка Васильевна, – сочувственно произнес Полуянов, – успокойтесь, пожалуйста. Вам сейчас с адвокатом предстоит говорить. А он человек занятой, истерик слушать не будет.

– Правда, что ли, поможешь? – недоверчиво покосилась на него Ира.

– Помогу, – твердо сказал Полуянов.

И вынул телефон.

– Сейчас, Дим. У меня тоже пара вопросов, – всунулась Надя. – Ирина Васильевна! Вы во сколько лет Игоря родили?

Женщина взглянула неприязненно:

– Ну... в пятнадцать. В шестнадцать почти.

– А кто отец?

– Кто-кто. Геныч. Супруг мой. Чертов алкаш, – она поморщилась.

Дима (за спиной Ирусика) неодобрительно покачал головой – не те, мол, вопросы задаешь. Но Надя не смутилась. Вынула из сумочки фотографию – ту, что нашла в одежном шкафу. Положила на стол. Спросила:

– Вы знаете, кто это?

Ирусик толстыми пальцами взяла карточку, поднесла близко к глазам. Произнесла неуверенно:

– Справа вроде Ритка. Ольги-колдовки дочка. Только молодая совсем. Другая девка – не помню, как звали. Подружка ейная. А парня... вроде видела где-то...

Вдруг заорала – истошно, на весь дом:

– Мать! Сюда поди!

– Что?

Женщина (та, что стирала в сенцах) появилась в кухне удивительно быстро – похоже, подслушивала под дверью.

– Че это за парень?

– Это?.. Да это ж покойник! Тимофеев сынок!

– А! – просветлела лицом Ирусик. – Точно! Васька это. Риткин хахаль. Но я его не помню почти. В каком году, мать, его забрали-то?

– В девяносто восьмом, кажись.

– Ну. Мне десять лет было. Откуда мне помнить-то его.

– А вы вообще общались с ними?

– С кем? – тупо уставилась на Надю Ирусик.

– Ну, с Ритой. Анжелой – ее подругой. С Василием.

– А на фига мы им нужны были? – захлопала глазами Ирина Васильевна. – Мы для них – никто, мелкота. Они на десять лет старше! Так, подглядывали. Завидовали. Эта, которая Анжела, моднявая была, шмотки всегда чумовые. Замуж к двадцати годам успела сходить – но быстро развелась. А Ритка – ученая, считала, как калькулятор. Собиралась корпорацией управлять. Сейчас в автосалоне машины продает.

Полуянов еле заметно пожал плечами: к чему, мол, все эти расспросы?

Надя виновато улыбнулась «золотому перу» – давай, вступай. Снова играй первую скрипку.

И Дима с теплой улыбкой обратился к Ирине Васильевне:

– Сейчас я сам позвоню адвокату, обрисую ему в двух словах ситуацию. Потом передам трубку вам. Все обсудите, договоритесь. Об оплате не волнуйтесь.

Ирусик благодарно улыбнулась. Зато ее мамаша спросила с подозрением:

– С чего это ты вдруг такой добренький?

– Может, дурак, – широко улыбнулся Полуянов. – А может, выигрышное дело адвокату подкидываю. Кажется мне, Вику и Люсю убил один человек. И это никак не ваш Игорь.

Ирина Васильевна согласно кивнула. А ее мать посоветовала:

– Ты потряси тогда, журналист, Ольгу-колдовку. Она ведь тоже про одного демона говорит. Вдруг подскажет, где искать его?

* * *

Неземной огонек в Димкиных глазах. Значит, все. Поглощен. В теме. Выпал из жизни. Можно не кормить. И тем более не обращаться со своими проблемами.

Когда-то давно Митрофанова обижалась. Будто робот рядом. Ни слова ласкового, ни помощи. Со временем привыкла. Научилась хлопотать над своим творцом. Утепляла, если холодно. Приносила глазные капли, когда сидел за компьютером сутками. Впихивала – через силу, как в больного, – еду.

И сейчас, когда шли от Ирусика, поняла безошибочно: Полуянов

увлекся. Впал в раж. Будет хмуриться, раздражаться, черкать бесконечно в своем блокноте. А если говорить, то непонятно и коротко.

Первой реплики дождалась, лишь когда входили в свой двор.

– Интернет здесь ни к черту, – буркнул Дима. – Другого оператора надо.

Надя улыбнулась. Приятно, когда умеешь предвосхитить пожелание творца. Мгновенно отозвалась:

– Бесполезно. Здесь низина. У всех компаний сигнал плохой. Люди усилители покупают, но толку мало. Проще вай-фай подключить.

– Через неделю? – саркастически поинтересовался журналист.

– Дешевый – через неделю. А дорогой – сегодня придут, поставят.

– Зови, – коротко согласился Дима.

И Надя, радуясь собственной предусмотрительности, набрала номер.

Огромных габаритов юноша из интернет-компании явился, будто «Скорая помощь» – полчаса не прошло.

Дима ненадолго вынырнул из творческого забвения, обсудил с толстяком тарифы. Пока тот возился с проводами, роутером, настройкой – тоже не ушел. Поинтересовался, словно бы между делом:

– Здесь у многих вай-фай?

Парень скривился:

– Шутишь? Им сто рублей за телефон дорого, а тут – тыща в месяц. Дикий народ. Ходят за околицу, сигнал ловят.

– Люди вроде не бедные. Вон, соседка, – Полуянов кивнул на забор неадекватной Ланы, – на «Мерседесе» ездит.

– На почту, – буркнул парень.

– В смысле?

– За газетами ездит. Новости узнавать, – хихикнул компьютерщик. – Интернета у нее точно нет. У гадалки кукукнутой – усилитель. Только дедок напротив прогрессивный.

– Тимофей Маркович? – удивился Дима.

– Ага, – кивнул парень. – Вроде мешок с костями, а путер – круть. И приконнектился по анлиму.

– Забавно. – Полуянов черкнул что-то в своем блокнотике.

Компьютерщик отбыл. Журналист хищно потирал руки, косился на плашечку в нижней части компьютерного экрана: «Уровень сигнала отличный». Надя поспешила встрять, прежде чем он погрузится в дебри:

– Дим, можно мне в магазин сходить?

– Нет, – отрезал деспот.

– Тогда будешь картошку есть. И без всякого пива.

Полуянов поморщился.

Митрофанова поддавила:

– Может, вместе до селпо прогуляемся? Заодно к участковому зайдем, ты ведь хотел.

– Надь, мне надо в Интернете покопаться.

Она взглянула на часы:

– Паутина твоя круглые сутки доступна. А участковый скоро уйдет. Деревня, рабочий день кончается рано.

– Митрофанова! – возмутился журналист. – Ты с виду тихоня, паинька. А прешь как бульдозер.

– Не для личных ведь целей, – фыркнула она в ответ. – А чтобы *тебя* накормить!

– Ладно, – вздохнул Дима. – Пошли.

Местное отделение полиции располагалось в жизнерадостном, свежей побелки домике. Никаких современных жалюзи – пестрые домашние занавески, пара кактусов на подоконниках. Но решетки имелись. И дверь оказалась с кодовым замком.

Полуянов решительно вдавил кнопку. Врата пискнули, отворились и, едва Надя с Димой прошли в предбанник, сразу захлопнулись. Оба оказались в ловушке. Следующая дверь, непосредственно в помещение, заперта. Во двор – тоже не выйдешь. Ни домофона, ни звонка. Дима постучал, раз, другой, тактично, потом изо всех сил – в ответ упорная тишина.

– Гостеприимно, – хмыкнула Надя.

Предбанник удивительно унылый, крашенный зеленым. Окон нет, под потолком лампочка в клетке.

Полуянов снова грохнул кулаком – по-прежнему заперто. И вдруг голос – громовой, словно с небес:

– К кому?

– К участковому! – хором выкрикнули оба.

– Какому?

– Васильковскому! – Дима тщетно озибался, силился понять, где прячется микрофон.

Дверь наконец открылась, и Надя перепуганно затопталась на пороге. Прямо напротив входа располагались две клетки. В каждой – единственные нары. Оба узилища заняты. В одном – человек семь узбеков. Теснятся, как воробьи на жердочке, лопочут тревожно. На другой койке расслабленно почивает удивительной красоты юноша в одних трусах-«боксерах». Мускулистая фигура, тонкие пальцы, одухотворенное, печальное даже во

сне лицо.

Полуянов уже успел с дежурным поговорить – а она все глаз отвести не могла от красавца. Кто-то из балетных. Или артист. И как вообще можно – держать людей в клетках?!

– Пойдем, – потянул ее журналист. – Нам во второй кабинет.

Участковый встретил их внимательным взглядом. От Полуянова сразу отвернулся, а в Надю ткнул пальцем:

– Ты местная. В сельпо тебя видел. Где проживаешь?

– Березовая, шестнадцать, – отпрапортовала девушка.

– А-а, так ты дочка Рыбакова внебрачная? – прищурился полицейский. – Та самая, что домик захватила?

– Вообще-то мне его завещали, – смутилась Митрофанова.

– Ну да. Я слышал. Отец отписал, которого ты никогда в жизни не видела. Как Анжелка тебе только глаза не выцарапала! – кивнул участковый.

Вроде бы свойский разговор ведет, но глазами будто насквозь просверливает.

Надя вспомнила, что говорил ей нотариус, взялась объяснять:

– У Анжелы и без этого дома собственности полно. У нее муж – из списка «Форбс»!

– Да какой бы муж ни был, свое отдавать всяко жаль, – парировал полицейский. Перевел взгляд на Диму, подмигнул: – Ладно. Вы ко мне на учет по УДО встать или еще по какому делу?

Надя озадаченно уставилась на служивого. Полуянов тонко улыбнулся:

– Мы судимостей не имеем. Регистрация и квартира в Москве, работа постоянная, в госструктурах.

– Ох, порадовали, – скупое улыбку участковый.

Митрофанова ждала: сейчас Дима свое волшебное журналистское удостоверение извлечет. Но Полуянов – по неведомым ей причинам – о месте своей работы распространяться не стал. Просто поведал – кратко, но емко, – как в ночь убийства отправились прогуляться. Про тьму и полную тишь на улице. И про парня в худи, что вышел в районе ноля тридцати из калитки Ланы Сумцовой.

– Как выглядел? – уточнил участковый.

– Да что там разглядишь? Но вроде молодой, лицо в прыщах. Нам любопытно стало, – Полуянов старательно косил под простака, – чего подростку надо от дамы 1951 года рождения. Ну, и пошли за ним – все равно ведь гуляем. А парень, оказалось, на машине. Только припарковал ее в двух кварталах. «Ауди». «Соточка». Мы и номер записали на всякий

случай. Вот.

Дима протянул полицейскому блокнотный листок.

– Молодцы, – похвалил участковый. – Сознательные.

Бумажку взял, расправил, сунул в одну из папок. Постучал по столу черенком карандаша:

– Что еще поведаете?

– Да все вроде, – разыграл смущение Полуянов. Кивнул на Надю, добавил: – Она вон только волнуется. Соседи ей наболтали: серийные убийства у вас в Васильково! Маньяк!

– Где это у нас тут серия? – изобразил удивление участковый.

– А четырнадцать лет тому назад что здесь было?

– Эх вы махнули! В девятнадцатом веке тут тоже убили. Помещичью дочку, – осторожно произнес участковый.

– Но сейчас-то убийства похожи. Возраст. Место. Способ.

– И все сразу начали искать Чикатило, – неодобрительно усмехнулся полицейский.

– Но похоже ведь! – упрямо повторил Полуянов.

– Грамотные, смотрю, вы. Только сути не видите. Что серийное убийство прежде всего отличает? Особая жестокость, непомерная агрессия к потерпевшим. Извращения, безжалостность. Сходная мотивация. Где все это? – развел руками полицейский.

Уперся локтями в стол, продолжил важно:

– И еще. Есть такая наука. Называется мудрено: виктимология. А по-русски: нечего ночами невесть где шляться. Кто заставлял несовершеннолетнюю гражданку Вику Линькову идти в полночь в заброшенный дом? Но эксперты подтвердили: сама пришла. Добровольно.

Участковый усмехнулся бесстыдной улыбкой:

– А Люся тоже хороша. На глазах у своего парня мужику другому дала!

Надя покраснела, отчаянно взглянула на Диму. Тот погладил ее по руке: не обращай, мол, внимания.

Полицейский же подытожил:

– Не надо ночами одной ходить и мужиков провоцировать. Тогда никто вас на моей территории не убьет. Гарантирую.

Он встал. Протянул Полуянову руку:

– А за номерок «Ауди» спасибо. Пробьем. Давайте провожу.

Снова вышли в общий холл. Клетки по-прежнему были заняты. Узбеков прибавилось – теперь уже на койке не помещались, стояли тесно, будто в очереди. Одинокий красавец в одноместном дворце по-прежнему

сладко спал.

Надя не удержалась, тихонько спросила у участкового:

– А это кто такой?

– Вор на доверии, – усмехнулся тот. – Известный. Давно за ним гонялись.

– Интересно тут у вас! – пробормотала Надя.

– Да бросьте, – устало отмахнулся участковый. – Сплошная рутина.

– А что ты ему про мой плащ не сказал? – спросила Митрофанова, когда вышли из отделения.

– А кто в курсе, что на трупе был твой плащ?

– Ну... ты.

– Или те, кто труп видел. Вот и начал бы милейший участковый мозг выносить: а откуда мы знаем? Где могли видеть? Может, проходили мимо тела – и не сообщили? Или вообще к убийству причастны?! В любом случае, пришлось бы оправдываться. Объяснять, что журналист, фотографию в сводке видел. А зачем выдавать лишнюю информацию?

– И ты решил прикинуться любителем детективов, – усмехнулась Митрофанова.

– Самая удобная роль, – заметил журналист. – Полисмены нас, лопушков, всерьез не воспринимают.

И поторопил Надю:

– Ну что? Идем в сельпо?

Она с удовольствием нагрузила его двумя тяжелыми сумками. Едва вернулись домой, сразу разбежались по своим ипостасям. Надя – на кухню. Дима – к экрану лэптопа.

Первым делом Полуянов открыл почту.

Три письма подряд – напоминалки, сначала от Марины Максовны, самая свежая – от главреда. Завтра в полдень – крайний срок, чтобы сдать интервью с авиабоссом.

А от Савельева ничего.

Дима покосился было на файл «самолетики» – но открывать его не стал. Успеется.

Кликнул по папке «фонд» – это важнее. Снова просмотрел фотографии, присланные доктором Штраубе. Выбрал самую четкую. Запустил программу поиска по картинке.

Интернет – спасибо толстяку-компьютерщику – оказался стремительным. Через пятнадцать минут пришел ответ: «Одно совпадение».

Хоть что-то.

Полуянов нетерпеливо загрузил фотографию. Подпись под ней гласила: «Презентация фонда «Протяни руку помощи».

Он радостно рубанул по столешнице. В верном, верном направлении двигаемся!

На снимке изображался президиум. За столом на сцене трое. Нервного вида женщина (А. С. Юдина, генеральный директор). Двое совсем молодых (координаторы). А Котлов – очень скромненько – стоит в дальнем углу сцены, Полуянов и разглядел-то его с трудом.

Значит, «Протяни руку помощи» (закрывшийся два года назад) и «Дарим детям добро» накрепко связаны. Вот этим породистым, красивым, сильным человеком. У которого хватает совести наживаться на больных детях.

Дима немедленно сделал к фотографии краткое пояснение, переправил Савельеву. От того сразу пришло автоматическое подтверждение, что письмо получил. Но лично – ни слова. Ладно. Пусть работает. И мы тоже делом займемся.

Полуянов уже смотрел ссылки по фонду «Протяни руку помощи», но тогда оборвал поиск на третьей странице. Зато сейчас изучил досконально. И набрел на интереснейший пост: *«Мошенники из фонда «Протяни руку помощи»*.

Дима, предвкушая успех, отправился по искомому адресу – в живой журнал некой Леры Ларионовой. Но ключик, увы, оказался не золотым. «Страница устарела или не существовала никогда» – уведомил его Интернет.

А если просто блог посмотреть? Набрал строку адреса, и снова неудача: такого автора в Сети не имелось.

Нет, врете. Раз есть ссылка, значит, был и блог. Опытный компьютерщик нашел бы его в сохраненных копиях без труда. Но Дима вылавливать удаленную информацию не умел. Поэтому решил попробовать разыскать человека. Автора закрытого блога. Леру Ларионову.

Полуянов отправился на форум, где впервые прочитал про мошенников из «Протяни руку помощи». Бросил клич в теме «болталка»: «Други, выручайте. Срочно нужна Ларионова!»

В открытой беседе его вопрос проигнорировали.

Зато в личку шлепнулось сообщение: «Ты кто?»

«Журналист Полуянов из «Молодежных вестей».

«Про красный бриллиант ты писал?»^[5]

«Я».

«Что надо?»

«Под фонды копаю. «Протяни руку помощи» и «Дарим детям добро».
«Дай свой телефон».

Полуянов написал.

Покосился на аппарат. Тот молчал.

Дима поторопил невидимого собеседника: «Жду звонка. Это очень важно».

«А я тебе что? – отозвались в личке. – Пусть Ларионова звонит. Если захочет».

И на этом переписка оборвалась.

– Дим, иди ужинать! – позвала из кухни Надя.

Полуянов быстренько напечатал:

«Я очень жду».

И пошел на запах жареного мяса и свежей зелени.

* * *

За ужином Полуянов спросил:

– Надюш, а у *тебя* какая-то версия есть?

Она серьезно кивнула:

– Есть. Я бы, Дим, потрясла тех, кто рядом с заброшенным домом живет. Совсем рядом. Кто мог из окна видеть, как Вика четырнадцать лет назад входит внутрь. Как Люся бредет мимо. Того, кто видел – и воспользовался случаем.

– Не понял.

– Ну, убийцы всякие бывают. Кому-то главное антураж. Старый дом. Ночь. Свет меркнет в глазах юной девы. Ему достаточно. Насиловать необязательно.

– Не слышал я никогда про таких возвышенных убийц, – безапелляционно возразил журналист. – Участковый прав. Им всем главное – помучить. Пичушкин на суде говорил: «Я не могу убивать на скорую руку. Мне нужно порезвиться, побегать, попугать».

– Нет, тут другое, – упрямо продолжала Надя. – Этот человек – такой очень скрытый маньяк. Он, может, в жизни бы никого не убил. У него не мания – просто склонность. А тут искушение. Развалины. Никаких свидетелей. И жертва сама идет в руки. Будто напрашивается. Вика полезла в дом ночью. Люся не боялась мимо идти. Сразу Мэнсон вспоминается. Мэрилин. Он мечтал, чтобы его убили. Это, мол, романтично. Жестоко, мрачно, страшно, но романтично. Вот и девочки эти – будто мечтали!

– Надюха, у тебя аналитический ум, – похвалил Полуянов. Добавил задумчиво: – Интересно, нашим доблестным полицейским что-то подобное в голову приходило?

– По-моему, нет. Тебе ведь местный Шерлок ясно сказал: серийных убийств в Васильково быть не может.

– Честно говоря, Надюшка, мне твоя версия по душе. Хотя и любая другая – тоже. Главное только, чтобы не фонд. И чтобы охотились не на тебя.

– Никто на меня и не охотится, – твердо произнесла Надя. – Тебе чай наливать?

Дима кивнул. И немедленно бросился вон – в кабинете затрезвонил мобильник.

Надя посмотрела на часы. Половина одиннадцатого.

И услышала радостный Димин голос:

– Лерочка? Спасибо, спасибо огромное, что позвонили!

Митрофанова скривилась. Тошнит давно от козочек, Лерочек, стажерочек, обожающих дамских взглядов. Дима, конечно, уверяет: контакты с феминами – исключительно для пользы дела. Превозносит Надин ум, красоту, хозяйственность. Уверяет: она ему – и подруга боевая, и надежный тыл, а таких не бросают. Но библиотекаря прекрасно понимала: за Полуянова просто никто всерьез не брался. А вот если надумает фемина-фифа-стройняшка занять себе Димку-мужа – добьется искомого без проблем. Даже *разводить* не надо, и детей не делить.

«Я ради него все делаю. Сажу на даче. Кормлю, обихаживаю. Таскаюсь за ним, как Родион, пусть ему там хорошо будет в собачьем раю (любимая Надина такса зимой закончила свой земной путь). А Полуянов, видите ли, с Лерочкой болтает посреди ночи. Из-за стола срывается. Чай давно остыл...

Митрофанова сердито накрыла Димин стакан блюдцем. Впрочем, без толку – все равно еле теплый. Уже полчаса воркует. И дверь в кабинет закрыта.

Со злости слопала две ромовые бабы. Хотя дала себе зарок: они выставлены на стол исключительно для Димки. Может, она только малюсенький кусочек себе отрежет.

Явился журналист минут через сорок. Лицо виноватое, вид нашкодивший.

– Чай себе сам грей, – буркнула Надя.

Но Дима словно не услышал. Подошел. Легко приподнял ее. Усадил себе на колени. Ткнулся носом в плечо. Ну, точно, Родион. Когда

набедокуривал и прощения просил.

– Уехать надо? – саркастически поинтересовалась Митрофанова.

– Куда? – растерялся Дима.

– Ну, эту, как ее, Лерочку спасать.

– Ох, Надюха! – вздохнул журналист. – Ревнивица ты моя. Лерочке сорок семь лет. Живет в Рязани. Инвалид второй группы. Ходит с палкой и говорит с трудом.

Обернул к себе Надино лицо, взглянул в глаза, сказал мрачно:

– Она детский врач. Работала в поликлинике и еще волонтером была, в Рязани. Ездила на дом к паллиативным детям. Колола обезболивающее. Помогала им: памперсы за свои деньги, два аппарата ИВЛ из областной администрации выбила. Последние желания выполняла. У Леры имелся целый костяк помощников, кидала им клич – и добрый волшебник обязательно находился. Кто из детей компьютер просил, кто в Москву на концерт съездить. А два года назад к ней явился наш породистый господин Котлов. Со своим фондом «Протяни руку помощи». Начинал с ерунды: апельсинчики, новогодние подарки детям развез. А потом туза козырного: давайте Филипка с раком четвертой стадии в Израиль отправим!

Лера ему сразу сказала: не помогут ребенку в Израиле. Котлов с ней спорить не стал – прямым ходом к родителям. Письма из клиники показывает, по-русски, на глянцевых бланках: шанс на излечение – семьдесят процентов. А в России их домой умирать отправили.

Лера попыталась за другого мальчика попросить. С муковисцидозом. А Котлов ей в открытую: «Смысла нет. Муковисцидоз не лечится. Ну, продлим ему жизнь на пару лет – дальше-то все равно умрет. А Филипка есть шанс полностью вылечить!»

«Нет у него шансов. Метастазы по всему организму».

Но Котлов на своем стоит: «В Израиле чудеса творят».

Рекламная кампания, баннеры, посты, перепосты, на ти-ви пробрался, ребенка заставил в ролике сниматься. Собрали деньги. Отправили. Но даже до клиники не довезли. В такси умер – по дороге из аэропорта. В обычном такси – «Скорую помощь» не прислали, сэкономии.

Лера вновь со своим муковисцидозом: «Давайте наконец ребенку поможем, деньги ведь остались!»

Но Котлов ей ни копейки не дал. Новая рекламная кампания, и опять – рак, огромные синие глаза, заплаканные родители.

А когда и этот ребенок умер, она не выдержала. Написала в своем блоге про токсичную благотворительность.

– Ну и что дальше?

– Котлов позвонил ей немедленно. Предупредил: замолчи. Не мешай мне. А то пожалеешь.

Лера в ответ опубликовала в блоге финансовый отчет из клиники. И обвинила его впрямую, что он присвоил сто тысяч евро, это как минимум.

Полуянов умолк. Стиснул руки в кулаки. Тихо закончил:

– А на следующий день ее машина сбила. «Восьмерка». Без номеров. Ночь, свидетелей не было, водитель скрылся. Видеокамер уличных полтора года назад в Рязани толком не имелось. Зацепок никаких, дело целый год тянули внаутруску – потом совсем прикрыли. У Леры – ушиб мозга, перелом бедра. Инвалидность. А Котлов из Рязани уехал. И всплыл в Москве. С новым фондом «Дарим детям добро».

– Димочка, – Надя прижалась губами к его побелевшему лицу.

Полуянов мягко ее отстранил. Произнес строго:

– Так что, Надежда, ты у нас с общего режима теперь переходишь на строгий.

– Дим... – робко вскинула голову она. – Но почему Котлов этот за мной охотится? А не за тобой?

– Но я ведь не Лера. Не хрупкая женщина средних лет. Меня устранить сложнее. И подставляться он не хочет. Куда проще убрать – или покалечить – тебя. Мое любимое, но слабое звено.

* * *

Надя пыталась уговорить Диму лечь спать. А интервью-«обязаловку» сделать с утра. Но Полуянов хмыкнул:

– Думаешь, я усну сейчас?

– Вид у тебя уставший.

– А мозг все равно не отключится. Только проваляюсь без толку. Лучше делом заняться.

Заварил себе бадью кофе (это в полночь!) и ушел в кабинет.

«Сердце, сосуды, цвет лица, режим – все, к черту, губит», – грустно подумала Надя.

Но мораль читать не стала. Чего зря человека раздражать? Все равно по-своему сделает.

Зато нарезала полную тарелку яблок, груш. Наломала апельсины на дольки. Отнесла, поставила рядом с компьютером. Пусть между делом ест – витамины слегка смягчат вред ночных посиделок. Поставила и салфетки – не поняла только, заметил ли их Димка. Впрочем, клавиатура у

его компа все равно захватана, завтра обязательно надо будет протереть.

Спать не хотелось. Вышла во двор. Взглянула на желтое пятно – окошко бывшего отцовского кабинета. Неисповедимы пути. Еще недавно здесь работал отец.

В рощице у забора разливался соловей. Надя решила подкрасться поближе – послушать концерт «из партера». Долго наслаждалась громкими – прямо над головой – безупречно красивыми трелями. Свет в Димином окне не гас. Наручные часы показывали без десяти два ночи.

По улице зашелестели шаги. Соловей оборвал концерт на полужае.

Надя сначала расстроилась. Потом – по-деревенски! – заинтересовалась: кого это носит в такое время? Взобралась на бетонную опалубку, осторожно выглянула из-за забора.

Парочка, идет в обнимку. Весна, май! Девушка на дочку Черемисовой похожа. Парень незнакомый.

Соловей снова возобновил концерт, и Надя выбросила случайных прохожих из головы.

Спать пришла только в три. Полуянов в спальню явился, когда уже давно рассвело и благородного соловья сменили несерьезные воробы.

– Сделал? – сонным голосом спросила Надя.

– Летайте самолетами Авиафлота, – пробормотал Димка. – Разбуди, пожалуйста, в одиннадцать.

И мгновенно уснул.

Надя с минуту полюбовалась его усталым, с тенями под глазами, лицом – и ее тоже сморило, до практически барских десяти утра.

Проснулась – форточка открыта, в комнате воздух свежий, прохлада, куры соседские квохчут, пернатые глотку дерут. Красота, деревня! И энергии полно.

Митрофанова и завтракать не стала – сразу побежала во двор. Посадить свое не получится, она уже поняла. Но борьбу с одуванчиками надо продолжить, а то и жалкие отцовские посадки безвозвратно погибнут.

Надя надела перчатки, взяла из сарая тяпку, выбрала самую несчастную клумбочку и вступила в бой. Однако выдрать успела лишь небольшое ведерко – в калитку застучали.

Митрофанова вздрогнула – Полуянов вчера вечером ее совсем запугал. Не открывать, бежать, Димку будить? Но вряд ли враги будут ломиться вот так, в открытую.

Подошла, крикнула:

– Кто?

Не ответили, снова стучат. Да уверенно, громко. А Димусику бы

поспать еще часок.

Надя взгромозилась на фундамент забора. Одними глазами – будто восточная женщина – выглянула на улицу. Ёлки-палки, слепоглухая явилась. Что ей надо?

Митрофанова распахнула калитку.

Ольга здороваться не стала, с ходу выпалила:

– Рзгр эст.

И уверенно, размашисто пошла по участку. Надя еле успела выхватить у нее из-под ног ведро с сорняками.

– Скмйк, – потребовала Ольга.

И царственно (королева нашлась!) протянула хозяйке руку.

Митрофанова отвела ее в дальний уголок участка. Усадила на лавочку у сарая. Сама устроилась рядом.

Слепоглухая первым делом взяла в обе руки ее лицо. Легко, кончиками пальцев простучала. Даже приятно – будто массаж тебе делают. Потом коснулась плеч. Провела ладонью по Надиным рукам. Дотронулась до бедер.

Митрофанова понимала: с ней *знакомятся поближе*. Терпеливо ждала. Вспоминала вопросы, которые хотела задать соседке. И весьма беззастенчиво ее разглядывала. Что-то неправильное в ней было. И дело вовсе не в слепоте с глухотой. Лицо Ольги постоянно шевелилось, кружилось, дергалось. Плясали губы, вздымался кончик носа. Словно внутри черепа – миллионы неведомых существ суеются, бегают, силятся выйти наружу. Наде вспомнился старый ужастик «Чужие» – там монстры из людских животов вылезали. Режиссер не додумал. Взорвать лицо – куда было бы эффектней.

Она попыталась изгнать глупые мысли из головы. Произнесла – раздельно и четко:

– Я вас слушаю.

Пусть Ольга сама начнет, а дополнительные вопросы задать всегда успеется.

По лицу соседки – очередная волна, щеки надулись-сдулись, брови – как две змеи, никак не успокоятся, рыщут.

Ольга взяла Надину руку, начала водить по ладони пальцем.

«Опасность. Вам», – прочитала Надя.

– От кого? – крикнула в ухо соседке.

Черемисова понуро опустила плечи:

– Не знаю. Но чувствую давно. Ваш отец умер – уже тогда уловила. На этом участке заложена еще одна смерть. И это будете вы.

– Но за что меня убивать? – нервно хихикнула Митрофанова.

– Понятия не имею. Но я чувствую... волны. Вам надо срочно покидать это место. Я готова купить ваш дом. Предложу хорошую цену.

Надя тяжело вздохнула. Она-то надеялась, что известная на всю столицу с областью гадалка ей что-нибудь дельное скажет. А у тетеньки, похоже, план запугать ее да приобрести поместье по дешевке.

Она опять вздохнула.

– Верить мне, – начертила на ее ладони соседка. – Я вижу многое. Вы никогда не знали отца, росли с мамой. Она медик, но не врач. Фармацевт или медсестра. Ее убили. Давно. Вы не замужем, но очень хотите. Только ваш молодой человек связан с вами глиняной связью.

– Какой? – перебила Митрофанова.

– Глина, – пояснила слепая. – В благоприятных условиях может сохраняться тысячелетиями. Но чаще разлетается в мелкие черепки.

«А ведь права, змеюка!» – вздохнула про себя Надя.

И затравленно посмотрела в глаза Ольги, надежно спрятанные за темными очками. Митрофанова чувствовала: она уже попала под странное, липкое обаяние ясновидящей. И хотя спрашивать об этом не собиралась, с языка само собой прыгнуло:

– А дети у меня будут?

– Да, – Ольга не задумалась ни на секунду.

Надя подождала деталей, но их не последовало. Соседка снова вернулась к теме, волновавшей лично ее:

– Уезжайте отсюда. Как можно дальше. И чтобы никто не знал, где вы находитесь.

Ясновидящая начала повторяться.

Митрофанова пропустила совет мимо ушей, зато вспомнила вчерашний разговор с Ирусином. И что ей Дима рассказывал – про давнее убийство. Поговорим лучше о нем.

– Ольга, – Надя изо всех сил старалась говорить громко, но не истерично, – почему вы сказали, что Вика сама виновата?

Объяснять, что она имела в виду, не пришлось. Ясновидящая отозвалась мгновенно. Расчертила на ладони Митрофановой:

– Ни один нормальный ребенок не пошел бы ночью в заброшенный дом.

– Может, знаете и кто ее убил?

Ясновидящая со свистом втянула в легкие воздух. Медленно – очень медленно – отозвалась:

– Знаю. Это был мужчина. С бородой. Худой. Высокий. Ко мне

приходили из милиции. Тогда ко всем приходили. Я описывала его. Говорила, что он живет здесь, в поселке. Но меня никто не слушал.

Надя почувствовала, что входит в азарт:

– А кто тогда Люсю убил? Сейчас?

Соседка не раздумывала ни секунды:

– Женщина.

– Кто именно?

– Не знаю. Молодая. На машине. Ничего не боится.

– Зачем?

– По ошибке.

– Что это значит?

– Ее приняли за другую.

Митрофанова вздрогнула. Самый неприятный расклад. Если гадалка, конечно, права.

– Я, по-моему, сама схожу с ума, – пробормотала Митрофанова.

Ясновидящая поджала губы. И начертила на ее ладони:

– У всякого безумия есть своя логика. Так говорил...

– Шекспир, я знаю, – раздраженно отозвалась Надя.

И спросила:

– А вы можете эту женщину описать?

Ольга грустно усмехнулась:

– Четырнадцать лет назад я видела хоть что-то. Сейчас, увы, только солнечный диск. Если люди, то очень смутные очертания.

– А ваш внутренний глаз? – не сдавалась Митрофанова.

– Он уловил... только отчаяние. Когда убийца поняла, что ошиблась.

Ольга резко оттолкнулась от скамьи, встала. Обернулась к Наде:

– Дсвдна.

И уверенной поступью двинулась по дорожке.

Митрофанова кинулась было вслед – помочь, проводить, но остановилась. Пусть соседка сама справляется.

В голове вместо утреннего наиболее бодрейшего настроения – полная каша. И вместо переполнявшей ее энергии – категорическое желание завалиться в постель и проспать минимум часа три.

Ясновидение – ерунда. А то, что Ольга энергетический вампир, – это точно.

Митрофанова с облегчением убедилась, что за соседкой захлопнулась калитка, и побежала в дом. Опоздала она. Уже одиннадцать тридцать. Полуянов ругаться будет.

Но Дима, к счастью, проснулся сам. Всклопоченный, бледный – и

удивительно красивый! – улыбнулся ей:

– Одуванчики побеждены?

– Штук двадцать выдернула, – вздохнула Надежда. – А все остальное время вела беседу. На тифлосурдоязыке. С нашей странной соседкой.

– О чем?

Она поморщилась:

– Ну, мы ведь хотели ее допросить. Я это уже сделала. Докладывать? Или сначала кофе?

Полуянов, грациозный и тощий, как лев, выпрыгнул из постели. Надя, как всегда, когда ее очам предстало Димино безупречное голое тело, глупо улыбнулась. И в этот момент в калитку снова забарабанили.

– Опять она? – ахнула Надя.

Полуянов – хищник в прыжке! – метнулся к окну и присвистнул:

– Ничего себе! «Маски-шоу»!

Перепуганная Митрофанова подбежала к нему. Из спальни, со второго этажа, улицу видно было прекрасно. И оказалась она заставлена автомобилями. Новехонький полицейский «Форд». Пара легковушек. Последней притулилась старенькая «канарейка» из Василькова. А по двору Ланы Сумцовой уже бежали – Надя глазам своим не поверила – автоматчики в черных масках!

Еще один крепкий мужчина – несомненно, из силовиков – колотил в соседскую, то бишь их калитку.

– Дим... – Надя жалобно взглянула на Полуянова. – Что это?

– Сейчас узнаем, – с него мигом слетела утренняя вялость.

Трусы, майку и джинсы натянул за секунды. Еще и Наде успел указания дать:

– Ты кофе-то вари, вари.

Она послушно побежала на кухню. Едва поставила турку на огонь, вернулся журналист. Настроение у него улучшилось еще больше, глаза сияли – как всегда, когда он оказывался в гуще событий:

– Отставить кофе, Надюшка. Выключай газ, хватай паспорт и пошли.

– Куда?

– Понятыми. К нашей престарелой красавице.

– А что она натворила?

– Не знаю пока. Но на кражу таким составом не приезжают.

Надя вытащила из сумочки паспорт. Руки почему-то дрожали. Мозг кипел. Не дачный покой, а передний край!

У калитки ждал полицейский. Проглядел паспорта, кивнул:

– Годитесь. Пошли. Никуда первыми не лезем. Руками ничего не

трогаем. Телефонами не пользуемся.

Журналист с библиотекаршей проследовали вслед за ним по дорожке. Из сарая отчаянно вопили куры. Надя скосила глаза, увидела: в птичнике двое роются в сене. Бедные несушки. Жертвы режима.

В доме тоже все оказалось вверх дном. Но не бардак поразил Митрофанову, а несчастная Лана. Она лежала прямо в коридоре. На полу. Лицом вниз. На щеке сукровица. Запястья скованы наручниками за спиной. Одна губа распухла, по второй стекает противного вида жижа. Они ее били, что ли?

Однако Надежда присмотрелась и догадалась. Целенаправленно не били, наверно, – все-таки дама. Но брали, как положено, без церемоний. Лицом сначала к стене, потом на пол. Мужик переживет. А многократно улучшаемое лицо не выдержало. Одна из губ, накачанных силиконом, лопнула. А рядом с ухом недавний шов разошелся. От круговой подтяжки. Да еще зубы – ощущение, будто Лана их языком поправляет. Неужели выбили? Однако ни крови, ни зубной крошки. Похоже, просто съемный протез.

«В камере ее засмеют».

Митрофанова сочувственно сморщилась.

Лана с ненавистью взглянула на нее и прошипела:

– Че лыбишься, тварь?

Поразительно. Униженная. Старая. Жалкая. Лежит лицом в пол. Но все равно шипит. Надя снова вспомнила отцовское творчество: *«Меж двух огней, гиен и змей...»*

Пожалуй, эта на змею куда больше тянет, чем Ольга.

Девушка отвернулась от поверженной пресмыкающейся.

– Понятые, прошу сюда! – триумфально позвал полицейский.

И повел на второй этаж. Первой комнатой на пути оказалась спальня. Дверь распахнута, розовые с золотом обои, шелковое черно-серебряное белье, хрустальная люстра с ярко-алыми подвесками, комод с инкрустацией. Аляповато, безвкусно и очень дорого.

Зато следующее помещение оказалось полной противоположностью. Оштукатуренные стены, длинный рабочий стол, электрическая плитка, холодильник. Шкаф, полный колбочек и бутылок. Тарелки, перчатки, шприцы, целлофановые пакеты. Надя с любопытством оглядела этикетки: ацетон, щелочь, картонные коробки с солью, почему-то несколько упаковок аптечной травы мать-и-мачехи.

Но полицейский подвел их к спортивной сумке, установленной на маленьком столике. Хорошо поставленным голосом объявил:

– Прошу убедиться. Препарат из серии МН. Уже расфасован. Триста семьдесят пять доз.

Надя уставилась на аккуратные рядки пакетиков. Внутри каждого – что-то темно-коричневое, рассыпчатое.

– Что это? – шепнула она Диме.

Тот ответил в полный голос:

– Каннабиноид, как я понимаю?

Страж порядка ухмыльнулся:

– Тоже спайсы употребляете?

– Да избави бог, – открестился Дима.

А Надя недоверчиво произнесла:

– Это... Это Лана делала?!

– Она не признается. Но дом ее. Отпечатки ее. Курьер тоже ее сдал, – кивнул полицейский.

– Ну ничего себе! – Надя никак не могла поверить. – Она сама работала в лаборатории? Делала наркотики?

– Спайсы, – уточнил страж порядка.

– Их недавно тоже к наркотикам приравняли, – блеснул эрудицией Полуянов.

– Ага, – грустно подтвердил полицейский. – Нам мороки прибавили.

– А я завидовала, что у нее «Мерседес» такой красивый, – простодушно произнесла Митрофанова.

– Заржавеет теперь, – хмыкнул Дима.

– Да, – гоготнул полицейский. – Пятнарик ей светит.

И кивнул им обоим:

– Посмотрели, ребятки? Убедились? Ну, пошли. Протокольчик подпишем.

Снова спустились вниз. Лана по-прежнему лежала на полу. Шевелилась, будто насекомое в агонии. К Полуянову подскочил участковый, протянул руку, похвалил снисходительно:

– Спасибо вам, гражданин, за сигнальчик.

Лана с ненавистью прошипела:

– Гад.

– Молчать! – рявкнул наблюдавший за ней спецназовец.

Женщина извернулась. Силилась обратиться к нему лицом. Языком придерживала зубной протез. По подбородку сочилась слюна.

– Смотри, укусит, – усмехнулся участковый.

– Нечем ей кусаться, – весело блеснули глаза под маской.

– Пошли домой, Дима, – поторопила Надя.

– Стоп, стоп, гражданочка, – обернулся к ней полицейский. – У нас к вам поручение. Вы ведь соседка? Надо за курами присмотреть.

– Нет! – простонала Митрофанова.

– Да чего ты, Надюха? – удивился Дима. – Будем яйца брать, бульончики домашние делать.

– Ни за что, – отрезала девушка. – Мне никаких кур не нужно. Тимофея Марковича просите. Он пенсионер и живет здесь постоянно.

– Несознательная вы, гражданка, – упрекнул полицейский.

Полуянов, когда шли домой, тоже ворчал:

– Чего ты отказалась? Я бы тебе кур сам резал.

– Спасибо. Я лучше в магазине куплю, – возразила Надя. – Свари мне, пожалуйста, кофе. Я ужасно устала.

Отправила Диму на кухню, сама поднялась в спальню. Уселась перед зеркалом. Осталась крайне недовольна. Лицо осунулось, глаза запали, на переносице морщинка. Эх, зря она от поручения полицейских отказалась. Тоже бы, как Лана, пила куриную кровь. Возвращала молодость.

Фу, что за глупости в голову лезут!

Надя прошла в ванную. Умылась холодной водой. От души проработала лицо скрабом. Наложила крем. Потом немного тональника. Толику пудры. Каплю румян.

– Прекрасно выглядишь, – похвалил Полуянов, когда она спустилась в кухню.

Поставил перед ней чашку с кофе. Спросил:

– У тебя на сегодня какие-то планы есть?

– Ой, Дима, хватит, – буркнула Надя. – Мои планы давно в полной зависимости от твоих.

– Ты чего такая сердитая?

– Да надоело! – фыркнула она. – У всех на даче покой, свежий воздух. А у нас какой-то дурдом.

– Зато не скучно! – подмигнул Дима. И предложил: – Пойдем сейчас твою версию проверять?

– Какую?

– Ну, ты вчера говорила. О *скрытом* маньяке.

– И мы сейчас пойдем его искать? – иронически спросила Надя.

– Давай пока просто пройдемся вокруг замка, – сказал Дима. – Прикинем, из каких домов он просматривается. Может, с людьми поговорим.

– Ха! У меня теперь есть *уточняющая* информация, – хмыкнула Надя.

И рассказала Полуянову сначала про худого мужчину с бородой. А

напоследок выложила самое тревожное откровение. Что Люсю убили *вместо другой*.

– Ты в это веришь, Дим? Хотя бы чуть-чуть?

– Надь, я много раз общался с экстрасенсами. Но еще больше – с ментами. И все они утверждают: еще ни один ясновидящий реально раскрыть убийство не помог.

– Значит, она все врет?

– Думаю, да. Хотя у меня еще одна версия появилась. Смотри. Ты – ближайшая соседка. Хозяйка дома. А Ольгина дочь Маргарита с твоей сестрой сводной дружит. Или, по крайней мере, раньше дружила.

– И что?

– Допустим, Ангела бесится, что дом достался не ей. Просит свою подругу тебя убить. А мать – гадалка, то есть какое-то чутье у нее, безусловно, имеется. И она дочкино намерение считывает. И предупреждает тебя об опасности. Как тебе версия?

– Хлипко, – честно призналась Надя. – Ангела бы киллера наняла.

– Киллер может сдать. А подруге она доверяет.

– Дим, ради подруги на убийство ни один нормальный человек не пойдет.

– А за деньги? Ангела ведь богатая, может хорошо заплатить.

– Слушай, ну Ольгина дочь – тоже совсем не бедняжка. Офисный костюм у нее был дорогуций. Явно на хорошей должности. Зачем ей убийцей подрабатывать?

– Да, Надь, – грустно вздохнул Дима. – Ты, конечно, права. И тем более моя версия не объясняет, почему четырнадцать лет назад убили Вику.

* * *

После завтрака Полуянов ушел в кабинет. Перечитал на свежую голову интервью с авиабоссом. Удивительно. Хотя работал в ночи, с мигренью, практически левой ногой – а получилось неплохо. Ярко, местами остро, в разделе о личной жизни – даже трогательно. Не только большой чиновник – еще и вдумчивый, заботливый отец семейства.

«Мастерство не пропьешь», – скромно подумал Полуянов.

Отправил текст в пресс-службу авиакомпании и лично начальнику.

Потом просмотрел собственную почту.

Наконец. Весточка от Савельева. Как всегда, чрезвычайно краткая:

Подъезжай сегодня к шести вместе с Надей.

С Надей? Очень странно. Дима даже задумался: а знает ли полковник, что его девушку зовут именно так?

Но даже если знает, приехать вдвоем он их раньше не звал никогда.

Значит, дело в фонде?

А как тогда быть с Викой?

Здесь, в Васильково, четырнадцать лет назад Котлов точно никого не убивал.

Ладно, не будем спешить с выводами.

– Надюшка! – позвал Полуянов. – Ты гулять готова?

– Всегда готова! – выскочила из кухни она.

Пока неспешно шли по родной Березовой, Митрофанова проговорила:

– Знаешь, Дим... у меня такое ощущение, что видела я именно того, о ком Ольга говорила. Высокого, худого, бородатого. Где-то здесь, в Васильково.

Остановилась. Потерла виски.

Полуянов терпеливо ждал.

Надя вдруг просияла:

– Эврика! Он у сельпо стоял. Когда труп Люси нашли.

Снова взяла его под руку, сбавила радужный тон:

– Ну, то есть это ничего не значит, конечно... Мы ведь с тобой решили: экстрасенсы все врут. Да и вообще, это не приметы. Бороду – сбрить можно. И похудеть – тем более. А высокий – каждый второй.

– А я думаю, – задумчиво произнес Полуянов, – этот человек всегда был худым, бородатым. Таким и остался. И твоя Ольга нам его подставляет. Любопытно узнать зачем.

– Так давай найдем его! – воодушевилась Надежда.

– Как? Устроим подомовой обход?

– Зачем? Тут в сельпо две продавщицы. Одна киргизка, от нее толку мало. А другая местная. Эта всех знает. И в долг дает. Под проценты.

– Да ладно!

– Честное слово! При мне мужик приходил, ворчал. Что за «беленькую» сторублевую ему теперь полтыщи отдавать.

– Это ж статья!

– Алкаши не жалуются. А мне она безо всяких процентов в долг дала. Когда я кошелек дома забыла.

– Пойдем тогда к твоему кладезю информации! – заинтересовался Дима.

Но им не повезло. За прилавком стояла хмурая киргизка.

С ходу сообщила:

– Пиво теплый. Холодильник сломался.

Надя виновато развела руками. Но Полуянов решительно подошел к кассе. Одарил продавщицу самой ослепительной из улыбок. Но у той на лице ни один мускул не дрогнул. Произнесла сурово:

– В долг не дам. Хозяйка ругает.

– Лапочка, да есть у меня деньги на пиво, – Дима вытащил из кармана привычный хаос: мятые сотни, пятисотки, редкие тысячи.

– Какой надо? – не потеряла самообладания киргизка.

– Никакой не надо, – подделался под ее акцент Полуянов. Отделил пятисотку, положил на прилавок. – Мужчина. Высокий. Худой. Бородатый. В каком доме живет?

Продавщица невозмутимо извлекла откуда-то из анналов грязную тряпку. Смахнула ею бумажку. Равнодушным тоном произнесла:

– Палыч с бородой. Семка. Назим. Хабибула. Все худой.

– Он такой, – подсуетилась Надя, – не очень молодой. И живет здесь, в Васильково. Где-то рядом с замком недостроенным.

Киргизка отрапортовала:

– Тогда Иван Иванович. Вторая Садовая. Белый дом.

– Рахмат! – поблагодарил Полуянов.

– Пожалуйста, – хихикнула продавщица.

– Рахмат – это, кажется, по-узбекски, – покаянно произнес Дима, когда вышли из магазина.

– Да какая ей разница? – фыркнула Надя. И упрекнула: – Кучу денег отдал! Я бы тебе все бесплатно узнала.

Белый домик – ни дать ни взять кубанская мазанка в череде среднерусских изб – стоял точно напротив главных ворот двorca.

– Твоя версия подтверждается, – усмехнулся Дима. – И забор – рабица, все видно.

Во двор вошли беспрепятственно – калитка не заперта, собак не видеть.

Высокий, худой, бородатый мужчина сидел в тенечке, в шезлонге, с книгой в руках. Надя успела прочитать на обложке: «Лао Цзы». Взглянула на дядечку с уважением. Тот, заметив их, немедленно приподнялся. Митрофановой – легкий поклон, Полуянову руку протянул. Пригласил: «Проходите! В дом не зову, там духота».

Провел еще в одно теневое место – под кучерявой березой стояло несколько пластиковых кресел, к сиденьям привязаны подушки. На пластмассовом столике – ведро с подтаявшим льдом, в нем – старинный, советских еще времен, сифон.

– Газировочки? – галантно предложил хозяин. – Даме могу сделать с сиропом. Точно как раньше – в автомате, за три копейки.

«И это – маньяк?!» – ахнула про себя Надя. Но улыбнулась Ивану Иванычу:

– С удовольствием.

– Сироп делаю сам, какой желаете: вишневый, яблочный, смородиновый?

– М-м... вишневый, – Митрофанова еле удержалась, чтобы не облизнуться.

– А мне за одну копейку, – попросил Полуянов.

– Понял, – кивнул мужчина.

Исчез ненадолго в доме. Вернулся с подносом. Бокалы (идеально блестящие). Ковшик (похоже, расписанный вручную). Вазочка с печеньем, похожим на засушенных червячков.

– Пеку сам. Раньше такое называлось «из мясорубки», – объяснил Иван Иванович.

Усадил. Налил газировки. Приветливо улыбнулся:

– Чем могу служить?

– А вы со всеми такой гостеприимный? – не удержалась Надя. – Вдруг мы воры какие-нибудь?

Он взглянул ей в глаза:

– На воров вы совсем не похожи. К тому же я вас в сельпо видел. И были вы в очаровательных бордовых галошках. Значит, живете здесь, в Васильково. Но я теряюсь в догадках, чем могу быть вам полезен.

– Иван Иванович, – Полуянов залпом выпил свою газировку, поставил стакан на стол, – мы живем здесь совсем недавно. И наша соседка, Ольга Черемисова...

– Ни слова больше! – мужчина откинулся на спинку кресла, картинно схватился за сердце. – Опять, значит, посыпались предсказания. Что на этот раз? Я теперь еще и Люсю убил? Или что-то новенькое придумала?

Насладился их растерянными лицами, произнес смущенно:

– Видите ли... тут, в деревне, все это знают. Я никогда не был женат. Но очень люблю женщин. Всяких. Молодых – и не очень, успешных – и несчастливых. Мне нравится – это искренне, без позерства – помогать им. Образовывать. Радовать. Придумывать имидж. Я абсолютно ненавязчив и никого ни к чему не принуждаю. И всегда сразу говорю даме, что не создан для брака и наше, так сказать, сотрудничество может прекратиться в любой момент. Как правило, меня понимают. Но Ольга приняла мою заботу о ней, м-м... слишком близко к сердцу. Мы познакомились в трудный для нее

период. Она только что купила здесь дом, активно обустривала его, хотела скорей все успеть – сама, сама! До того доходило, что мешки с цементом на собственном горбу перетаскивала. А у нее ведь уже тогда зрение было только десять процентов. И слух только остаточный. Вот физический труд вместе с переутомлением и привели к катастрофе. Она окончательно ослепла и оглохла. И произошло это на моих глазах. Естественно, я очень жалел ее и не мог остаться в стороне. Каждый день приходил к ней. Натянул в доме веревки – чтобы она, когда ходила, могла держаться за них. Всячески пытался утешить ее, развлечь. Мы ходили в лес вкушать запахи. Наблюдали закат – солнце, размытое пятно, она видела. Я учил ее находить в жизни маленькие радости. Делать травяной чай. Занимался с ней цигун. Настоял, чтобы она начала рисовать. Помогал покупать одежду. Сам красил ей волосы. Разумеется, – в тоне Ивана Ивановича ясно прозвучали надменные нотки, – очень скоро она не смогла без меня обходиться. Совсем.

– А что ее дочь? – вклинился Полуянов.

– Маргаритка-то? – бородач усмехнулся. – Да счастлива была!

– Что ее мать ослепла?

– Что она может наконец на кого-то ее перекинуть, – не смутился рассказчик. – Маргарита ведь с раннего детства при Ольге – нянька, уборщица, переводчик. Та с ней не церемонилась: вся готовка на девчонке, стирка, глажка. Плюс учеба. Ясновидящая наша себе в голову вбила, что у нее дочь будет богатая-пребогатая бизнесвумен. И третировала девчонку: математика, иностранные языки, Котлера в оригинале заставляла читать. Маргошка мне так и сказала: «Дядь Вань, вы мне хоть вздохнуть дали!» И упорхнула в Москву. Пока Василий был, еще появлялась – дружили они, а как его в армию взяли, совсем пропала.

– Василий – это сын Тимофея Марковича? – уточнил Дима.

– Да, – склонил голову бородач. – Такой приятный молодой человек был! Ужасная трагедия! Ужасная.

– А «дружили» – это вы что имеете в виду? – с невинным видом спросила Надя.

– Ну, свечку я не держал, – улыбнулся Иван Иванович. – Но целовались они частенько. Это да. Видел.

– А как Маргарита пережила его гибель?

– Сначала лица на ней не было. Институт забросила. Рыдала целыми днями. Сама королева-мать снизошла, начала беспокоиться. Даже к психиатру ее водили.

– И что? – оживился Дима.

– Валерьянку ей выписал. Вашингтона Ирвинга процитировал: «Нет на свете такого горя, которое не смогла бы исцелить юность». И оказался прав. Со временем утешилась Маргаритка. Забыла.

– А почему вы ушли от Ольги? – спросила Надя.

– Приукрашивать себя не буду. Надоело. Устал. Думаете, просто – не фильм смотреть в свое удовольствие, а ей содержание переводить? Не по лесу идти – а ее волочь за собой, следить, чтоб не упала? А эти истерики ее? Что не может она больше жить – в темноте и тишине мира? Думаете, легко было успокоить? И главное, – Иван Иванович развел руками, – зачем? Я неспособен на любовь, это я ей сразу сказал. Она и купить меня пыталась, предлагала дом переписать – я отказался. Собственное жилье имею, устраиваю здесь все по своему усмотрению. Ну, Ольга тогда и начала мстить. Как раз 2002 год, экстрасенсы в большом почете. И тут эту девочку убивают. И она сразу в милицию отправилась, заявление накатала: якобы ей видение было, как я Вику убивал. Как не стыдно только человеку! Знает ведь, я на женщину голоса не повышу, а руку – тем более не подниму.

– И в милиции к ней прислушались?

– А как же! – горько вздохнул Иван Иванович. – Отпечатки у меня брали. ДНК. Конечно, ничего не подтвердилось.

– Но, может, вы видели что-то? – с надеждой спросил Дима. – Все-таки напротив живете.

– В день, когда убили Вику, меня вообще дома не было. В Москву ездил, с ночевкой. Потом к моим соседям по коммуналке менты ходили, просили подтвердить. Стыдоба. А так – ну, лезят сюда подростки. Иногда костры жгут. Если вижу – сразу пожарных вызываю. Когда мальки пытаются в замок влезть, тоже шугаю. Нечего им там делать. Все стены в похабщине.

– А когда Люсю убили, тоже ничего не видели?

– Ничего. Я вообще спал. Я в девять ложусь, чтоб вставать с рассветом.

– В таком интересном месте живете – а не пользуетесь, – укорила Надя.

– Да что же тут интересного? – всплеснул руками Иван Иванович. – Нависает над тобой этакий гроб, черную энергетику сеет! Я куда только не писал, чтобы разобрались. Доделали – или с землей сровняли. Но толку никакого. Наследников нет, покупателей тоже. Кроме убийств, знаете, сколько тут несчастных случаев было! Лестницы без перил, полы скользкие. Бомжи, шушера всякая – как светлячки на огонь. Драки. Переломы. Изнасилования. Я сколько и Маргоше говорил – когда с Ольгой

еще жили, – чтобы к замку ни на шаг. Но она все равно лазила. Бедовая девица. Не сомневалась: Васечка ее защитит. И потом – тоже лазила. Уже без него.

– Зачем? – удивилась Надя.

– Понятия не имею.

– А когда это было? – спросил Полуянов.

– Ну... несколько раз видел. Последний – с месяц назад.

– Она *сейчас* туда ходила? – изумился Дима.

– Ну да. Сам удивился, хотел спросить: зачем? Взрослая уже девочка. На солидной должности. Но не бежать ведь за ней. А караулить, когда обратно выйдет, не стал. Спать лег.

– Хм. И лет ей сейчас...

– Тридцать один, – услужливо подсказал Иван Иванович.

– В таком возрасте развалины уже не исследуют.

– Может, тосковать ходит? – предположил бородач. – Туда, где с Васей своим целовались? Хотя вроде не тоскует она. Я ее с другим видел.

– Где?

– Да тут. В Васильково. В прошлом году. С утра по грибы пошел – и наткнулся на парочку. Целовались в малиннике. Шаги мои услышали – сразу тикать. Но Маргаритку я разглядел.

– А друга ее?

– Нет. Тот стрекача первым задал.

Иван Иваныч сцепил руки в замок, с хрустом вытянул вперед, шелкнул пальцами. Повертел головой – в шее тоже хрустнуло. Произнес назидательно:

– Слишком долго сидим. Кровь застоялась.

Надя с Димой намек поняли, сразу вскочили.

– Спасибо вам большое, Иван Иванович, – с чувством произнес Полуянов.

– Вода с сиропом была потрясающая, – улыбнулась Митрофанова.

Вышли за калитку. Надя вздохнула:

– Лопнула моя версия.

– Похоже, что да, Надюшка, – потрепал ее по плечу Полуянов. – Экстрасенсы – это сила. Но ДНК ее перебивает. Пошли быстрее домой.

– А я, кстати, вчера ночью тоже видела Маргариту, – вспомнила Надя.

– Да? – равнодушно спросил Дима. – Где, с кем?

– Ночью. С каким-то парнем. По улице в обнимочку шла.

– Ну, значит, точно утешилась, – усмехнулся Полуянов. – Давай, Надюшка. Час на обед – и выезжаем к Савельеву.

– Если бы у меня еще обед был... – проворчала Надя.
– Значит, по пути в бигмачник заскочим.
– Нет уж, – запротестовала она. – Мы теперь дачники. Только здоровое питание.

* * *

По пути Надя попросила:
– Дим, давай на квартиру заедем.
– Зачем? – удивился он.
– Цветы полить.
Полуянов заворчал:
– Да, дело вселенской важности.
Но послушно свернул с проспекта Мира на их тихую улочку.
Двор у них огорожен – недавно общее собрание приняло решение поставить шлагбаум. И сейчас на въезде скопилась пробочка. Дима вышел из машины, улыбнулся:

– Октябрина опять с техникой воюет.
Октябриной звали местную достопримечательность – старушку восьмидесяти девяти лет. Несмотря на причитания детей, внуков и даже правнуков, она продолжала рулить – и парковалась, как считал Полуянов, лучше всех дам во дворе. Но пользоваться магнитной карточкой у бабули не получалось никак. Сколько ни обучали.

– Пойду выручать, – объявил Дима. – Подхватишь меня?
Надя перепрыгнула за руль. Автоматически – образцовый водитель! – подправила под себя зеркало. И сразу увидела: у тротуара, рядом со въездом во двор, припарковалась «десятка». Стекла тонированы. А за рулем – она увидела через лобовое – тот самый парень, что сфотографировал ее у выхода из метро.

Не может быть! Или может?
Дима тем временем взял у старушки Октябрины карточку, открыл ей шлагбаум, терпеливо выслушал благодарности. Дама царственно вплыла во двор. Вслед за ней въехала еще одна машина (ее водитель галантности не проявил, помогать старейшине не пытался). Полуянов махнул Надежде: «Давай, я жду!»

Она растерянно подмигнула в ответ дальним светом.
Дима замахал еще энергичнее.
Ну как ему объяснить?!

Митрофанова с визгом тронулась, резко затормозила у шлагбаума, выпалила:

– Там «десятка»! С тем рыжим парнем!

К чести Полуянова, среагировал он мгновенно. Приказал:

– Езжай во двор и спокойно паркуйся.

А сам неторопливо – вроде он за хлебом решил сходить – двинулся навстречу преследователю. «Сам в пасть лезет!» – перепугалась Надя. Но помогать не бросилась. Послушно исполнила Димин приказ. Припарковалась, правда, куда кривее, чем Октябрина на своем «Смарте».

Полуянов вернулся быстро. Объяснил раздосадованно:

– Слинял. Ты номер запомнила?

– Да.

– Я тоже. Где он нас зацепил? Хвоста не было, это точно. Я все время поглядывал.

– Похоже, тут стоял, – тревожно предположила Надя.

– Хотя мы не появлялись дома...

– Уже два дня.

– Дим, я боюсь.

– Со мной – не бойся ничего, – отрезал он.

И, когда шли к подъезду, следовал чуть сзади и сбоку. Прикрывал ее своим телом.

С цветами Надя разобралась быстро. И даже кофточку успела сменить – с простецкой дачной на относительно нарядную. Ждала, что Димка возьмется кофе варить – она бы тогда успела бедные растения в тазы с водой поставить, но он нервничал, торопил:

– Савельев не любит, когда опаздывают.

– А если этот парень опять здесь? Что делать будем?

– По ситуации. Погоняемся. Или поговорим. По-мужски, – нахмурился Полуянов.

Но «десятки» возле въезда во двор не оказалось.

– Может, машину сменил? – предположила Надя.

– Да ну! Не те у них возможности, – отмахнулся Дима.

Ехал он резко, перестраивался неожиданно. Но, когда прибыли, уверенно сказал:

– Не было никого за нами. Может, тебе вообще показалось?

– Рыжий. Тощий. С веснушками. И чего тогда он уехал, когда тебя увидел?

– Ладно, сейчас Савельев номерок пробьет – разберемся, – важно произнес Полуянов.

Дружески кивнул дежурному, положил Наде на плечо руку: «Девушка со мной».

Когда-то Дима говорил, что они с Савельевым ровесники. Но полковник, отметила Митрофанова, выглядел куда хуже, чем ее любимая акула пера. Животик имелся, мешки под глазами. Рубашка мягкая, на затылке щетинка (Надя Димочке своему ее регулярно подбривала).

Лицо суровое – сразу напустился на Полуянова:

– Дима, шел бы ты лучше в ботанический сад!

– Зачем?!

– Там выставка тюльпанов. А в Большом театре – балеруны соревнуются. Но нет, тебе обязательно со злодеями связаться! Девушку свою втравить. Нас озадачить.

– «Как только вы начинаете писать то, что нравится всем, вы перестаете быть журналистом», – важно произнес Димка.

– Философствуешь? – хмыкнул полковник.

– Фрэнк Миллера цитирую.

Савельев тяжело вздохнул. Обернулся к Наде. Кинул на стол фотографию. Спросил:

– Это твой фотограф?

Надя сразу узнала рыжего парня с веснушками. С восторгом взглянула на полковника:

– Да! Вы его... ведете?

Тот не счел нужным ответить.

Полуянов хмыкнул:

– Не знаю, как они «ведут». Гуляет парень свободно. Сейчас у нашего дома болтался.

– Сергея Николаевича заметить непросто, – улыбнулся Савельев.

– Чего? – удивилась Надя.

– Сергей Николаевич, скрытое наблюдение, – объяснил девушке журналист. Обернулся к полковнику, уверенно проговорил: – Только не было сегодня никакого скрытого наблюдения.

– Сегодня, может, и не было, – легко согласился Савельев. – Рыжий ваш на «десятке» был? Какой номер?

– У788ТК, – хором отозвались Надя с Димой.

– Эту мы знаем, – кивнул Савельев. – И что? Вы с ним пообщались?

– Я хотел, – вздохнул Дмитрий. – Но он меня испугался. Увидел, что к машине иду, и сразу по газам.

– Дим, – посуровел Савельев, – не строй из себя Рэмбо. Дружок ваш чалый. Две ходки. Обе за тяжкие телесные.

– А сейчас он кто?

Полковник буркнул:

– Шестерка Котлова. Одна из многих.

– Взять не за что?

– Зачем нам его брать? Наблюдаем пока. Ждем, что к шефу приведет.

– А как вы на него вышли?

– Он к гражданке Митрофановой на работу явился.

– Куда?!

– В историко-архивную библиотеку, прямиком в зал всемирной литературы, – сообщил Савельев. – Хорошо, у нас теперь читальни видеокамерами оборудованы. И начальница бдительность проявила. Сообщила куда следует.

– А откуда вы знаете, что он ко мне приходил? – растерянно улыбнулась Надя.

– Так спрашивал товарищ про сестренку свою троюродную Надечку Митрофанову. Я, мол, из Кемерова приехал, звоню ей – телефон не отвечает, в квартире никого нет, где искать?

– Ой, – пискнула девушка.

Полуянов пристально взглянул на Савельева:

– А где сам Котлов-то?

– Границы с Россией не пересекал.

– Тогда не сходитесь. Если они решили все бросить и бежать, Надю караулить незачем.

– Вот именно. Я считаю, Котлов или уже в России. По чужим документам въехал. Или из-за бугра руководит. И ты им здорово мешаешь.

– Ерунда, – отмахнулся Дима. – Первый раз, что ли?

– Нет, Полуянов! – рявкнул Савельев. – Я за твою голову непутевую отвечать не собираюсь. Вы – оба! – должны исчезнуть. Немедленно. Хотите – можем даже квартиру предоставить. Правда, в Капотне. И без горячей воды.

Полуянов скривился:

– Вот уж спасибо.

– Тогда летите отсюда. Куда подальше.

– А на задержание Котлова? А эксклюзивное интервью?! Кто вам все на тарелочке принес?!

– Ладно. Тебя не жалко. Оставайся. Но Надю подвергать опасности нельзя.

Девушка взглянула умоляюще:

– Но я... мы с Димой на даче! Я только что наследство получила.

Никто про нее не знает!

– Как дети, ей-богу!

Надя взглянула на Полуянова умоляюще. Тот неохотно признал:

– Рыжего мы только в Москве встречали. А на даче все тихо.

– До поры. Говорят вам: уезжайте, пока не поздно!

– Я полечу, только если Дима со мной поедет, – твердо сказала Надя.

– Она улетит, – заверил Полуянов. – Я уговорю. То есть заставлю.

И накрыл Надину руку ладонью.

Митрофанова больше не спорила.

Но едва вышли из здания, решительно заявила:

– Дима, я тебя никогда не бросала. И сейчас тоже не брошу. А насильно ты меня через границу не перевезешь.

– Ты помнишь, что случилось с Лерой из Рязани? – сурово произнес Полуянов.

– Но она ведь была одна! А я под твоей защитой. И за Котловым – целый МУР охотится! До меня ему разве сейчас?

Журналист молчал. Девушка продолжала уговаривать:

– Дим, ну пожалуйста! Ты тут один с голоду умрешь.

Полуянов опять не ответил. Тогда она лукаво улыбнулась:

– Ладно. Уеду. Но в первый же вечер красавца-негра себе найду. А что?

Моя давняя эротическая мечта.

– Я тебе дам мечту! – строго отозвался журналист.

– Тогда не прогоняй меня.

– Надька! Ну что ты такая упрямая? Что тебя здесь держит?!

Она улыбнулась:

– Ты. И собственный дом. Разве этого мало?

* * *

Девятиэтажка напротив – подарок. Королевский. Консьержек в этих отрывках социализма не бывает. А домофон – игрушка.

Никаких лифтов. Когда идешь пешком – идеально считаешь атмосферу. Успокаиваешься. Настраиваешься.

Чердак, конечно, заперт. Уродливый амбарный замок. Применить универсальный ключ? Не выпендривайся! Кусачками проще.

На девятом этаже тихо. Время выбрано грамотно. Девять тридцать утра. Дети в школе, люмпены на работе. Бомонд (если есть он в этой халупе) еще спит.

Тихо проскользнуть на чердак. Минуты не прошло. Залезай, кто хочешь, минируй, как пожелаешь.

Фонарик. Идем аккуратно – не нужно грохотать людям в потолок. Примерно здесь... Да, точно. Грязное оконце. Заперто на простую щеколду. Открываем. Отличный вид! Только далековато. Метров пятьдесят – это минимум. Оптический прицел бы сейчас! Впрочем, из снайперской любой бы попал. А из обычного – будет чем гордиться. Быстро собираем винтовку, привинчиваем глушитель.

Вот они, окошки. Голубые шторы на кухне. Стального цвета – в гостиной. Розовые занавесочки – в спальне. Дамское гнездышко. Как ее мужик только терпит?

Три вдоха, сосредоточиться – а потом все делать быстро. Очень быстро.

Целимся – секунда – выстрел. Попали. Второй тоже. Третий – мимо. Попробовать еще раз?

Нет. Двух окон достаточно. Во дворе младенцы, мамы подняли писк. Кто-то мчится прочь со двора, смелые, наоборот, под окна. Глазеть. Снимать на телефон.

В десять секунд разобрать винтовку. Застегнуть рюкзак. Молнией с чердака на этаж. Лифт. Выйти из подъезда. Делаем милое спокойное лицо – и двигаемся дальше. Дел еще очень много.

* * *

Вечер прошел без приключений. Надя до темноты болталась во дворе, увлеченно собирала специальными грабельками прошлогодние листья. Дима сначала притворялся, будто не замечает ее трудовых порывов, но хитрая Митрофанова со страшным грохотом выволокла из сарая ржавую газонокосилку, и журналист сдался. Сначала долго раскочегаривал допотопную технику, потом примерным семьянином косил лужайку и так устал, что сразу после ужина завалился спать.

Перед тем как отдаться Морфею, дал своему айфону команду: не беспокоить. Никому – кроме авиабосса (тот на статью пока отреагировать не соизволил). Ну, и Савельева, конечно.

В итоге самолетный чиновник его и разбудил – в девять двадцать две. Голос привычно стальной, но слова сказал приятные. Дима – гений, интервью – лучшее за все его время общения с журналистами, а пару мелочей пиар-отдел сегодня подправит.

Напоследок начальник пообещал:

– Буду мемуары писать – обязательно к вам обращусь.

– Почту за честь, – хмыкнул Полуянов.

Выключил телефон и блаженно растянулся на постели.

Надюшка уже ускакала. В огороде наверняка. Все обхаживает свое поместье, барынька новоявленная.

Но – хоть и помещица – о нем позаботилась.

Окна заботливо зашторены, на стуле – свежие трусы с футболкой, грязное убрано. Тапочки, вчера сброшенные в углу комнаты, аккуратно выставлены возле кровати. Митрофанова неподражаема. Сейчас увидит его – просияет. Бросит все, побежит любимому завтрак готовить. Рекламный клип. Женитесь на библиотекарях. Даже страшно вставать, выходить – под поток нескончаемой заботы!

Он решил немного побыть сам с собой. Новости, конечно, хорошо под кофе смотреть, но и в постели, в блаженном одиночестве, – тоже вариант приемлемый.

Дима снова взял телефон, но в Интернет войти не успел. Сколько миновало времени с момента, как самолетник звонил? Минут десять. Откуда успел набраться целый ворох пропущенных звонков? Консьерж, сосед, снова консьерж. Сейчас – на беззвучном режиме – опять его номер.

– Алло, – отозвался Полуянов.

– Дима! – раздался в ответ плачущий стариковский голос. – В вашей квартире снова ЧП!

* * *

Полуянов вышел во двор. Поцеловал Надюшку. Лично подкопал и выдернул три одуванчика с огромными, как у деревьев, корнями. Дождался завтрака. Спокойно съел его и только за второй чашкой кофе сообщил:

– Консьерж только что звонил. Нам сегодня окна обстреляли.

– Как? – побледнела, глазки испуганные.

– Из охотничьего ружья. В спальне разбили и в гостиной.

– Дим...

– Надь, все укладывается в схему. Фоточки, угрозы. Выстрелы по пустой квартире. Пугают. Несерьезно. Сейчас Савельеву позвоню.

– А шторы целы?

– Чего?

– В гостиной жаккард дорогуций, – насупилась она.

– Надюха! Ты неподражаема.

Он набрал полковника. Разумеется, недоступен. Вранье, что за их квартирой присматривают. Если бы *пасечники* видели, кто стрелял по их окнам, Савельев сам бы позвонил. Уже давно.

А Надя даже кофе не допила. Встала из-за стола, сообщила:

– Я пошла.

– Куда?

– Одеваться.

– Зачем?!

– Мы что, квартиру с разбитыми окнами оставим?!

– Ну... консьержа попросим. У него ключи есть. Пусть вызовет стекольщиков.

– Дим, ты с ума сошел? Хочешь, чтобы все там затоптали? Перебили?

– Ладно, – согласился он. – Давай я съезжу.

– А почему не вместе?

– Надь. Ты вообще должна сейчас быть за тысячи километров от Москвы. Так что не нервируй меня. Сиди здесь. Запри калитку. И со двора никуда ни на шаг.

– А ты справишься? – строго спросила она.

– Уж как-нибудь, – насмешливо заверил он.

* * *

Наде очень хотелось прогуляться до сельпо, узнать новости. И мороженку скушать (день разгорался жаркий). Но раз Савельев с Димой велели, придется торчать весь день дома.

Однако едва она успела запереть за Димой ворота, затрезвонил ее мобильник. Голос в трубке бабий, склочный:

– Я с Митрофановой говорю? Надеждой? Вы почему до сих пор на себя газ не перевели?!

– Какой еще газ? – растерялась девушка.

– А дом, что ли, дровами топите? – иронически спросила тетка.

– Но я оплачиваю. Все вовремя.

– Не ты оплачиваешь, а отец твой покойный, – бабища непринужденно перешла на «ты». – А как мне деньги от покойника проводить? В канцелярию небесную запрос слать?!

– Что сделать-то надо? – примирительно спросила Надя.

– Давно надо было. Сразу, как наследство получила! – рывкнула

собеседница. – Ножками своими дойти до правления и заявление подать.

– Хорошо. Я приду.

– Прямо щаз приходи. В час я закроюсь.

– Но...

– И в межрайгаз передам. Как задолженность. Там не церемонятся – от отопления прямо завтра отрубят.

– А куда идти?

– На кудыкину гору, блин! Где правление, что ли, не знаешь?

– Не знаю пока.

– А надо знать! Центральная улица, дом десять. От дома твоего все время прямо и у почтовых ящиков налево повернуть.

Надя положила трубку. Димке, что ли, позвонить? Он, конечно, скажет: к чертовой бабушке газ. Потом переформишь. Полуянов искренне считал: коммунальные услуги – это нечто настолько мелкое, что и толики внимания не стоит. А потом искренне удивлялся, почему у них Интернет отключают.

А если от газа отрубят – это в сто раз хуже.

Посему Митрофанова решила журналисту ничего не говорить, но быстренько сбегать в правление и решить все вопросы. Ясный солнечный день, полно народу кругом. Ничего с ней не случится.

* * *

Дети всегда встречались возле колодца. А где еще? Не домой же друг к другу ходить. У Вари с Толиком весь участок цветами засажен, жалкий тюльпанчик случайно придавишь – предки голову оторвут. У Масяни папаша вечно пьяненький, гостей не гонит, но достает всех так, что сам убежишь. Да и вообще на улице веселей. Кто велик вынесет, кто самокат. Младшего брата в коляске, а то и планшет.

Все вместе играли редко, разбивались «по интересам». Девчонки классики чертят, мелюзга в песке возится. Дяде Володе еще в прошлом году под забор целый «КамАЗ» привезли, он часть истратил, остальное оставил детям на разграбление. А у другого дома – десяток бетонных блоков, можно лазить и в прятки играть.

Еще телефон-автомат стоит. Давно не работает, но иногда снимешь трубку – а в ней голоса. Шелестящие, словно с того света. Или можно наклоняться в колодец, орать – он отвечает, страшно, гулко. А рядом с колодцем – двадцать почтовых ящиков. Можно подбрасывать в них картинки с черепами.

Взрослые детское общество разбавляли редко. Зачем? Деревня, все свои. Вечером еще могли выйти, с пивом и сплетнями, а днем, в жару, прятались по участкам. Молодое поколение развлекалось самостоятельно. Заняться вот только нечем. Телефон сегодня молчал, в колодец кричать надоело. Черепов в почтовых ящиках больше никто не боялся.

Да и народу совсем немного. Близнецы Варя с Толей (один скейт на двоих). Масяня с вечными резиночками – валяется в траве, миллионный по счету себе бласлетик плетет. И хулиган Венька с водяным пистолетом. Ведро воды из колодца набрал, стреляет – то в песок, то в друзей. Варя с Масяней обычно злились, визжали, но сегодня, в жару, даже приятно. А Толик сам предложил в движущуюся мишень поиграть. Он на скейте лавирует, а Венька его расстрелять пытается. Так увлеклись, что не заметили: к почтовым ящикам тетка подкатила. На велосипеде.

Открыла номер тридцать второй. Вытащила телефонный счет, пару рекламных проспектов. Листочек в клетку с черепом и грозно-кровавым: «СМЕРТЬ!»

Расхохоталась – и пошла к детям. Спрашивает строго:

– Ваша работа?

– Нет, – хихикнула Варя.

Масяня глазами невинно захлопала:

– Мы вообще писать не умеем.

– А в «собачку» умеете? – вдруг спрашивает тетка.

Толик со своего скейта орет:

– Мяча нет!

У тетки спереди велика корзинка, в ней пакет. Вдруг берет – и мяч достает. Спрашивает:

– Такой годится?

А он смешной такой. Большой. Но не резиновый, а мягкий. Снаружи плюшевый, изнутри синтепоном набит.

– Классный! – похвалила Варя.

– Только испачкается, – заметила хозяйственная Масяня.

– Его легко постирать, – заверила тетка. И предложила: – Играем?

– Вам че, делать нечего? – удивился Венька.

– Неа. У меня отпуск, – отозвалась та.

Прицелилась – и ловко запульнула. Венька – какой ни есть шустрый – увернуться не успел. Получил в плечо. Но орать (как всегда по любому поводу) не стал. Сказал удивленно:

– Не больно.

– Мягкий потому что. Специально для «собачки», – отдельно, словно

дебилу, объяснила ему тетка. И повторила: – Ну что, играть-то будем?

Каждому из четырех дома говорили: с незнакомыми никуда не ходить, ухо держать востро и прочее ля-ля. Но эта вроде своя, раз у нее ящик почтовый. Да и не звала их никуда. А что поиграть хочет – может, правда, человеку делать нечего?

«Собачка» получилась азартной, Венька все время выигрывал и вопил от восторга, девчонки визжали, Толик прыгал, как барс.

На крики из калитки высунулась Масянина мать. Мазнула равнодушным взглядом по странной тетке, на детей рывкнула:

– Тише мне тут! Батя отдыхает.

И снова скрылась на участке.

Игра остановилась.

– Пить охота, – Венька хлебнул прямо из ведра.

Варя вздохнула:

– Нам с братом только кипяченую разрешают.

– Плевать, – Толик тоже глотнул.

Тетка виновато пожала плечами:

– Воды у меня нет. Но есть конфеты. «Очумелый шмелик».

– Чего? – недоверчиво спросил Веня.

Она снова в свой пакет сунулась, достала упаковку, показала:

– Название такое.

Дети захихикали. На обертке конфеток – пчелка с выпученными глазами. И большими черными буквами: «ОЧУМЕЛЫЙ ШМЕЛИК».

– А они вкусные? – спросил Толик.

– Обычные мармеладки, – сказала тетя.

– У посторонних конфеты брать нельзя, – строго произнесла сестра.

– Иди ты в лес! – отмахнулся брат.

Развернул «шмелика», кинул в рот. Доложил:

– Внусняшка!

Тут и Масяня решилась. Венька – тот вообще целую жмень в рот засунул. Когда снова начали играть – теперь в «вышибалы», – уже меньше половины пакета осталось.

Тетка (как и все взрослые) быстро устала верховодить детьми. Бегала все медленнее. То и дело останавливалась. Но в «вышибалы» впятером играть интереснее, да и мяч она заберет, если уйдет, поэтому каждый раз, когда она говорила: «Ну, я пойду!», ребята начинали кричать: «Нет, нет!»

Но наконец тетка выдохлась. Прервала игру в самом интересном месте, плюхнулась на колодец. Объявила:

– Я тоже пью только кипяченую воду. Но сегодня будет исключение.

И хлебнула прямо из ведра. Закусила «Очумелым шмеликом».
Дети с удовольствием набросились на остатки конфет.
– Троглодиты! – улыбнулась им тетка.
– Кто? – спросил Венька.
– Это звери такие... – начала объяснять умненькая Варя.
Но тетка ее перебила. Произнесла укоризненно:
– Хоть бы других угостили.
– А кого тут угощать? – удивился Толик.
– Когда я маленькая была, мы всем прохожим конфеты раздавали. А вон девушка мимо прошла – вы ее угостили?
– Самим мало, – Венька поспешно выхватил из пакета три последних «шмелика».
Девушка, что проходила мимо, услышала. Притормозила, улыбнулась. И пошла дальше.
– У меня еще есть, – тетка тут же открыла новую упаковку.
Одну конфетку протянула Масыне, сказала:
– Будь вежливой.
Девочка послушно сорвалась вслед за прохожей. Легко догнала, дернула за руку, протянула конфетку, прошепелявила:
– Угосядтесь.
Та взяла угощение, улыбнулась:
– Спасибо.
– Они вкусные. И называются смесно. Прямо сейчас съеьте, – строго сказала Масыня.
Девушка послушно развернула конфетку. Отправила ее в рот. Обернулась, помахала им рукой. И пошла себе дальше.
А тетка оставила пачку конфет на колодезном бордюре. Вскочила на свой велик. Крикнула им:
– Пока, ребята!
И унеслась.
Рекламные проспекты, телефонный счет, листок со словом «СМЕРТЬ» – все забыла.
И даже свой мяч разноцветный не забрала.

* * *

«Очумелый шмелик» оказался невыносимо сладким. Наде сразу захотелось пить. Заглянуть в сельпо, благо рядом? Или уж поспешить к

ворчливой тетке, пока правление на обед не закрылось?

Ладно. Времени – только начало первого, все она успеет.

Надя прибавила шагу и повернула не на Центральную, а к деревенскому магазину.

За прилавком сегодня стояла словоохотливая русская продавщица. Наде обрадовалась, сразу начала выпрашивать, успевает ли новая хозяйка в огороде, будет ли перестраивать дом.

Митрофанова, прежде чем отвечать, свернула голову пластиковой бутылке, сразу выхлебала почти половину. Только потом покаянно отозвалась:

– Ничего я не успеваю. Только выхожу во двор – сразу то одно, то другое... – Взглянула на часы: – Ой, опять опаздываю! До правления отсюда я за сколько дойду?

– А зачем тебе правление? – округлила глаза продавщица.

– Сказали, газ надо на себя переоформить, – ответила Надя.

– Га-аз? А при чем здесь они? Это надо в Красногорск, в газовый трест ехать.

Сердце слегка екнуло.

– Но мне позвонили! – начала объяснять Митрофанова.

Продавщица перебила:

– Не знаю я, кто тебе звонил. Правление сегодня вообще закрыто.

Девушка побледнела:

– Вы точно знаете?

– Да я здесь живу сорок лет! – возмутилась продавщица.

В желудке кольнуло. Пить захотелось еще больше. Прилавок, продавщица, батарея пивных бутылок на полке вдруг покачнулись. Нервы? Надя, какие нервы?! Зачем ты взяла это конфету? Зачем ее съела?! И что теперь делать?!

Она не попрощалась, выбежала из магазина. На ходу выхватила телефон. Счастье, Полуянов ответил с первого гудка. Сразу начал:

– Целы твои шторы, не волнуйся.

Надя дрожащим голосом произнесла:

– Дим, меня отравили.

– Что?!

В голове мутилось все больше.

– Дим, я потом объясню... Мне плохо. Очень.

Он спокойно произнес:

– Ты где?

– У сельпо.

– Я говорил тебе никуда со двора не выходить?! – сорвался он.

– Я... не специально... я думала... Дим. Конфета слишком сладкая была, мне сразу... ой!

Живот скрутило нещадно.

– Надя. Не отключайся. И не паникуй. Оставайся у магазина. «Скорая» уже едет. Слышишь меня?

– Д-дим, все плывет.

Она выронила телефон.

Мысли метались. Ребенок. Конфетка с глупым названием. Станный звонок из правления. Очень как-то все мелко, смешно. Легкая комедия. Разве так убивают? Но живот болит нестерпимо. А «Скорая»? Сколько она будет сюда ехать?

Из сельпо выскочила продавщица. Набросилась на Митрофанову:

– Ты что шатаешься? Пьяная?

Надя схватилась за руку женщины. Голос чужой, а лицо почему-то мамино. Строгое. Губы шевелятся, слов не слышно. Как это глухая Ольга умеет читать по губам? Как у нее получается?

Надя прищурилась, попробовала понять – по одной артикуляции.

– П.А.Л.Е.Ц.

Что за глупость?

– В.Р.О.Т.

Рвота! Точно! Нужно вызвать рвоту, как можно скорее! Спасибо, спасибо!

Надя продолжала из последних сил держаться за продавщицу. Отпустила одну руку. Засунула два пальца в рот. Ничего.

Собрала остатки сил, простонала:

– Н-не п-получается!

Продавщица опустила девушку на магазинный приступок, метнулась внутрь. Крикнула на ходу:

– Сейчас!

Митрофанова снова попыталась избавиться от содержимого желудка. Не выходило. Вспомнилось (Димка, что ли, рассказывал): «Когда травят, в яд добавляют противорвотное».

Выбежала продавщица. В руках – трехлитровая банка.

– Марганца нет. Это рассол. Огурцы я выбросила. Пей!

Женщина сунула емкость ей под нос.

Надя сделала глоток. Закашлялась. Гадость. Выпила еще. Еще.

Затошнило? Или ей кажется?

Ухватилась двумя руками за продавщицу. Отошли вместе от порога.

Надя упала на траву.

Наконец вырвало. Но легче не стало ни капли. Голова закружилась еще больше, и Надя внезапно почувствовала: она летит. Красиво. Сквозь облако. Быстро. Синее небо кругом, и мамино лицо совсем рядом.

* * *

К Наде его не пустили. Обаяние, умоляющие взгляды, журналистское удостоверение, тысячная купюра последовательно разбились о неприступный утес реанимации. Единственное, чего смог добиться, – аудиенции старичка-доктора. Тот рассказал: Надю отравили свинцовым сахаром.

– Это что такое? – нахмурился Полуянов.

– Народное средство. Жены очень любят. Не надо разводиться, имущество делить. Готовится практически на кухне, действует безотказно. Отравителя, правда, искать легко. Чтоб в организме свинец обнаружить, даже токсикологическая экспертиза не нужна. Диагноз сразу ставим. По симптомам.

И спросил вкрадчиво:

– А вы девушке кем будете?

– Друг. Прав на ее имущество не имею, – коротко отозвался Дима.

И вдруг всхлипнул. Вообще не понял, как такое получилось.

Доктор взглянул сочувственно:

– Ладно, не нюнь. Хорошо, что она желудок догадалась промыть.

Иначе сейчас в морге бы лежала.

Дима сжал ладони в кулаки, прохрипел:

– А какой... прогноз?

– Поправится. Но не сразу. По печенке удар – будь здоров, – вздохнул врач. – Ну ничего. Кровь почистим, сердечко поддержим.

– Когда ее навестить можно будет?

– Завтра, не раньше. Ты телефон мне оставь и, как зовут тебя, напиши.

– Звонить, что ли, будете? – не поверил Дима.

– Не тебе, – хмыкнул доктор. – Надо в полицию сообщить. Случай криминальный.

Полуянов спорить не стал. Послушно написал телефон.

Вышел из Красногорской больницы в полном раздрае.

Голова разрывалась.

Кто это сделал? Котлов? Но под ним самим земля горит. И стоит ли так

настойчиво мстить за статью – даже пока не написанную?

А еще Полуянов читал историю преступлений. И знал: отравления – епархия женская. Мужчины крайне редко варят на кухнях свинцовый сахар.

Как там доктор сказал? Народное средство, чтобы имущество не делить?

А кто, кстати, не дай бог, унаследует после Надьки?

Кому достанется половина роскошной квартиры (она у них в совместной собственности) и домик в ближайшем Подмоскovie?

Он сам Митрофановой никто. Детей у нее нет. Родителей тоже. Братьев-сестер не имеется. Ни родных, ни двоюродных. Хотя стоп. У Надежды теперь есть Анжелика.

Кстати, и телефончик ее нотариус им дал.

Дима поддался внезапному порыву и набрал номер.

Девушка отозвалась почти сразу. Голос беззаботный, фоном музыка, крики чаек.

– Полуянов? Кто? Друг Нади? Какой Нади? А, сестрица, типа, моя? – Анжелика хихикнула. – На пироги, что ль, зовете? По-родственному?

На заднем плане заржали – мамзель явно работала на публику.

– Анжелика, вы где? – спросил Дима.

– На Ахилле. Ой, то есть нет. На «Ахиллесе». Ахиллес, древний бог. Наша яхта. Мы на Санторини, тут круто. А вы красивый? Сколько вам лет? – голос залучился лукавством.

– Ваш муж там рядом?

– Он на работе. Но вы не волнуйтесь, мой супруг – демократ! – заверила красавица. И залилась хохотом – слишком истерическим для простенькой шутки. Давясь смехом, извинилась: – Пардон. Мы тут просто кампари с шампанским намешали.

– Ладно. Счастливого дня, – вздохнул Полуянов.

Набрал Савельева. Как всегда, абонент недоступен.

Дима отстучал эсэмэску. Попросил срочно перезвонить.

Потом попросил у доходяги в больничном парке сигарету.

– Свои надо носить, – буркнул тот.

– Я бросил.

– Чего тогда продукт переводить? – возмутился субъект в пижаме.

И пошустрил прочь на своих костылях. «Боится, что догоню и отберу?»

Дима купил сигареты и зажигалку в ларьке. Прикуривал – руки от возжеления подрагивали. Но затянулся – показалось совсем невкусно. Терпеливо выдул еще несколько дымовых колечек, закашлялся,

разочарованно растер сигарету о бортик урны. Не помогло.

Полковник не звонил.

Будем считать, он занят. Отрабатывает основную версию – фонд.

Что тогда остается?

Ехать самому в Васильково?

Домой Полуянов заезжать не стал – припарковался у магазина. Продавщица увидела его – сочувственно сморщилась. Запричитала:

– Ой, горе-то! Горе-то какое! Как там Надечка?

– В реанимации, – коротко бросил Полуянов. И сразу вцепился быку в рога: – Что Надя покупала у вас?

– Да, господи, ничего! Только воду! Очень пить, сказала, ей хочется. Она ж в это правление шла, да по жаре!

– В правление?

– Пошутил кто-то над ней. Позвонил. Велел прийти, газ на себя переоформить. Вот есть ведь подлые люди!

– А кто звонил? Она не сказала?

– Да я и не спрашивала, – смутилась продавщица. – Ее сразу тошнить начало, тут уж не до того...

Полуянов доверительно улыбнулся продавщице:

– Помогите мне, пожалуйста. Никак я не пойму, что случилось. Дома у нас она отравиться ничем не могла. А к вам пришла уже больной.

– По пути, может, чего попробовала? У Бекасовых вдоль забора волчья ягода растет.

– Рано еще для волчьей ягоды, – перебил Дима. – И отравили ее свинцом. Свинцовым сахаром.

– Тогда не знаю, – растерянно сказала продавщица. – У нас в Васильково такого никогда не было.

– Но, может, хоть что-то заметили? Необычное? Подозрительное?

– Да ничего. Надя только мне сразу показалась красной, возбужденной. Я еще подумала: пьяная, что ли?

– Она пьяной ни разу в жизни не была. А откуда Надя шла – не заметили?

– Ой, заметила! Она к магазину от колодца свернула! Может, раз пить хотела, оттуда попила? Вдруг во всем колодце вода отравленная?! – женщина побледнела.

– Не думаю, – слабо улыбнулся Дима.

Хотя версия мелькнула. Проходил он однажды мимо сельского источника пресной воды. Видел, что там за ведро. Старое, ржавое. Может, и свинец в нем присутствует? Он, правда, очень слабо представлял, что

Надя – как бы ни страдала от жажды – будет пить из общественного ведра. Но взглянуть не помешает.

Дима доехал до деревенского «культурного пятачка» на машине. Жара, почтовые ящики, дряхлый телефон-автомат. Пресловутый колодец. В куче песка у чьего-то забора возится мелкотня.

Дима набрал воды. Хлебнул. Холодная. Вкусная.

К нему тут же подскочили парень с девчонкой – постарше тех, что в песочнице. Лет десяти. Мальчишка протянул яркий мячик, спросил доверчиво:

– В «собачку» будем играть?

– Э... друг, давай в следующий раз, – улыбнулся Дима.

– А конфета у тебя есть? – грустно спросил ребенок.

Полуянов машинально сунул руку в карман. Нащупал пачку сигарет. Смущенно пробормотал:

– Нет.

– Толик, не приставай к дяде, – строго сказала девочка. – Везуки целый день не бывает.

– Это ты о чем? – не понял Дима.

И через десять минут уже знал о потрясающе доброй *тете* все. Что она была в темных очках, лицо в морщинах, но все равно молодая – потому что бегала быстрее всех. А еще конфеты у нее были вкусные. Со смешным названием «Очумелый шмелик».

– Я один полмешка слопал, – доверительно сообщил Толик.

– А кто еще эти конфеты ел? – спросил Дима.

– Да все. Варька. Масяня. Малышня. Тетька мимо проходила – мы и ей дали.

– Сами дали?

– Ну... да. Нам эта, которая с нами играла, сказала дать.

Вот это да!

Звонить Савельеву или участковому Дима не стал. Сам пошел по домам.

В первом его взгляд разбился об испуганное лицо женщины.

– Венька опять чего натворил? Ах, с кем играл? Откуда я знаю? – искренне удивилась. – Он целыми днями на улице болтается, друзей полна деревня. Со взрослой играл? Может, мамаша какая, за маленьким смотрела? Без ребенка была? Тогда не знаю. А что случилось-то?

Дима не стал рассказывать про конфеты. Их ведь все дети ели. Скажешь про яд – сразу паника начнется.

Ответил уклончиво:

– Нужна мне эта женщина. Как думаете, кто ее видеть мог?

Венькина мать задумалась.

– Только с Варей родители точно не видели. Они круглый день в огороде, попой кверху. Масянин-старший киряет со вчерашнего, тоже вряд ли. У Васильевны разве спросить? Эта вечно у окошка шпионит.

Васильевна оказалась шустрой, вездесущей и подозрительной старухой. Затараторила:

– Видала, видала. Тоже еще подумала: чего к детям лезет? Смотрела долго – вдруг курево им предложит? Или эти, как их, спицы?

– Спайсы.

– Во-во. Но нет. Она играть взялась. А потом еще конфетами покормила. Я, милоч, знаешь, чего подумала? Бывают такие. Блаженные. Своих детишек нет – к чужим лезут.

– А как выглядела она?

– Ну... шустрая такая. Хотя и старая. На лицо – все шестьдесят. Но скакала, как девчонка. Физкультуру, что ли, делает?

– Вы в Васильково ее видели раньше?

– Нет. Никогда, – уверенно сказала старуха. – Хотя похожа она на кого-то. Артистка, что ли?

– Или на кого-то из местных?

– Из местных? – старуха задумалась. – У Востряковых дочка-перестарка шустрая, тоже все скачет. Но нет. Та блондинка, и нос другой. Чего-то в ней, знаешь, от кого было? От Ольки. Этой, слепоглухой. Нет, не волосы, не лицо. То ли голос похож. То ли походка.

Дима напрягся:

– Может быть, дочка Ольги?

– Ритка?! Ой, ну ты скажешь! – отмахнулась старуха. – Ритка молодая. Синеглазая. Красотка. А эта старая была. И ущербная, понимаешь?

– Слепая? – простодушно уточнил Дима.

– Ну какая слепая, если она, как олень, скакала! – укорила Васильевна. – Просто убогая. Забитая. Горбилась. Голову опускала. Будто стеснялась.

«Или очень не хотела, чтобы ее узнали».

И Дима задал последний вопрос:

– А видеокамеры у вас тут нигде нету?

– Ой, ты сказанул! – язвительно молвила бабка. – Мне, что ль, ее на свой забор деревянный ставить? Или Артурчику, алкашу?

– Может, муниципальная? – предположил Дима.

– Муниципальная! – передразнила старуха. – Ты еще депутатов

вспомни. Кому мы тут нужны?

Полуянов обошел еще пяток домов – тех, что смотрели фасадами на деревенский «культурный пятачок» – с колодцем, телефоном и почтовыми ящиками. В паре дворов даму видели. Кто играет с *их* детьми – никто не забеспокоился. Наоборот, радовались: «Хоть заняла их, а то целыми днями без дела болтаются».

Словесный портрет в итоге получился чахлый. Худощавая, молодящаяся. Косит под девочку, но на лицо старуха. «Встречаются такие придурочные, летом по лесу с лыжными палками ходят, вроде как спорт такой». Волосы каштановые, цвет глаз никто не разглядел. Про то, что горбилась, глаза прятала и походила на слепоглухую Ольгу, одна Васильевна сказала. Остальные, наоборот, возмутились: «С Ольгой-то? Вообще ничего общего. На Маргариту похожа?! Чушь».

Но Полуянову слова старухи запали в душу.

Вернулся в дом. Без Нади он ему показался бесприютным, холодным.

Взял из шкафа пакет арахиса. Прошел в кабинет – где еще думать?

На столе, поверх пачки старых писем, валялась фотография. Трое смеются в объектив. Маргарита с Васей. И рядом – Анжела. Юные, беззаботные.

Анжела, впрочем, и сейчас хохочет, пьет с утра кампари с шампанским.

Маргарита делает карьеру. Управляет автосалоном. Интересный выбор для женщины.

А Вася давно мертв.

Стоп. Еще раз.

Вася мертв. Маргарита, потерявшая первую и единственную любовь, с головой ушла в карьеру. Однако мужчина у нее есть. Уже двое о том говорили. Иван Иванович – *якобы маньяк*. И Надя упоминала.

Никакого отношения к отравлению любимой данный факт не имел. Но Полуянов терпеть не мог непонятностей. Он сбросил с колен так и не раскрытый пакет арахиса и поспешил к Ольге.

Общаться со слепоглухой оказалось на удивление несложно. Ответ он получил быстро – и однозначный:

– Друг у Маргариты был один-единственный. Василий, пусть земля ему будет пухом. А сейчас у нее одна любовь. Работа. Целыми днями в своем автосалоне. А в выходные – массаж, фитнес. Машинам красивым хочет соответствовать.

– Но ее видели здесь, в Васильково. С каким-то мужчиной.

– Ошиблись, – уверенно возразила Черемисова. – Маргарита сюда

приезжает раз в месяц. Изведет мне все нервы – и сразу домой. А друзья детства все давно разлетелись.

Дима чуть растерялся. Но нарисовал на руке Ольги новый вопрос:

– А она не может вас обманывать?

– Я не могу сказать «вижу», – усмехнулась женщина. – Но чувствую ее насквозь. Маргарита одинока. У нее ни с кем нет серьезных отношений.

Сомнительно.

Ладно, Надюха могла не разглядеть. Иван Иванович тоже ошибся. Но крайне редко бывает, что ошибаются двое.

Скорее ясновидящая просто не в курсе. Или намеренно прикрывает свою дочку.

Что дальше? Можно поехать в автосалон, расспросить коллег. Скорее всего, у Маргариты действительно имеется сердечный друг. Но у нее ведь и собственная квартира в столице есть!

Зачем, в таком случае, ей уединяться с мужчиной в васьковском леске? И бродить с ним ночами по деревенским улицам?!

Что-то нечисто здесь.

И очень плохо, что загадочного мужчину видела именно Надя.

Может быть, она заметила что-то еще? И сама не поняла, насколько опасна для нее информация?

А теперь поплатилась за это?!

Времени у Димы имелось – сущие крохи. Он понимал: очень скоро в деревне поднимется шум. Врачи сообщат в полицию о *криминальной пациентке*, болтушка-продавщица потолкует с участковым. И все, начнется. Первым делом придут к нему. Журналист много общался с представителями правоохранительных органов, прекрасно знал: есть мотив или нет, а в отравлении всегда стараются обвинить мужа или сожителя.

Нужно делать первый ход самому.

Дима набрал Савельева.

Нарвался на традиционное: «абонент не абонент». И немедленно позвонил полковнику на прямой телефон в кабинет.

– Да! – тоном людоеда рявкнул тот.

– Это Полуянов...

И полицейский взорвался:

– Ёшь твою влево, достал ты уже! Я с пяти утра на ногах, Котлов твой, фонд, черт бы их! Навязал мне на голову!

– Что? Котлова взяли? – обрадовался Дима.

– Взяли, – чуть оттаял полковник. – И благодетеля главного, и всех дружков его. Сейчас как раз Рыжего трясут. Фотографа нашего.

– И что он?

– Рыбой притворяется, – хмыкнул Савельев. – Говорить не умеет. Но ничего. Научим. Куда денется?

– А вы... – чуть запнулся Полуянов, – всех взяли?

– Их было-то – четверо гавриков, – пренебрежительно отозвался Савельев. – Котлов – этот вроде крестный отец. Остальные шестерки. По мелким поручениям. Все, Дим. Не до тебя, пока. Завтра звони – дам эксклюзив. Может быть.

Полуянов не дал ему бросить трубку. Сказал:

– Сегодня Надюшку отравили. В реанимации лежит.

Ахать и сочувствовать полковник не стал. Сухо спросил:

– Обстоятельства?

Дима подробно доложил.

– Во сколько это случилось?

– Днем. В начале первого.

– Фонд здесь ни при чем. Всех котловских мы в девять утра закрыли, – уверенно сказал полковник.

– А кто тогда это сделал?

Савельев помолчал. Потом произнес – до чрезвычайности желчно:

– Значит, еще где-то ты нагадил. Дорогу не тому перешел. А мстят теперь девчонке безвинной. Только я, прости, не золотарь. Все твоё дерьмо разгрести не могу.

– Спасибо, – сухо отозвался журналист.

– Прости, – буркнул полковник. И неохотно добавил: – Помочь чем-нибудь могу?

– Можете, – отозвался Дима. – Нужно срочно дело поднять. Старое. 1999 года.

* * *

Тимофей Маркович клевал носом перед программой «Время» и под сюжет про очередные-внеочередные учения совсем заснул. Перед глазами проплыли танки с экрана, потом вдруг скуластое лицо киргизской продавщицы из сельпо, а сразу после стрельба началась. Старик вздрогнул, встряхнул головой. Уставился в телевизор. Дама с озабоченным лицом сообщала прогноз погоды. Откуда грохот? В дверь стучат?! На лбу выступил пот. Этого просто не может быть. Он абсолютно точно запер калитку. Всегда запирает. Уже много лет.

В окно зала, где стоял телевизор, шкрябнуло земляным комком. Пауза в пару секунд – и снова кулаком молотят по двери.

Про бандитов не думал – нечего у него красть. Зато недавнее «маски-шоу» у соседки, непутевой Ланы, вспомнилось сразу.

Неужели и к нему? Но к Лане – он точно помнил – в дверь не стучали, сразу начали ломать.

Тимофей Маркович прошаркал в коридор, жалобно крикнул:

– Кто?

– Соседи! – грубый мужской голос в ответ.

Сказки. Соседи в звонок на калитке звонят.

– Я сейчас полицию вызову! – чуть воспрянул старик.

– Это Полуянов. Из дома напротив. Открывайте или окно разобью.

И снова комком земли швырнул.

Чертов нахал! Этого пойдёшь останови.

Тимофей Маркович включил – из дома – свет на крылечке. Внимательно разглядел гостя в глазок. Один, рожа злая. Чего ему надо?

Открывать не стал, крикнул через дверь:

– Ты как во двор попал?

– Через забор перелез.

И вдарил по двери с такой силой, что в прихожей люстра затряслась.

Ладно. Лучше пустить, не то всю улицу перебудит. А ему лишнее внимание ни к чему.

Тимофей Маркович отодвинул засов.

Парень нагло оттер старика плечом, протопал в зал, по пути сунул нос в кухню.

– Вы что? Ты что? Что себе позволяешь? – голос у Тимофея Марковича от волнения осип.

Сосед не удостоил ответом. Взлетел по деревянным ступеням на второй этаж, шустро проверил все комнаты.

Старик ни жив ни мертв ждал внизу.

Полуянов спустился. Взглянул хмуро. Сказал:

– Значит, подвал. Больше нигде. Самому искать или покажешь?

– Я не понимаю! В чем дело! Что это за хамство! – получилось тоненько, совсем без угрозы.

– Кого обмануть хотели? – почти сочувственно произнес сосед. – Ничего ведь не совпадало. Ни рост. Ни возраст. Ни карта из стоматологии. Хотя, – внимательно взглянул на старика, – в части тоже было выгодно: дело закрыть-замять. И труп в последней стадии разложения очень кстати подвернулся.

Тимофей Маркович упал на диван. Схватился за сердце. Выдохнул:
– Вы сумасшедший? Я... я сейчас полицию вызову!
– Так давайте! – с удовольствием согласился парень. – Звоните. Вместе все и расскажем.

И телефон протягивает.

Морда веселая:

– Звоните: 112. Или сразу 02. Может, за явку с повинной скидку дадут.
Ну, давайте, Тимофей Маркович!

Старик опустил голову. Номер набирать не стал. А Дима – почти сочувственно – произнес:

– Кто мешал к правозащитникам пойти? В комитет матерей солдатских? Максимум, что грозило, – год за дезертирство. А то и вовсе в другую часть бы перевели, дали дослужить. Нет, всю жизнь под откос пустил! Сам себя в тюрьму загнал. Ни семьи, ни работы. И отсидел уже – за убийство столько не дают. Не обидно? Не жаль?!

– Не смейте! – упорствовал старик. – Не смейте... порочить Васину память!

Но вдруг услышал: шарахнула крышка подвала. Простучали по деревянным половицам шаги. И сын – вечно бледный, криво постриженный – явился на пороге гостиной.

– Ва-ася... – простонал Тимофей Маркович. – Зачем ты? Он бы ушел сейчас.

Сын тяжело вздохнул:

– Бать. Не уйдет он.

С вызовом взглянул на соседа. Протянул ему руку:

– Василий.

Тот не остранился. Пожал.

– Дмитрий.

– Ты служил, Дмитрий?

– Да.

– Где?

– В десанте.

– Вот и я хотел, – мечтательно произнес Василий. – В ДОСААФ занимался, третий разряд по парашютному спорту. А у меня на комиссии *шумы* нашли. Понимаешь – проклятые, только врачам слышные шумы в сердце! И отправили не в десант – в стройбат. Только у нас в стране может такое быть! С парашютом прыгать нельзя, а бетон тягать – ничего, можно. Ты мой ровесник. Сам должен помнить. Как оно в стройбате было, в конце девяностых. Я в части москвич оказался один. Да еще с гонором. Деду

носки стирать отказался. Ну, в первый день и остался без четырех зубов, – улыбнулся щербато, вздохнул. – А дальше еще круче пошло. Чего тебе рассказывать? Ты журналист. Сам должен знать, какой тогда беспредел был.

Полуянов с интересом разглядывал добровольного пленника. Ну, бледный. Глаза диковатые. В остальном – адекватный, современный, смазливый – нет, не парень уже. Дядечка.

И – в отличие от отца, который бессильно упал на диван, – даже будто рад. И совсем не волнуется. Спросил с интересом:

– Как ты узнал?

Полуянов улыбнулся:

– Сначала Надя моя пожаловалась. Что испекла торт – а ее и на порог не пустили. Потом парень из интернет-компании Тимофей Марковича похвалил. Старик, сказал, мешок с костями, но мыслит современно. Интернет у человека – самый быстрый в деревне.

– Трепло проклятое! – буркнул Вася.

– Но главную идею Ольга Черемисова подала. Переживает она за дочку свою, которая денно и ночью в офисе, никакой личной жизни. До сих пор, мол, тоскует по милому, давно в бозе почившему. Я и задумался: с каким-таким мужчиной Маргарита тогда гуляет?

Тимофей Маркович, будто пружиной выбросило, вскочил с дивана. Налетел на сына:

– Ва-а-а! Я ведь просил тебя!

– Бать, ну мы только ночами, – виновато обернулся к нему Василий. – Не могу ведь я всю жизнь под землей просидеть. Но мы людям на глаза сроду не попадались. В лесу хоронились. Я в темных очках, в капюшоне. И домой всегда приходил, прежде чем рассветет.

Жалобно обратился к Диме:

– Ну, наткнулись однажды на грибника. Или ночью видел кто издали, что Маргаритка с парнем идет. Но меня-то как разглядели?

– Никто тебя и не разглядел, – усмехнулся Дима. – Я с другой стороны двинулся. Целенаправленно запросил дело рядового Василия Першина. И нашел там много интересного. А когда прочитал про труп в последней стадии разложения, сразу понял: нужно ва-банк идти. Забор у вас высокий, но для десантника – не преграда.

– А ты че? Типа, борец за справедливость? – скривил лицо беглец. – Преступника нашел опасного? Статеечку хочешь тиснуть?

– Да не герой ты для статеечки, – поморщился журналист. И потребовал: – Расскажи мне про Марго.

– А что Марго? – Вася растерянно улыбнулся. – Когда я умер – ну, якобы умер, а на самом деле домой вернулся, – я сначала ей ничего говорить не хотел. Но отец рассказал: переживает она очень. Похудела, почернела. Ну, я ведь не варвар. У нас в лесу заветное место было. Где мы целовались всегда. За оврагом, на полянке. Пошел однажды туда. Вспомнить. Смотрю – и она идет. Вся в слезах. Я за дерево присел, она что-то увидела. Как заорет: «Кто здесь?» Я пугать ее – типа, являться – не стал. Сбег тихонько. А когда в следующий раз пришла, прилепил на дерево записку. Марго прочитала, руки трясутся, кричит: «Вася! Я знала, знала!» Ну, я и вышел.

– Романтика, – саркастически прокомментировал журналист. – Почти двадцать лет хоронились. По лесам да подвалам. Хотя могли бы пожениться спокойно – а сейчас детей замуж выдавать.

Он не сводил взгляда с Василия – и увидел: лицо мужчины дрогнуло. Глаза лихорадочно метнулись влево, вправо.

Дима продолжил давить:

– Что вам мешало? Ты из части ушел втихую, без оружия. Никого не убивал. Какого рожна себя заточать добровольно? Сто раз бы уже искупил вину и новую жизнь начал.

Василий судорожно сглотнул:

– Я... я хотел. Но Марго...

– Вася! – Тимофей Маркович взметнулся с дивана.

– Но Марго... нравилось и так, – сын бросил на отца виноватый взгляд.

– Ерунда, – отрубил Дима. Впился взглядом в узника: – Вы с Маргаритой ведь часто ходили в заброшенный замок?

– Нет, нет! – окончательно перепугался Василий. – Мы вообще там ни разу не были! Мы только в лесу!

– Нет, Вася, – спокойно возразил Дима. – Вы были в замке. И там же однажды оказалась девочка. Вика. Забралась туда на беду.

Тимофей Маркович вскочил с дивана. Налетел на Полуянова:

– Не смей! Не смей на него давить!

Дима бережно, но твердо отодвинул старика. Схватил несостоявшегося десантника за грудки:

– Вика – она ведь тебя узнала? Конечно, узнала. По соседству жила!

И десантник несостоявшийся сдался. Взвизгнул:

– Я не хотел! Я никогда бы ничего ей не сделал. Но Маргошка... я даже понять не успел... она размахнулась и...

– Дурак ты, сын! – презрительно выплюнул Тимофей Маркович.

– Теперь я понял, – кивнул Дима. – Ты в подвале не за дезертирство. Ты за убийство сидел.

– Это не я! Это Марго! – без тени сомнения сдал возлюбленную Василий.

– Эх, ты. Голубой берет, – не удержался Полуянов. И жестко спросил: – А Люсю за что убили? Она тоже тебя узнала?!

Мужчина в ужасе взметнул руки:

– Нет! Нет! Это не мы! Мы здесь вообще никак!

– А по-моему, очень похоже. Тяжелым предметом по голове. Ночью. Около замка.

– Но подумайте: зачем нам? – Василий яростно кусал ногти. – Кто мне эта Люся? Ей только пятнадцать лет было! Уже после моей смерти родилась! Откуда ей меня знать?! А просто так убивать – мы ведь не маньяки!

– И вообще. Болел он в тот день, – хмуро добавил Тимофей Маркович. – С ангиной валялся. Температура тридцать девять. Даже в подвал свой не уходил. Дома спал.

Да. Здесь не сходилось.

– А Надю мою зачем отравили? – с ненавистью произнес Полуянов.

– Надю? – ахнул Тимофей Маркович. – Что вы говорите такое?!

Василий растерянно произнес:

– Надя – это ваша девушка?

– Да. И сегодня ей дали яд. Дала женщина, очень похожая на Маргариту.

– Когда? – наморщил лоб Василий.

– Днем.

– Она жива? – с надеждой спросил Тимофей Маркович.

– В реанимации. – Полуянов не сводил взгляда с дезертира.

Тот в растерянности забормотал:

– Но Маргарита... она работает. Это легко проверить. Она целыми днями в офисе. А главное – зачем ей вашу Надю травить?

– Надя вас видела. Вчера ночью, когда вы шли по поселку.

– Она сказала вам, что видела именно меня?

– Нет, – неохотно признал Полуянов. – Просто про Маргариту сказала: с каким-то мужчиной.

– И за это убивать? Мы что, похожи на идиотов?! – взвился Василий.

– Она видела старую фотографию, где вы вместе, – не слишком уверенно произнес Дима.

– И что? Надя сказала вам, что узнала меня?

– Нет, – повторил Полуянов. – Но мало ли что в ваших головах?

– Да нормальные у нас головы! – воскликнул Василий. – Тогда, с Вичкой, – да. Пере***али. Но мы ведь не дурные. Нам второе убийство – ну, этой, Люси, – наоборот, все карты поломало. Трясемся теперь – как бы до нас не докопались.

Он молитвенно прижал руки к груди:

– И Марго – она совсем не такая! Думаете, ей легко, раз, два – одного убила, другого? Знаете, как она мучилась?! Как страдала! Да. Мы виноваты. Но это была одна-единственная ошибка. Роковая.

Полуянов не владел искусством допроса. Только дезертира, отвыкшего от людей, особо *считывать* и не надо. Коснулся больной темы – у того все сразу на лице нарисовано. Про убийство Вики и раскалывать не пришлось. А к смерти Люси, отравлению Нади парень, похоже, отношения действительно не имеет.

Дима резко сменил тему:

– Чем ты занимался? Все это время?

– Сначала учился. Сам. Потом программки пописывал. Продавал. Бате денегат подкидывал к пенсии. Откладывал. Надеялся, что мы с Маргариткой когда-нибудь из подполья выйдем. Уедем далеко-далеко. Хотя она говорила: «Не получится ничего». Права была.

Парень вздохнул:

– Теперь-то что? Ментам нас сдашь?

– Ментов давно нет. Теперь они полицией называются, – сообщил Дима. Спросил: – Марго к тебе когда теперь наведается?

– Сегодня вечером обещала.

– Вот и отлично. Вместе пойдем.

– Но...

– Вась, давай без «но», – ласково попросил Полуянов. – Выбора у тебя все равно нет.

* * *

Маргарита – как обычно, в черном, с легким рюкзачком за плечами – вышла из электрички. Дачники спешили, толкались тюками. Торопливо расползались к автобусам.

Она переждала, пока схлынет поток. Раньше приходилось притворяться, будто газетенку себе выбирает в одиноком ларьке. Сейчас проще: на платформе поставили кофейный автомат. Заплатила, очень

медленно, за двойной эспрессо. Маленькими глотками выпила. Платформа опустела.

Марго вынула из рюкзачного кармашка *Васину трубку*. Черкнула эсэмэску:

Выхожу.

Любимый обычно отзывался – минуты не проходило. А сегодня вдруг тишина.

Маргарита спустилась на станционную площадь. Телефон молчал.

Ладно. Аппараты и у нее, и у Васи левые. Набрала знакомый номер.

– Риточка? – голос суетливый, странно радостный. – Ты приехала уже?

Сроду он ее не называл деревенским, ласковым имечком.

– Что случилось? – выдохнула она.

– Иду. Иду уже. К нашему месту, – с нажимом произнес Вася.

И запищали гудочки.

Останавливаться и *думать* – никак нельзя. Площадь малолюдна. Таксисты смотрят внимательно. Маргарита решительно зашагала по разбитой асфальтовой дорожке. Мимо пары ветхих четырехэтажек, детского садика со страшно черными, мрачными игровыми верандами.

Что Василий хотел ей сказать? «Не приходи»? «Спасайся!» Или, наоборот, «Помоги мне!».

Она еще раз набрала номер. Строго начала:

– Ты один?

– Риточка, да, конечно! – с жаром произнес Вася. – Я тебя очень жду, очень люблю.

Слышимость отличная. Говорит на ходу. Можно разобрать, как ветки под ногами хрустят. Как-то очень громко. Хотя обычно Вася осторожно ходит. Словно пантера.

Ладно. Разберемся на месте. Может, почудилось ей просто – нехорошее.

Но прежде чем свернуть с окраины городка в лес, Маргарита подобрала на обочине аккуратный кирпичный обломок с заостренным концом. Изрядный, весом в добрых полтора килограмма.

И ускорила шаг. Нужно оказаться *на их месте* первой. Тихонько, из засады, посмотреть, все ли с Васей в порядке. Один ли он пришел. А если нет, действовать по обстоятельствам.

Дима сразу решил: удача сама просится в руки. Надо идти в лес вместе с Василием. И немедленно беседовать с Маргаритой. Неожданность и натиск всегда впечатляют. Особенно когда поразить надо дамочку.

И лишь когда вышли из дома – а вечер оказался ненастным, небо в плотном кружеве туч, – Полуянов подумал: «А для чего, собственно, action? Зачем мне самому выбивать из Маргариты признание?»

Вечер безупречно тих, деревья замерли. Луной и не пахнет. Какого рожна он вообще потащился вместе с Васей в лес? Не проще ли было скинуть Савельеву диктофонную запись допроса (телефон на запись он включил сразу), и пусть Маргариту колют профессионалы?

Да, когда сам допрашиваешь преступника, статья выходит куда эффективней, чем «по материалам пресс-службы». Но Дима только сейчас – когда они давно за околицей – начал реально осознать, что, возможно, переоценил свои силы. Два слабака в паре встречаются очень редко. Васек, безусловно, жалок. Но вряд ли таковой же окажется женщина, которая много лет подряд успешно продает авто класса люкс. И носит в себе убийство беззащитной девчонки.

Полуянов остановился. Василек подобострастно обернулся к нему:

– Почти пришли. Мы после оврага вон на той поляне встречаемся.

Дима посмотрел на часы: половина двенадцатого.

Василий перехватил его взгляд, затараторил:

– Мы просто раньше. Маргарита обычно в полночь появляется. Да я позвоню ей сейчас, пусть поспешит. Тут сеть плохая, но иногда берет.

Полуянову вдруг показалось: хрустнула ветка. И снова – звенящая, тревожная, предгрозовая тишина. Резко обернулся: никого.

Василек тем временем вытащил телефон. Сдвинул блокировку. Экран засветился.

«Никогда не привлекай к себе внимания ночью в лесу», – пронеслось в голове давнее армейское наставление.

За спиной снова шорох. Дима подпрыгнул, успел развернуться, увидел: от сосны, из темноты, на него мчится темная поджарая фигура. Подобрался, приготовился к сшибке – но тут из-за спины неожиданно на него бросился робкий узник подвала Василий, сбил подсечкой.

Такого Полуянов не ожидал. Грохнулся на бок. Несостоявшийся десантник немедленно навалился, ткнул лицом в землю, прижал коленом. И Дима не увидел – почувствовал: в голову целится что-то тяжелое, страшное. Отвернуться он не успел. В затылке хрустнуло. И угасающим уже сознанием Дима услышал:

– К болоту его. Там закопаем. А дед молчать будет.

Надя вздрогнула и проснулась. В глаза казенным, злым светом была лампа, воздух пахнул уколами и дезинфекцией.

«Где я» гадать не пришлось. Больничный запах дочь медсестры Митрофанова впитала с молоком матери. Надя скосила глаза на капельницу, что вцепилась ей в руку, пошевелила ногами. Голова кружится, слабость страшная, но трубка изо рта не торчит. И врачей никого поблизости. Значит, состояние не критическое.

Однако из реанимации не перевели. Мужчин с дамами здесь не разделяют, так что на соседней койке метался, бредил в забытьи какой-то дедок. Простыню сбросил, обнаженные чресла напоказ (жалкое зрелище!).

«Опять рядом старичок», – усмехнулась Надя.

Ура. Она снова может шутить.

Как бы хорошо сейчас – словно в американском фильме! – выдернуть из вены иголку капельницы и поскорее бежать отсюда!

Одежду только взять негде. А покидать больницу голой – не боевик, но совсем другой жанр. Да и к чему геройство? В реанимации без нужды не держат. Значит, ее жестко отравили. Печенка – Митрофанова нащупала – выпирала из-под правого подреберья болезненным кругляшом. Терпи, Надежда. Спокойно лежи рядом с умирающим старичком. Восстанавливай силы.

Часов здесь – словно в казино – не имелось. Но в скудное окошко у самого потолка она увидела: светлая среднерусская ночь. До рассвета изрядно.

Что сейчас Димка делает?

За компьютером, где ему еще быть?

Представила: всклокоченный, глаза красные. Лупит по клавишам, вглядывается в экран. Ищет, рыщет. А толку? Вон, ее едва не убили из-за него.

«Сволочь ты, Полуянов! – сердито подумала Надя. – Подставил меня. Не уберег».

О том, что Дима умолял ее уехать из страны, Митрофанова забыла. И что охранял, никуда не отпускал одну, тоже. И что с участка категорически запрещал выходить, не вспоминала.

Продолжала себя растравлять: «А я ему – что живая, что мертвая! Вообще человеку на все наплевать. Хоть бы сюда, в реанимацию, пробился, поддержал, пожалел».

Официально запрещено, но Дима своей книжицей журналистской еще и не такие двери мог открыть. Если желал, конечно.

Значит, просто не захотел.

Она вообще ему не нужна. Но вдруг пришло осознание: и он ей не нужен! Давно пора покончить с бесперспективными, тяжелыми отношениями! Сколько можно веревки из нее вить? Надоело обихаживать красавца, подлаживаться, вечно бояться, что бросит! И получать взамен одинокие ночи в жалкой больничке.

Возлюбленный в одночасье обратился во врага.

Наде в голову не пришло, что гнев ее имеет медицинскую природу. Забыла, как ей мама рассказывала, что печеночники – самые сложные пациенты. Всегда обижены, взвинчены, раздражены.

И сейчас Митрофанова искренне, с удовольствием злилась. Дима – ничтожество. Предатель и потребитель.

«Чтоб ты сдох, гад!» – вырвалось у нее.

Опешила. Прикрыла ладошкой рот. Поразилась непривычности слов – но упорно повторила:

– Чтоб ты сдох!

* * *

Сознание уплывало.

Он еще чувствовал, как руки за спиной больно стягивают веревкой. Как волокут по тропинке, как крапива с осокой вгрызаются в его тело.

Попытался извернуться – но сразу упал в темноту. Пролетел в черной невесомости с десяток этажей.

И вдруг приземлился. Увидел ослепительно солнечный день. Кладбище. Беспечное небо. И себя самого – в гробу. Брови сурово насуплены, губы сжаты. Руки уложены на животе, в них свеча, на ладони капает воск – но боли нет. А глаза, хотя и закрыты, почему-то все видят. Причем не со стороны, как положено призраку, а прямо из гроба. Вот секретарша Мариночка Максовна роняет слезки, красавицы-стажерки щеголяют черными кружевами и юбками-мини, даже главнюга снизошел – стоит рядом с гробом, теребит траурный галстук.

Но ближе всех к нему, конечно, Надюха. Сидит на табуретке у самого изголовья. Только в лице ее – ни сочувствия, ни тоски. Наоборот, гневная, раздраженная. Склоняется к гробу (вроде как поцеловать), но губами даже не касается. Яростно шепчет:

– Предатель. Сволочь!

И Дима понимает: они – все, кто собрался на его похороны, – чуть ли не рады тому, что он навсегда покидает их мир.

Вскочить бы сейчас. Опрокинуть гроб, оглохнуть от дамского визга.

Но Полуянов по-прежнему не может даже кончиком пальца шевельнуть.

Он тщетно ждет хотя бы одной слезинки из Надиных глаз, но видит в них одни только искры ярости.

* * *

Едва хлопнула входная дверь, Тимофей Маркович вскочил, заметался по дому. Что делать?! Что? Сына опять – в который уже раз! – нужно было спасать. Немедленно. Но как?!

Васенька всегда нуждался в попечении. Что поделаешь, таким его Бог создал – послушным, милым телком. Нежная шелковая ниточка. Обязательно ему иголка нужна. Сначала отец тащил. Потом Маргарита подключилась. Заставляли учиться. В институт поступать. А когда недобрал баллов, наставляли: армию нужно банально перетерпеть. Сжать зубы – и закалять характер. Но Васенька в жестких условиях стройбата быстро поплыл. Забыл все указания своих «начальников» – и дунул прочь. Домой. К папе и Маргарите.

Хотя и телок, а единственный свой самостоятельный поступок – побег из части – обставил весьма умело. Смог и одежду штатскую раздобыть, и на перекладных до дома добраться – почти две тысячи километров на попутках да электричках. А едва явился в Васильково, с неприкрытым облегчением снова перешел на попечение тех же отца и Маргариты.

Они за него и решили: с повинной не идти. Сокрыться дома и сидеть тихо. Ждать, пока истечет срок давности.

Только высшие силы распорядились по-другому. Спустя полгода после побега Тимофею Марковичу позвонили из части и сообщили: труп сына найден. Надо приехать, опознать.

Старик не хотел. Но Маргарита убедила: так будет лучше. «Еще пару лет попрячемся, а потом я денег накоплю, и мы с Васенькой за границу сбежим. По чужим документам».

План хлипкий, но Тимофей Маркович поверил.

Черемисова-младшая вообще могла убедить кого угодно.

Она все время внушала им обоим, гипнотизировала: тайная жизнь для

Васеньки – самое лучшее.

Сначала превратила его сына в игрушку. А потом замазала мальчика в убийстве. И ведь ни капельки не раскаивалась! Повторяла: «Девчонка сама виновата. Нечего было шпионить».

На уговоры пойти с повинной только смеялась. А сдать Маргариту Тимофей Маркович не решился. Тогда ведь и сыночка его за собой утянет.

Тогда все обошлось. Но что будет сейчас?

Старик понимал: жесткая девица прикажет Василию *убрать* свидетеля. И тот (хотя сам убивать и не будет) покорно с ней согласится. Станет соучастником. Вот и готов еще один срок. По совокупности – лет пятнадцать.

Что, что теперь делать? Бежать за ними? Останавливать? Уговаривать Васину избранницу, чтобы не трогала журналиста?

Но куда ему против дикой кошки Маргариты! Восемьдесят годков, сердце колотится, аритмия накатила страшнейшая. Просто не догонит. В лесу темно, сын и сосед идут быстро.

А если догонит – все равно не справится. Бесполезно и пробовать. Оставался один-единственный выход.

* * *

Солнечный день его похорон погас. Померкли краски, размылись фигуры. Теперь Дима летел по узкому черному тоннелю. Скорость с каждой секундой все больше, и пластмасса обдирала бока – словно в аквапарке, на горке «Черная дыра».

И никаких впереди источников света, никаких ангелов. Просто бесконечное, довольно болезненное движение. Совсем не похоже на путь в рай.

«Все вранье, – устало подумал он. – Нет ничего после смерти. Сейчас тоннель кончится – и будет просто полная темнота».

Где-то далеко – фоном – он слышал разговор. Мужской голос жалобно умолял. Женский – жестко приказывал.

А потом вдруг в ушах Надюхин речитатив прозвучал. Презрительный, едкий:

– Слабак ты, Димка.

И сердце словно разорвалось. Он с трудом, бесчувственным языком, нащупал собственную губу. Со всей силы вцепился в нее зубами. Адская боль стрельнула в мозг – и у него получилось! Глаза – уютно закрытые,

укутанные во тьму – распахнулись. Начали различать: ночь, звезды. Равнодушный лик луны. Двоих, что стояли неподалеку и жарко спорили.

– Рита, давай просто бросим его. И убежим! – дрожал Васин голос.

– Куда? – орала она в ответ. – До первого мента? Он все знает, он сдаст нас!

Раздрай в рядах гонителей. Что может быть лучше!

Полуянов попробовал разорвать веревку, что стянула запястья. Не выходило. А подняться? Голова кружилась отчаянно, но он все же смог повернуться на бок. Теперь аккуратно на четвереньки, и...

– Я кончаю его! – рявкнула Маргарита.

Лунный свет услужливо обозначил обломок кирпича в ее руках.

Она быстрым шагом двинулась к нему.

Полуянов замер, так и не успев приподняться. Откинул голову (жертва вроде как без сознания). Но едва Маргарита приблизилась, извернулся на пятой точке, изо всех сил ударил ее ногами чуть пониже коленных чашечек.

Амазонка ахнула, упала. Требовательно завопила:

– Вася, помоги!

Дима не стал ждать, какой выбор сделает горе-десантник. Влепил девице головой в живот.

Хотел добавить еще – ярость булькала, переполняла, – но вдруг услышал властный голос:

– Нт. Нт.

Удивленно обернулся. Что за фигура идет к нему быстрыми шагами? Страшная, в черном плаще. Смерть? Нет. Соседка. Слепоглухая. Ольга Черемисова.

– Пошла к черту! – истошно завопила Маргарита.

Ольга мимолетно обернулась в сторону дочери. Махнула в ее сторону рукой – словно брызги стряхивала. И Маргарита буквально взвыла от боли, начала извиваться на земле.

А Черемисова приблизилась к нему. Он только сейчас разглядел, что в руках у нее блестит нож. Инстинктивно отпрянул. Но губы женщины растянулись в улыбке:

– Дбр. Д-о-б-р-о.

– Вали отсюда! – истошно заорала Маргарита.

Мать в ее сторону и не обернулась.

Легко присела на корточки. Провела по Диминому телу рукой. Быстро нащупала веревку, что стягивала его запястья. Перерезала. Потом опустилась рядом с ним на колени. Взяла в ладони его лицо. Глаза в ярком лунном свете казались черными, страшными. А губы шептали:

– Нт. Нт. Пжт.

– Ненавижу тебя! – злобно выкрикнула Маргарита.

Она порывалась встать, но – удивительное дело! – не могла. Продолжала корчиться на земле. «Странно», – подумал Дима. Он, конечно, врезал ей от души – но был уверен: увечий не нанес. Не так воспитан, чтобы калечить женщин.

Черемисова, не обращая на дочь внимания, властно приказала:

– Вс. Сд!

Горе-десантник послушным козликом прискакал. Ольга схватила его за руку, распорядилась:

– Првд.

Начала быстро водить пальцами по его ладони.

И Василий, виновато кося глазом на журналиста, забормотал:

– Отпусти ее. Пожалуйста.

– Ваша дочь убийца, – холодно парировал Полуянов.

Черемисова взглянула на него пустыми глазами.

– Но она моя дочь.

Ее пальцы заплясали по Васиной руке еще быстрее:

– Лично тебе она не сделала зла.

– Неужели?! – взвился Полуянов.

– За девочку Вику Маргарита будет гореть в аду, – спокойно продолжала слепоглухая. – А Надю она не трогала.

Дима молчал.

Младшей Черемисовой наконец удалось подняться на четвереньки. Куда только делись вся надменность, уверенность, гонор? Подползла к нему – грязная, жалкая. Склонила, как побитая собака, голову. Забормотала:

– Я не травила ее. Клянусь!

Вася встал рядом, с мольбой прижал к груди руки:

– Я говорил вам уже! Мы не звери! Нас... нас просто в угол загнали.

– Тогда кто это сделал? – жестко спросил Полуянов.

Любовники растерянно переглянулись.

Маргарита откинула с лица прядь испачканных землей волос:

– Я сегодня весь день была в офисе. Четыре встречи. Два совещания.

– А я днем из дома вообще не выхожу! – отчаянно добавил Василий.

– И незачем им ее убивать, – сурово и почти разборчиво добавила старшая Черемисова. – Никакого резона нет. Но я могу тебе помочь.

Колдунья взяла Димину ладонь. Медленно и четко провела по ней пальцами.

САНТОРИНИ.

– Что это значит? – обернулся к ней Дима.

– Бл вдн. Клч.

– Было видение. Это ключ, – услужливо подсказал Василий.

И вдруг всхлипнул:

– Дим, ну, пожалуйста! Отпусти нас. Мы больше не будем.

– Вася! Не смей унижаться! – выкрикнула его возлюбленная.

– Пжлст, – с мольбой взглянула невидящими глазами слепоглухая.

Ситуация выглядела странно. Глухая ночь. Лес. Дима один против троих. Безоружен. Голова отчаянно кружится. Но именно они о чем-то его умоляют.

«Что я их, сейчас в полицию поведу?» – усмехнулся он про себя.

Черт с ними. Сами попадутся. Да и другие дела у него имелись. Гораздо, гораздо более важные.

* * *

Дома Дмитрий оказался к трем ночи. Голова трещала, в затылок стреляло, будто из пулемета.

Первым делом он позвонил в больничную справочную. Сонный голос отозвался: состояние пациентки Митрофановой средней тяжести. Дима из последних сил улыбнулся. Средняя тяжесть – ерунда, мелочь. Совсем не то, что крайне тяжелое (как сказали накануне вечером). Значит, Надюшка выберется. И можно чуть сбавить накал тревоги о ней. Не мчаться прямо сейчас в больницу, не рыскать по столице в поисках самого лучшего врача-гепатолога. Его долг – в другом. Нужно найти и обезвредить того, кто все это с Надей сотворил.

Дима не верил в предсказания.

И тем более не верил Черемисовой. Слепоглухая уже пыталась пустить его по ложному следу. С легкостью оговорила бросившего ее Ивана Ивановича. Лихо врала, что у Маргариты единственный любовник – работа. Да и сегодня она спасала дочь. Тут в отчаянии что угодно предскажешь.

Однако слово «Санторини» могло и вправду оказаться ключевым.

Потому что Полуянов прекрасно помнил, когда его слышал.

Совсем недавно, вчера днем, когда отравили Митрофанову, он звонил ее сестре Анжелике. И та ответила, что находится на сем прекраснейшем островке. Пьет с раннего утра кампари вперемешку с шампанским. Голос

возбужденный. Веселый до неестественности. Его тогда еще резануло. Не то, что спиртное употребляет с утра (это у богачей дело обычное). Смутили гудки, бившие в ухо, прежде чем дамочка взяла трубку. Были они нашенские, обычные. А не объемные, как в роуминге. Но тогда Дима этому факту значения не придавал. Увлёкся теорией, что Надю отравила Маргарита.

Но сейчас у него оставалась единственная подозреваемая. Анжелика Рыбакова.

Нотариус сообщил Наде: ее сводная сестра за ровней себе – таким же студентом – и года замужем не продержалась. Выгнала парня, начала себе выгодную партию искать. И нашла. Петр Покладин, олигарх, номер такой-то в списке «Форбс». Богата до умопомрачения, дачка на Новой Риге для нее мелочь, стоимость дизайнерской шиншилловой шубки. Но так ли это на самом деле?

Чужую жизнь за пару часов рентгеном не просветишь, особенно с его невеликими возможностями. Но выяснить, действительно ли Анжелика сейчас находится на Санторини, Дима мог.

* * *

Анжелике очень нравилось, что в бизнес-классе стюардессы стоят на коленях. То есть не совсем на коленях, на корточках, но тоже очень приятно. Когда летала с Петром, правда, всегда получалось, что небесные стервочки вокруг мужа кружатся. «Какого желаете шампанского? Принести вам еще икры?» А ей доставались только жалкие объедки внимания. Стюардессы (как официантки, портье, горничные и прочий сброд) безошибочно определяли, кто в *паре* заказывает музыку. А Петр их отношения с самого начала определил: «Я в семье главный. Спорить не смей». Похлопал по попе и заверил:

– Пока при мне, всегда будешь в шоколаде.

Шоколад, правда, получался весьма относительным. Адвокат Петра сразу подсунил ей брачный контракт. Согласно которому Анжелика имела право пользоваться всей недвижимостью мужа. И кататься на машинах супруга. На том бонусы и кончались. Она ездила с мужем на модные курорты – но делала лишь то, что желал Петр. Он в казино – она рядом, давится дымом. Супруг возжелал учиться кайтингу – сиди на берегу и смотри. Бриллиантов ей Петр не дарил, обходился безделушками от «Тиффани». А тряпки (даже самые брендовые) капиталом никак не назвать.

Анжелика уже готовилась поднять бунт, но сделать этого не успела.

Надоела Петру раньше.

Сам супруг мараться, выяснять отношения не стал. Прислал к Анжелике юриста. С подписанным заявлением на развод.

Законная жена пыталась в качестве отступных хотя бы квартиру в столице выбить – и того не вышло. Пришлось довольствоваться грошами: пять тысяч евро в месяц. И если новое замужество, стипендии немедленно крышка.

Ух и бесилась же Анжелика! Хотя кого винить? Только себя. Надо было или бóльшего лопушка выбирать, или еще до свадьбы на нормальном брачном контракте настаивать. А она понадеялась, что будет из Петра (с виду простоватый, деревенский купчина) веревки вить. Как из студентика, за которым первый раз замужем была.

Вот и сиди теперь у разбитого корыта. Всего капитала – жалкие ежемесячные пять штук, да панельная «двушка», что отец ей еще давно отписал.

Но по зрелом размышлении жаловаться на судьбину Анжелика не стала. Никому. Даже папочке. Смысл признавать, что тебя развели, как последнюю из лохушек? Да и мало радости, когда тебе – неудачнице – все, кому не лень, начнут кости перемывать.

В убогой наследственной квартирке Анжелика после развода появилась только однажды. Оставила там четыре чемодана с зимними вещами – и улетела в Италию. Одна из подружек сидела на Сицилии замужем за местным графом и ужасно скучала. Анжелика наврала ей, что Петр получил государственный контракт и просто отчаянно занят. Подруга не стала расспрашивать о деталях. С восторгом предоставила кров, стол, одну из горничных и место на яхте. Старенький граф не возражал.

Поначалу Анжелике казалось – без Петра даже лучше. Не надо подлаживаться, вечно оправдываться, постоянно придумывать, как бы раскошегарить маломощный мужнин член. Ее вкусно кормили, возили в оперу, брали с собой на все вечеринки. Но однажды она, спускаясь к ужину, чуть задержалась на лестнице и услышала, как граф спрашивает жену: «Когда уедет твоя бездомная?»

Анжелика не разревелась только потому, что жаль было тщательно наложенного мейкапа. Зато ночью, в одинокой спальне – предоставленной ей *из милости!* – дала волю слезам. Вот это итог всей жизни! Ей через пару лет исполнится сорок. Профессия заброшена. Муж-однокурсник (нищета беспросветная) выставлен за порог. Детей нет. А сколько сил потрачено, чтоб пробиться в высшее общество! Пока работала, все спускала на фитнес, инновации внешности, парикмахеров, маникюр. И наконец вроде

вытянула богача при нефтяной трубе, счастливый билет. Но чем все закончилось?!

Анжелика за бессонную ночь несколько раз даже на старинную люстру поглядывала. Та висела на соблазнительно крепком, проверенном веками (все-таки замо́к!) крюке. Но покончишь с собой – разве кто-нибудь пожалеет? Наоборот, будут языками трепать, какая она неудачница и слабачка. Нет, мы еще повоюем. Анжелика, правда, пока не решила – как.

Но утром ей позвонил старый хрыч Тимофей Маркович. Отцовский сосед. И сообщил, что родитель лежит в саду мертвый.

Анжелика немедленно вылетела в Москву. Хлопотала, рыдала, организовала роскошные похороны. Между делом выяснила: отцовская дачка тянет как минимум тысяч на семьсот в твердой валюте. Можно продать, а еще лучше сдать – тоже неплохое подспорье.

Но когда нотариус огласил завещание (контора находилась в центре, в особняке), она опять начала коситься на люстру и крепкий крюк. Папаша, сволочь, ее полностью обделил. Отписал загородный дом своей внебрачной дочурке. Какая наглость! Еще и объяснением разродился: «Анжелика замужем, устроена, обеспечена, а Надя – это моя вечная вина и крест».

Старый хрыч! Не в кресте дело. Дулся просто, что она редко к нему приезжает. И что на свадьбу не позвала. Но смешно было бы приглашать нескладного, с кривыми ногтями, мешковато одетого папу на свадьбу в Канны! И навещать его – каков резон? Говорить им не о чем, помогать тоже оснований нет. Пенсия у отца нормальная, плюс всякий фрукт на даче растет.

«Чтоб ты в гробу своем дубовом перевернулся!» – зло подумала Анжелика.

Еще и сводная сестрица – нотариус насплетничал – толстушка, простушка и библиотекарьша. Зато живет в шикарной квартире на ВДНХ. И парень при ней – загляденье. Молод, красив, умен, известен. Журналист в крутой столичной газете.

Одна радость – жениться не хочет.

Тут Анжелике и пришла в голову забавная идея.

Она отправилась в юридическую консультацию. Там подтвердили: раз папаша признал библиотекарьшу своей дочкой, значит, и она, Анжелика, ей теперь сестра.

И если новоявленная родственница умрет, именно сестра наследует все ее имущество, благо других родственников у Митрофановой нет. А что, очень круто будет: не только дом, родовое гнездо, себе вернуть, но еще и половину роскошной квартиры на ВДНХ заполнить.

Сначала Анжелика решила нанять киллера. Расплатиться она сможет, сколько-нисколько денег скопила. Но потом призадумалась: если ее муж так легко вокруг пальца обвел, то убийца наемный – тем более обдурит. Деньги возьмет, но ничего не сделает. Или в полицию сдаст.

Нет, лучше самой. Бесплатно. Безопаснее. Да и мозг тренирует. Когда-то в дозамужней жизни Анжелика в ивент-агентстве работала. Придумывала всякие необычные свадьбы, дни рождения, корпоративы. У нее лихо получалось. Одно из бракосочетаний даже в глянцевый журнал попало – как самое навороченное.

А тут – еще интереснее!

Любой ивент начинается с тщательного выяснения анамнеза, это Анжелика усвоила. Она купила три парика, кучу тюбиков в магазине театрального грима, несколько дешевлеших нарядов. Убедилась, что в новых образах ее не узнать. И начала поглядывать за библиотекаршей. Выяснять ее маршруты. Пристрастия. Любимые местечки.

Но – будто назло! – проклятую девицу всюду сопровождал красавец-журналист. Даже на работу возил. А потом они вместе в свои новые владения отбыли. На отцовскую дачу. Гуляли там сладкой парочкой. Анжелика приезжала. Следила из окна арендной машины. И страшно злилась. Что ходят в обнимку. Что плащ у нескладной толстухи – от «Максамары» и, к сожалению, очень ей идет.

А как сестрицу убрать, чтобы выглядело словно несчастный случай, идей не приходило.

Однажды проклятые голубки решили отправиться в заброшенный замок. Анжелика со злостью наблюдала, как бережно Дима подсадил свою толстуху на высокий первый этаж. И тут ее осенило: хорошо бы смерть сестрицы с давней историей связать!

С таинственной смертью девочки Вики.

В Васильково ведь до сих пор верили: маньяк. И живет где-то здесь. В любой момент готов выйти на охоту.

Вот и надо, чтобы ненавистная сестрица тоже стала его жертвой. Вопрос: как заманить ее в заброшенный дом одну?

Мозг кипел. В голову ничего дельного не приходило. Осложняло дело и то, что Надя с Димой, похоже, чего-то боялись. Даже в магазин ходили только вместе. И он всегда по сторонам поглядывал (Анжелику, правда, ни разу не заметил).

Была она возле их дома и в тот день, когда разгулялась стихия. Дождь, ветрище, уличный свет по всей деревне вырубился. Ясно вроде: уже не выйдут. Но огонек в доме все горел и горел, и Анжелика все ждала и ждала.

Вот и увидела, как влюбленные – поздно, после полуночи – отправились прогуляться. Подкралась поближе, услышала: говорят на повышенных тонах. Ругаются, что ли? Может, сейчас вернуться в машину? Дать по газам – и сшибить обоих?

Нет, ерунда. Авто на ее имя арендовано. Сразу найдут.

Она следила в бессильной ярости, как парочка ненавистных ей людей растворяется в темноте. Бессмысленна ее слежка. Не торчать надо возле их дома – а придумать наконец что делать. И ДЕЛАТЬ!

Анжелика завела мотор. Развернулась. А когда проезжала заброшенный дворец – не поверила собственным глазам. Впереди шла Надя. В своем приметном синем плаще. Одна.

Значит, все-таки поругались. И мадам в гордом одиночестве отправилась в ночь.

Анализировать и предаваться сомнениям было некогда. Анжелика плавно остановилась. Вытащила из багажника первое, что попало под руку: ножной автомобильный насос. И бросилась вслед за сестрицей. Тьма кромешная, кроссовки бесшумные. Надя даже понять ничего не успела – на ее голову обрушился страшный удар. Радуйтесь, жители Василькова. Ваша забава – маньяк! – спустя четырнадцать лет вышел на охоту.

Жертва упала лицом в землю беззвучно. Анжелика хотела сразу бежать – но луна вдруг выглянула из плотных облаков, и в равнодушно-холодном свете стало видно: ногти у мертвой обгрызены. И туфельки грошовые, со сбитыми набойками.

Сердце упало. Анжелика достала из кармана платок. Через него – чтоб не касаться трупа руками – приподняла тело за плечо.

Это была не сестра.

Полная катастрофа!

Луна снова спряталась в тучи.

Анжелика потерянно огляделась. Тьма кромешная. Никого. Нужно мчаться прочь и никогда – больше никогда! – в Васильково не появляться. По крайней мере, в ближайшее время.

Она, стуча зубами от страха, доехала до своей убогой квартирки. Нашла еще в старых отцовских запасах плоскую бутылочку с коньяком и выпила почти залпом.

Убийство, мораль, страдания, угрызения совести – это ее вообще не трогало. Обидно было одно: она снова проиграла.

Утром Анжела проснулась со страшной головной болью. В горле отчаянно пересохло. Питьевой воды в доме не было – пришлось хлебать из-под крана. Кофе не нашлось – для приведения себя в чувство имелся только

отцовский грузинский чай, тоже исключительно древний.

Анжела сидела на сальной, загаженной мухами кухне. Пила смертельно горький чифирь. За тонкой стеной ругались соседи. В квартире сверху выводил рулады телевизор – что-то нудное, вроде канала «Культура». И это теперь – ее жизнь? Хотя другие подружки устроились одна лучше другой?!

Одна на Сицилии, замужем за графом. Другой муженек подарил бизнес, чтобы дома не мешалась, а она превратила единственный маникюрный салон в разветвленную на всю страну сеть. И даже те бывшие однокурсницы и коллеги, кто не делал ставку на олигарха, устроились неплохо. Катька теперь хозяйничает в ивент-агентстве. Карина магазин здорового питания открыла. Маргошка – оригиналка! – управляет автомобильным салоном.

Нет, мымры-подружки! Не дождетесь! Она, Анжелика, тоже вырвет свой кусочек пляжа под солнцем!

Караулить сестру и бить автомобильным насосом по голове изначально было слишком примитивной тактикой. В ивент-агентстве бы осудили. Нужно что-нибудь похитрее придумать. Поэффектнее. И не рубить сплеча, как в прошлый раз, а все идеально спланировать.

Анжелика первым делом занесла в квартиру насос. Тщательно вымыла. Вывезла на дальнюю помойку. Купила новый, точно такой же. Положила в багажник арендованной машины – и вернула ее в прокат.

Потом в очередной раз наведальась в магазин театрального грима. Придумала себе еще несколько образов. И продолжила *разрабатывать* сестричку. На работу к ней приходила. С соседками болтала. С консьержем кокетничала.

Окончательно убедилась: Надя – блеклая тень своего блестящего Димочки. Делает только то, что журналист скажет.

И вообще она крепкая, беспрекословная исполнительница. Если поговорить с ней строгим голосом, любое указание исполнит.

Так и родилась идея для начала сладкую парочку разлучить. Выманить журналиста в Москву. А саму Надьку в это время отправить в правление. Допустим, приказать ей газ на себя переоформить. И по пути – эффектененько, красиво перерубить ее бранный путь.

Много, конечно, имелось шансов, что план не сработает. Вдруг сестрица потащится вместе со своим милым в столицу? Или, прежде чем в правление идти, позвонит Полуянову? Спросит совета, что делать. Или – самое обидное – конфетку со свинцовым сахарком не съест, а банально положит в кармашек?

Но по четкому плану только скучная свадьба в загсе и с тамадой проходит. Любой же оригинальный ивент всегда связан с риском. Ничего. Если не повезет – что-то еще придумаем.

Анжела приобрела на автомобильном рынке бывший в употреблении аккумулятор. Лично вытащила из него свинцовые пластины. Купила конфет. И с удовольствием состряпала на собственной кухне угощение для любимой сестрички.

Главное сделано. Теперь надо решить, каким образом Диму отправить в Москву. Одного.

Болтливый консьерж Вадим Иванович под страшным секретом рассказал Анжелике, что Полуянов (отчаянный человек!), похоже, опять журналистское расследование затеял.

– Им уже и дверь взломать пытались, информацию, видно, искали. Спасибо, я супостата спугнул.

Вот Анжела и придумала: пусть неведомый злоумышленник снова посягнет на квартиру сладкой парочки. Причем посягнет эффектно. Чтобы Дима испугался и свою возлюбленную в пекло уж точно не потащил.

Она приобрела через Интернет охотничье ружьишко. Пару раз сходила в тир. Вспомнила, как отец ее учил: главное – хладнокровие и на курок нажимать плавно. Попутно продолжала приглядывать за сестрицей. Та безвылазно сидела на даче. Журналист почти все время оставался при ней.

Ну, с богом.

Анжелика посмотрела гороскоп. Выбрала день, когда звезды *благоприятствовали* всему, и взялась за дело.

Сначала – осколки стекол.

А потом – и Надиной жизни осколки.

Взяла, дурочка, конфету – и съела.

Прощай, сестричка.

* * *

Выполнив свою миссию, Анжела и вправду хотела улететь на Санторини. Один из приятелей – юный сын богатого ресторатора – давно приглашал ее на свою яхту. Что может быть лучше: сидеть в милом месте, кувыраться с молодым самцом в койке, купаться в море, пить коктейли и ждать звонка от нотариуса?

Угостив Надю свинцовой конфеткой, Анжелика вернулась в отцовскую квартиру. За сумасшедшие деньги купила единственный оставшийся в

наличии билет бизнес-класса на завтрашнее утро. Заказала такси – иномарку класса люкс. И начала пить. Скорее выбросить из головы все, что она сотворила.

Бутылки хорошего коньяка хватило до полуночи. Потом она вырубилась и сладко проспала до семи.

Машина должна была прийти в восемь.

В дверь ее убогой квартирки позвонили в семь сорок пять.

Анжелика не сомневалась: это таксист. В классе люкс предусмотрено, что чемоданы водитель прямо от квартиры потащит. Она распахнула дверь – и в ужасе отступила. В квартиру ввалились пятеро мужчин. Двое в полицейской форме, остальные в безликих рубашечках. А последним в когорте оказался всклокоченный небритый красавец в идеально сидящих джинсах.

– Журналист! – в ужасе прошептала Анжела.

И только сейчас вспомнила, как врала ему, что находится на Санторини. А ванная комната до сих пор завалена театральным гримом. И с кухни она так и не выбросила остатки свинцовых пластин...

* * *

Полуянов забрал Надю из больницы через три дня. Отпускать девушку не хотели, но Дима поклялся: пациентка обязательно продолжит реабилитацию в домашних условиях. Будет пить все положенные таблетки, посещать поликлинику, ездить на процедуры очистки крови – плазмаферез.

Митрофанова была совсем слабенькой. Два шага гордо сделала сама, а потом изо всех сил вцепилась в его руку. Когда вышли в больничный парк (всего-то метров двести пропилили), совсем побледнела, запыхалась.

Полуянов усадил ее на скамейку. Вспомнил:

– Я здесь пытался сигарету стрельнуть.

Надя слабо улыбнулась:

– Дали?

– Нет.

– Молодцы.

– Я потом в ларьке пачку купил.

Ждал: Надюшка (как всегда, когда речь заходит о вредных привычках) сейчас взорвется. Но она лишь плечами пожала:

– Дурак.

И больше никаких комментариев.

Совсем, бедняга, ослабла.

Полуянов обнял подругу, чмокнул в нос:

– Надюха! Ну что ты квасишься? Подумаешь, плохо чувствуешь себя! Не инвалид ведь, не навсегда. Сейчас отвезу тебя на природу, к цветочкам – сразу на поправку пойдешь!

– Да я что, из-за болезни, что ли? – сердито взглянула она. – Мне из-за другого плохо.

– Из-за чего?!

– Анжелу жалко.

– Ты шутишь?

– Дима, какие шутки?! Если человек из-за меня в тюрьму пойдет?!

– Нашла кого пожалеть! – возмутился Полуянов. – Ты ведь чуть не умерла из-за нее! Она хладнокровно, по полочкам, твою смерть планировала! Люсю, ни в чем не повинную, убила. Ее парня подставила. Бедный подросток признание подписал. Готовился на зону идти, лет на десять!

Митрофанова взглянула виновато:

– Да все понимаю я, Дим. Но... Анжелику тоже понимаю. Она в своем праве была.

– Вправе тебя убить?!

– Ну, обидно человеку стало. Это ведь она – не я! – настоящая дочка. Папа ее всегда содержал по-королевски. В конце девяностых в Америку отправил – ты подумай только! Квартиру на нее давно переписал. И дом должен был ей достаться. А тут я встряла. Зачем только она все это затеяла? Просто бы попросить могла! Я бы... я бы ей дачу сама отдала. Честное слово.

«Это уж фигушки», – подумал Дима.

Но промолчал. Прижал к себе Надю еще крепче. Та горестно вздохнула:

– Вообще не надо было появляться в Васильково! Жили себе люди. Спокойно. Мирно. А я появилась – всем удружила. Всем жизнь поломала.

– Так за дело ведь поломала! Лана – та детей, подростков травила. Знаешь, сколько их от спайсов умирают, с ума сходят? – парировал Дима. – А твоя сестрица еще и вывернуться может. Она девушка состоятельная. Возьмет хорошего адвоката. Запросто отделается десяткой на общем режиме. Или вообще аффект докажут. Тогда два года – и на свободу с чистой совестью.

– А Вася этот бедный?

– А что Вася? Вася гуляет. Они с Маргаритой уехали. Строят новую

жизнь. Не знаю, правда, как – без документов, без денег. Но я их сдавать не буду. Обещал. И слово сдержу. Пусть дальше прячутся.

– А Васин отец? Каково ему?!

– Ох, Надя, ну перестань ты! Он взрослый, разумный человек. Его-то кто заставлял в эту историю ввязываться?

Но она все равно продолжала всхлипывать.

Дима гадал, что делать. Он еще со школы впадал в ступор, когда надо было утешать плачущих девчонок.

Наконец, шепнул Митрофановой в ухо:

– А ты, между прочим, в сто раз красивее, чем твоя сестра!

Задумывал комплимент – но Митрофанова разревелась еще пуще:

– Еще и вре-ошь мне!

И тогда Полуянов задумчиво произнес:

– Слушай, а давай – раз ты на больничном... И у меня тоже сотрясение, имею право на законный отдых... Давай время с толком используем?

– Это как?

– Ну, в ЗАГС сходим. Заявление наконец подадим.

– С ума сошел? – она взглянула дико.

– Сошел, – он смущенно заморгал. – Мне, представляешь, видение было. Тогда, в лесу. Когда мне Маргарита врезала. Тебя видел. Строгую такую. Стояла у моего гроба и очень на меня злилась. За то, что так и не стала законной вдовой.

– Как остроумно! – саркастически произнесла Надя.

– Слушай, а ты теперь всегда будешь такой злой? – опасно спросил он.

Она слабо улыбнулась:

– Доктор сказал, что нет. Когда печенку вылечат, подобрею.

– Ну, тогда тем более надо на тебе жениться!

Надя фыркнула:

– Да, блин, романтика. Инвалид делает предложение инвалидке. В больничном парке! Другого места не мог подобрать?

– Ну... у меня нет опыта.

– Могу просветить. Когда зовут замуж, приглашают в ресторан. И кольцо дарят.

– Надь, ну когда мне было кольцо покупать?

– Ладно, Полуянов, – усмехнулась Надежда. – Так и быть. Я подумаю над твоим предложением.

– Только подумаешь?

– А что – сразу «да» кричать?! Я невеста богатая. С квартирой, с дачей. Могу покапризничать.

И Дима с радостью увидел: в Надиных глазах (только что блеклых и ко всему равнодушных) наконец вспыхнули прежние озорные искры.

notes

СНОСКИ

См. об этом в романе А. и С. Литвиновых «Эксклюзивный грех».

«Клуб Дюма, или Тень Ришелье».

См. об этом в романе А. и С. Литвиновых «Звезды падают вверх».

4

Я сейчас должна рассмеяться? (англ.)

См. об этом в романе А. и С. Литвиновых «Отпуск на тот свет».